

Н.В. ГОГОЛЬ
1809-1984

Во время открытия совещания.

РЕЗЕРВЫ АГРАРНОЙ Э

ВСЕСОЮЗНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ

Выдвинув широкую программу повышения благосостояния советского народа, XXVI съезд КПСС на первый план поставил задачу улучшить снабжение населения продуктами питания. Практическое воплощение она получила в реализуемой сейчас Продовольственной программе СССР, которая является важнейшей составной частью экономической стратегии партии на современном этапе. Продовольственная проблема и в хозяйственном, и в политическом плане — центральная в текущем десятилетии. Первостепенное значение придается повышению эф-

фективности использования созданного в сельском хозяйстве потенциала, более полной отдаче ресурсов, направленных на развитие агропромышленного комплекса.

Первые итоги работы по выполнению Продовольственной программы и связанные с ней актуальные вопросы, имеющие жизненно важное значение для страны, обсуждало Всесоюзное экономическое совещание по проблемам агропромышленного комплекса. Оно состоялось 26—27 марта в Москве, в Большом Кремлевском дворце. Бурными, продолжительными

аплодисментами собравшиеся приветствовали товарищей К. У. Черненко, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, В. М. Чебрикова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

В президиуме также — заместители Председателя Совета Министров СССР, руководители министерств, ведомств и агропромышленных объединений, представители партийных, советских и общественных организаций, передовики производства.

В совещании участвуют первые секретари и ведающие вопросами агропромышленного комплекса секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, заместители Председателей Советов Министров союзных республик — председатели комиссий по вопросам агропромышленного комплекса, председатели советов краевых, областных и районных агропромышленных объединений, ученые, руководители и экономисты сельскохозяйственных органов, колхозов, совхозов, обслуживающих их предприятий и

Фото А. Гостева

КОНОМИКИ

АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

организаций, новаторы земледелия и животноводства.

Совещание открыл встреченный продолжительными аплодисментами Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

С докладом «О задачах партийных, советских и хозяйственных органов по повышению экономической эффективности сельского хозяйства и других отраслей агропромышленного комплекса» выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Участники совещания всесторонне обсудили актуальные задачи партийных, советских и хозяйственных органов по повышению экономической эффективности сельского хозяйства и других отраслей агропромышленного комплекса.

С воодушевлением было принято письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу К. У. Черненко, в котором участники совещания заверили, что успешно выполнят задачи, поставленные перед работниками агропромышленного комплекса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 14 (2959)

31 МАРТА 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

В НОМЕРЕ:

Всесоюзное экономическое совещание по проблемам АПК, десять лет с начала преобразования Нечерноземья, сегодняшние заботы селян — этим темам посвящены статья Николая Быкова «Обновление» — стр. 2 и репортаж Г. Розова «К весне готовы!» — стр. 3.

К 175-летию со дня рождения великого русского писателя Н. В. Гоголя: статья Игоря Золотусского «Высокое благородство сердца»; «Всего сорок три года» — документальный рассказ о жизни и творчестве писателя; восемь полос художественных и фотографических цветных вкладок; «Рукописи не горят». В. Ливанов рассказывает о гоголевских реликвиях; репортаж из созданного на Украине заповедника-музея Гоголя и другие материалы — стр. 14—21.

Вот на этом грузовике наш корреспондент Н. Бумагина проехала от Свердловска до Москвы.

Репортаж «Дорогой длиною...» — стр. 8—9.

«Газли: земля дрогнула, люди — нет!»

Фоторепортаж — стр. 4—5.

ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ ГОРОДА

За большие заслуги трудящихся города в революционном движении, их вклад в победу в Великой Отечественной войне, успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, город Алма-Ата награжден орденом Ленина. Этому событию было посвящено 23 марта торжественное заседание городского комитета партии, городского Совета народных депутатов с участием представителей партийных, советских, общественных организаций, трудящихся города, воинов Алма-Атинского гарнизона.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев огласил текст Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении Алма-Аты орденом Ленина и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил к знамени города награду Родины.

На снимке: во время вручения высшей награды.
Телефото И. Будневича и М. Чумина (ТАСС)

ОБНОВЛЕНИЕ

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ —
ДЕСЯТЬ ЛЕТ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Николай БЫКОВ

на тему дня

Десять лет назад, в ясную пору весеннего равноденствия, страна узнала о важном решении партии и правительства приступить к обновлению областей и республик российского Нечерноземья, укреплению их производительных сил. У селян с весной свои многовековые особые отношения, так что высокое и деловое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» воспринято было именно как весенний акт, акт исторического посева на долго.

За ставшим теперь привычным словом «Нечерноземье», за географическим понятием, раскрывавшим некогда лишь смысл почвенно-климатической характеристики, встает судьба отеческих городов и весей, полей и лугов, кормивших народ долгие восемь столетий. Нечерноземье как бы страна в стране, раскинувшейся от Балтики до Курил, — 29 областей и автономных республик РСФСР.

О чем шла речь десять лет назад? Жизнь заставила обратить внимание на судьбы экономики, быта и бытия края, сельскохозяйственные угодья которого занимают 52 миллиона гектаров, из них старые русские пашни занимали 32 миллиона гектаров. Предстояло вдохнуть новую жизнь в места, дорогие сердцам патриотов, сотворить заново малоплодородное поле, заново перестроить села и деревни. Известно, что для хлебопашества и животноводства

именно эта зона считается благоприятной: богатые национальные традиции, предприимчивое, работающее население, гарантированные осадки, долгий световой день. А главное — способность земли и людей на щедрую отдачу при достаточных к ним внимании и капитальных вложениях в дело. Таков характер жителей Нечерноземья: народ тут всегда был дальновиден и дерзновенен.

За десять минувших лет дело продвинулось далеко. Осушение, известкование, расчистка полей от камней и кустарников, наступление на мелколесье... Постепенно повышался агрофон; нечерноземные поля многих хозяйств делались как бы черноземными. По сорок — пятьдесят центнеров пшеницы стали намолачивать в ярославском колхозе «Горшиха», торжокском колхозе «Мир» и в соседнем с ним совхозе имени Ленина, рязанском совхозе «Ряжский», во многих колхозах Горьковской и Брянской областей. И картофеля теперь больше выкапывают, и свеклы, и больше заготавливают трав, кукурузы на силос. Один пример: в совхозе имени 50-летия СССР, что под Калининском, в прошлом году надоили более чем по пять тысяч триста килограммов молока от коровы.

Сейчас в Нечерноземье освоены пятьдесят три миллиарда рублей. Много ли это? Почти вдвое больше, чем за восемь предыдущих лет! Глаз радуют сотни и сотни обустроенных районных центров, обновленных сел и де-

ревень. Свыше шестидесяти квартир построено в каждом хозяйстве — в каждом. Хотя эта цифра и среднеарифметическая, но и по ней можно судить о масштабе идущих работ: тут и новое жилье, и новые школы, детские сады, клубы, магазины... И главное — новые дороги; не везде, но все больше прокладывается дорог, без которых жизнь текла замедленно и скудно.

И еще — на работах в Нечерноземье свои плечи подставили посланцы Узбекистана, Белоруссии, Литвы, Киргизии, Таджикистана, всех союзных республик. Комсомольские отряды этих республик приняли участие в строительстве новых совхозов, дорог, предприятий сельской индустрии. Такое не забудется.

Первые десять лет преобразования Нечерноземья. Только начало. Оно многое обещает. Уже сейчас хозяйства этой зоны, занимающие лишь пятую часть угодий в Российской Федерации, дают треть ее валовой продукции.

Нет сомнения, новым стимулом развития села становятся созданные почти два года назад районные агропромышленные объединения. РАПО — знак интеграла. Под этим знаком сегодня объединены усилия всех организаций, предприятий и хозяйств, живущих в границах родного района. Идея такой кооперации простая, вдохновляющая. Однако не везде сложная районная упряжка действует согласованно и целеустремленно. Печально, что партнеры все еще исповедуют каждый свой

плановый интерес — интерес того или иного ведомства, удаленного от нужд и забот селян за сотни, а то и тысячи километров. Ситуация известных крыловских басен пока наносит ущерб селу и его жителям. Выход? Экономическая политика, фонды, капиталовложения, строительные материалы, новые принципы технического обслуживания колхозов и совхозов — все это давно следует вверить заботам агропромышленных объединений, органов кооперативного соглашения и общих интересов. Жизнь к этому склоняет вопреки устаревшим разведомственным инструкциям. Бег с барьерами — зрелище для стадиона, а вот экономике, хозрасчету, интересам села он противопоказан. Чем больше их, барьеров, тем меньше хлеба, молока, масла, мяса, овощей, фруктов.

И вот в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялось Всесоюзное экономическое совещание как раз по проблемам агропромышленного комплекса. Открыл совещание Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. Он сказал, что «важно в сжатые сроки настойчиво и последовательно решать возникающие проблемы в развитии агропромышленного комплекса. Именно этого ждут от нас люди».

Колхозы и совхозы Нечерноземья только что закончили сельскохозяйственный год с прибылью. Но в четвертом году пятилетки работы не меньше. Интенсивная экономика отзывчива, но она же и ко многому обязывает.

К ВЕСНЕ ГОТОВЫ!

Георгий РОЗОВ

Фото автора

В колхозе имени Г. К. Жукова Жуковского района Калужской области на днях состоялся необычный парад. Перед строгой комиссией из механизаторов-ветеранов и специалистов трех соревнующихся соседних хозяйств выстроились тракторы с культиваторами, сеялками и другими навесными орудиями, которые потребуются на посевной. Строй колхозной техники растянулся вдоль дороги больше чем на километр. Машины одна за другой подъезжали к судейской коллегии. Здесь их придирчиво осматривали и выставляли оценки. Взаимопроверка, к удовлетворению «соперников», прошла при объективном судействе. Протестов не подавали и единодушно признали, что посевная техника колхоза имени Г. К. Жукова подготовлена к весне отлично.

— Десять лет назад, — сказал, подводя итоги смотра, председатель колхоза, Герой Социалистического Труда Иван Михайлович Ермаков, — в эти самые дни было принято памятное постановление о Нечерноземье. Мы тогда тоже готовились к севу, но не было у нас таких прекрасных мастерских, да и техники было намного меньше.

В самом деле, за последние десять лет в колхозе многое изменилось. Построены два крупных комплекса на тысячу двести коров, почти триста квартир с присадебными постройками, два детских сада, Дворец культуры, торговый центр, здание правления колхоза, два картофелехранилища, завод травяной муки, тридцать километров дорог с твердым покрытием, два асфальтированных крытых тока, склад минеральных удобрений, лагерь труда и отдыха для колхозной ребятни, узел связи, больница... Список этот можно сделать, конечно, гораздо обширнее. Можно, не слишком преувеличивая, сказать, что колхоз заново родился.

Вложенные в хозяйство миллионы решили и кадровую проблему. И не только ее. Они помогли поднять до уровня передового отстающий колхоз имени С. М. Кирова. Пять лет назад его присоединили к набравшему силу колхозу имени Г. К. Жукова. Зоотехник-селекционер Анна Григорьевна Разгонова рассказала:

— Вполне понятно, что таким образом мы были отброшены по многим показателям на несколько лет назад. Перед объединением у нас выдавали по четыре тысячи двести литров в год от каждой коровы, а у соседей — вдвое меньше. И хотя нам еще не удалось выйти на прежний уровень, но мы к нему вплотную приблизились. Сейчас каждая корова дает три тысячи восемьсот тридцать пять литров молока, а стадо, заметьте, увеличилось. А вот еще один итог минувшего десятилетия. В 1974 году каждый колхозник производил продукции на три тысячи сто рублей, а в 1983 году эта цифра увеличилась на две с половиной тысячи рублей. Вполне понятно, что выросла и оплата труда.

Земли передового хозяйства раскинулись по обе стороны реки Протвы. Обширные заливные луга — богатство здешних мест. Но по весне Протва разливается. Для людей налаживали лодочную переправу. Даже молоко на лодке возили с одного берега на другой, а уж о технике и говорить не приходится. Мостик деревянный и сегодня стоит, но теперь новый, железобетонный — почти миллион рублей стоил — мост высоко завис над поймой Протвы. Никакому полководцу его не сокрушить.

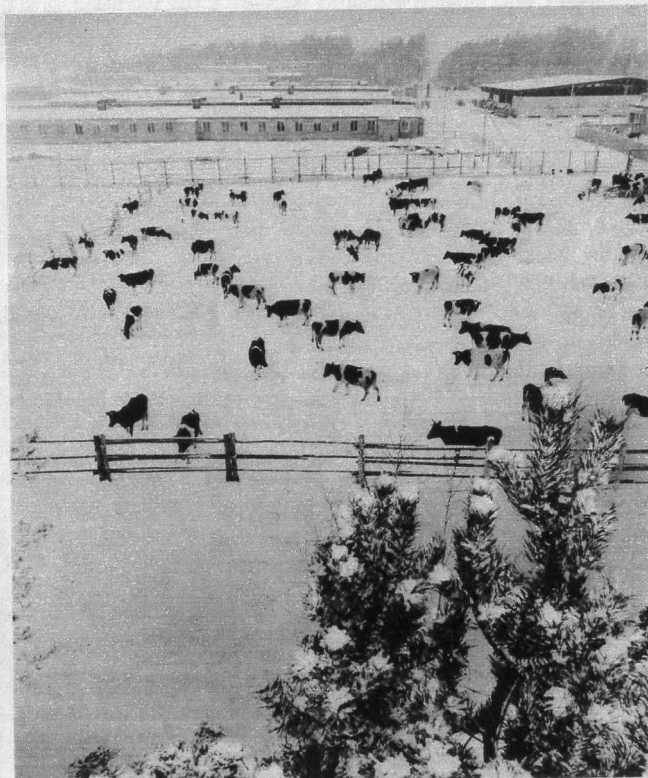
Мне кажется, посмотришь на эти два моста над красивой русской речкой, и сразу станет ясно, какой путь прошла наша деревня с марта 1974 года.

Жизнь прекрасна и удивительна!

Председатель колхоза И. М. Ермаков.

Зимняя прогулка.

Парад колхозной техники: к весне-84 готовы!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

Трибуна ПАРТИЙНОЙ МЫСЛИ

В апреле 1924 года, через два с половиной месяца после кончины В. И. Ленина, вышел в свет первый номер журнала «Большевик», с 1952 года — «Коммунист». Созданный по решению ЦК РКП(б), принятому еще при жизни Владимира Ильича, он стал теоретической и политической трибуной партии.

Публикации журнала отличает глубина пропаганды идей марксизма-ленинизма, научного коммунизма, освещения актуальных проблем коммунистического строительства, мирового революционного процесса. Сотни номеров журнала, вышедших за 60 лет, — это яркая летопись героической истории Коммунистической партии Советского Союза, возглавившей впервые в истории человечества борьбу за создание общества социальной справедливости. Отстаивая чистоту идеалов марксизма-ленинизма, журнал непримирим к антинаучной, буржуазной и реформистской идеологии, к любым проявлениям оппортунизма, ревизионизма.

Авторитет «Коммуниста» — и в нашей стране и за рубежом — создавался многими поколениями его авторов. Среди них видные партийные и государственные деятели, ученые и мастера культуры, новаторы производства.

Со страниц журнала к читателям нашей страны и к зарубежным борцам против фашизма и империализма обращали свое пламенное слово выдающиеся деятели международного коммунистического и рабочего движения.

Миллионы людей — партийных работников, ученых, рядовых коммунистов — благодарны журналу за то, что он открыл для них многие десятки новых документов, принадлежащих перу К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина — неизвестных ранее теоретических работ, заметок, писем.

Публикации журнала отличает способность увязывать коренные вопросы теории с практикой коммунистического строительства, с задачами, стоящими перед страной на современном этапе.

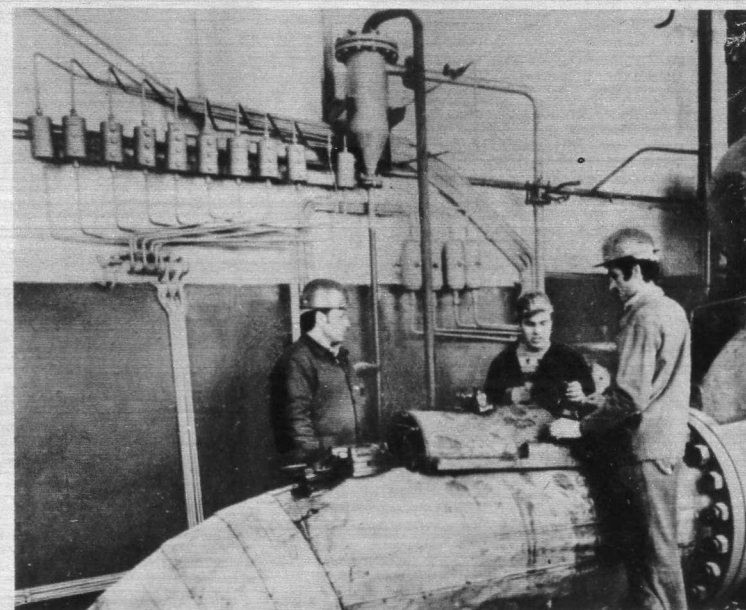
60-летие «Коммуниста» отмечается в знаменательное время. На XXVI съезде КПСС, ноябрьском (1982 г.) и февральском (1984 г.) Пленумах Центрального Комитета обоснован и разработан ряд важнейших теоретических и политических проблем совершенствования развитого социализма, улучшения управления народным хозяйством на научной основе, утверждения ленинского стиля работы партийных комитетов на всех участках коммунистического строительства.

Журнал «Коммунист» помогает своими публикациями партийным комитетам, советским и хозяйственным органам концентрировать коллективную мысль, энергию коммунистов, всего народа на нерешенных задачах, на ключевых проблемах настоящего и будущего.

ГАЗЛИ: ЗЕМЛЯ ДРОГНУЛА, ЛЮДИ — НЕТ!

Своевременная медицинская помощь жителям Газли.

На газопроводе Бухара — Урал.

с места события

Вячеслав
КОСТЫРЯ,
сбор
«Огонька».

Фото
А. ВАНШТЕЙНА,
А. МИРЗАДЖАНОВА

Что ни говори, к этому невозможно привыкнуть, — когда стены твоего жилища, вибрируя, потрескивают, полы норовят уйти из-под ног, а посуда на полках в судорожном перезвоне: землетрясение! Узбекское имя его — «зилзила» — выразительно передает лихорадочную звуковую окраску бедствия.

Полный набор признаков начала «зилзилы» жители города газодобытчиков Газли, расположенного в песках Кызылкум неподалеку от Бухары, ощутили в половине второго часа ночи по местному времени 20 марта. Самое сонное время! Но, спешно покидая жилище и производственные помещения, люди в считанные секунды успели сделать все для предотвращения пожара, назвав впоследствии эти секунды «мгновениями милосердия» стихии. Почему все-таки успели?

— Дом наш крепкий был, сразу не сломался, — просто пояснила школьница Светлана Ямасова, играя со своим четвероногим другом возле в конце концов разваленной двухэтажки: толчки-то превысили 9 баллов! — Ничего, дружок, скоро снова будем жить под крышей... — продолжила девочка

ПО ПОДПИСКЕ И В РОЗНИЦУ...

В «Союзпечати» оперируют солидными цифрами: более девяти тысяч наименований газет, журналов и выпусков научно-технической информации разовым тиражом около 400 миллионов экземпляров! И понятно, что «Союзпечать» сегодня — это современные электронно-вычислительные машины, обстоятельная и оперативная диспетчерская служба, это АСУ и другие средства автоматизации и механизации... Но это еще и десятки тысяч киосков и магазинов, возле которых мы в торопливом своем утреннем раскладе времени непременно приостановимся — то ли свежую газету приобрести, то ли журнал перелистать.

Но как за такими масштабами не упустить частности, как помочь каждому изданию скорее найти своего читателя — будь то подписчик (в среднем одна семья сейчас выписывает почти 6 изданий!) или «разовый» покупатель? Читательские вкусы и привычки в наше динамичное время меняются довольно быстро, тем более что выбор периодики велик и представляет. И начинают работники «Союзпечати» использовать и данные социологии. Журнал «Распространение печати» опубликовал интересные заметки социологов и практиков отрасли. Оказалось, что далеко не все возможные формы работы вошли в круг повседневных забот сотрудников «Союзпечати». Да и не сделать этого в одиночку... Важно другое — в «Союзпечати» стремятся использовать современную науку и технику; ищут и пути, которые позволят лучше узнать читательскую аудиторию...

Обо всем этом и о многом ином шел обстоятельный, конкретный разговор на совещании, проведенном в «Союзпечати». Я и не приметил того момента, когда открывший совещание заместитель министра связи СССР В. Н. Лебедев и докладчик, начальник Главного управления по распространению печати Л. Д. Барашенков говорили о достижениях (а они есть: план свой «Союзпечать» выполнила почти на 103 процента!), так как основное внимание выступавшие уделили нерешенным задачам и проблемам.

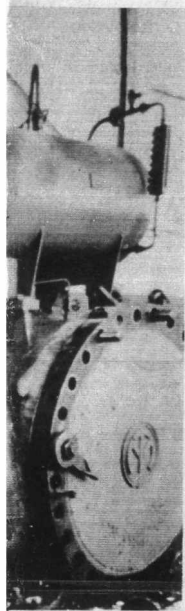
— Велика наша ответственность перед читательской аудиторией, и мы должны отчетливо это понимать, — сказал, в частности, Л. Д. Барашенков.

К. КОСТИН

Участники совещания познакомились с макетами новых киосков «Союзпечати».

Фото Д. Дебабова

«Ничего, дружок, скоро будем жить под крышей!»

свое занятие, сочтя вопрос исчерпанным.

Действительно, после землетрясения 1976 года строили здесь на совесть, да и «узелки на память» стали четкими пунтами аварийных инструкций, особенно для тех, кто обслуживает головные сооружения газопроводов Бухара — Урал и Средняя Азия — Центр.

— В 1976 году уже после первого толчка вспыхнул газ на турбокомпрессорной, и пылающий поток грозил надолго вывести из строя газовую рену, — отметил в беседе с журналистами секретарь парткома объединения «Газлинефтегаздобыча» Ибрагим Сафаров. — А теперь вот факт: не было загорания газа! Дежурная смена Хамид Ачилова сделала все для предотвращения аварии. Главный вывод: земля дрогнула, люди — нет!

— Земля ходила ходуном, — дополнила рассказ заместитель секретаря парткома Валентина Ивановна Назарова. — В домах и на улицах погас свет. Это осложнило эвакуацию, но она прошла без паники. Наши коммунисты и комсомольцы тут же принялись за дело. Провели переключки на улицах — поквартирно. Выяснили, кто нуждается в помощи медиков.

Уже до наступления рассвета в Газли прибыл самолетом оперативный отряд медицинских работников Бухарской областной больницы. Как показал подсчет, ушибы, ранения, травмы получили более ста газлийцев, пятеро из них госпитализированы. Несколько позже стало известно, что ближе к эпицентру, на усадьбе соседнего с Газли совхоза имени Буденного, погиб под обломками дома один человек — Джумабек Нургалиев. А в самом Газли в эту ночь родилась (при свечах!) девочка, которой родители дали имя Омонгуль, что значит «Спасенный цветок». Вскоре пришло сообщение о рождении мальчика, названного тоже, так сказать, под настроением — Куванч, то есть «Счастье». Жизнь есть жизнь, и она берет свое, несмотря на тяжкое бедствие.

С первых же часов «зилзилы» жители Газли оказались в центре заботливого внимания всей страны. В небе и на земле открылись «зеленые улицы» для грузов, адресованных им: лекарства, продукты, палатки, посуда, стройматериалы из Москвы и Киева, из Волгограда и Тюмени, из Фрунзе и Одессы, из Краснодара и Львова. После восстановления линий

электропередачи жизнь быстро вернулась в свою колею. Газовики уже вышли на привычные объемы добычи.

Принимаются меры по ликвидации ущерба, нанесенного самой Бухаре, соседним городам и поселкам. Устояли знаменитые бухарские памятники культуры, хотя некоторым из них потребуются небольшой, можно сказать, косметический ремонт. А вот трикотажная, шелкоткацкая фабрика, пивзавод пострадали, особенно цехи, расположенные в старых помещениях.

И вот что примечательно: бухарцы, как и газлийцы, и жители Кагана, Ромитана, Навои, полны оптимизма, даже подшучивают друг над другом. Трикотажники и шелковники, например, над пивоварами:

— Это вас «зилзила» за неважное качество пива наказала!

А пивовары в ответ:

— Неужели и в новых зданиях будете старые фасоны гнать?..

Смеются люди в таких обстоятельствах — значит, душа на месте. А это всегда половина дела, точнее сказать, залог уверенной победы над стихией.

Сюрприза этого едва ли
Захватчик с шефом ожидали.

СУЕТ ПОВСЮДУ
ВАЖНЫЙ БОСС
СВОЙ АГРЕССИВНЫЙ
ДЛИННЫЙ НОС...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

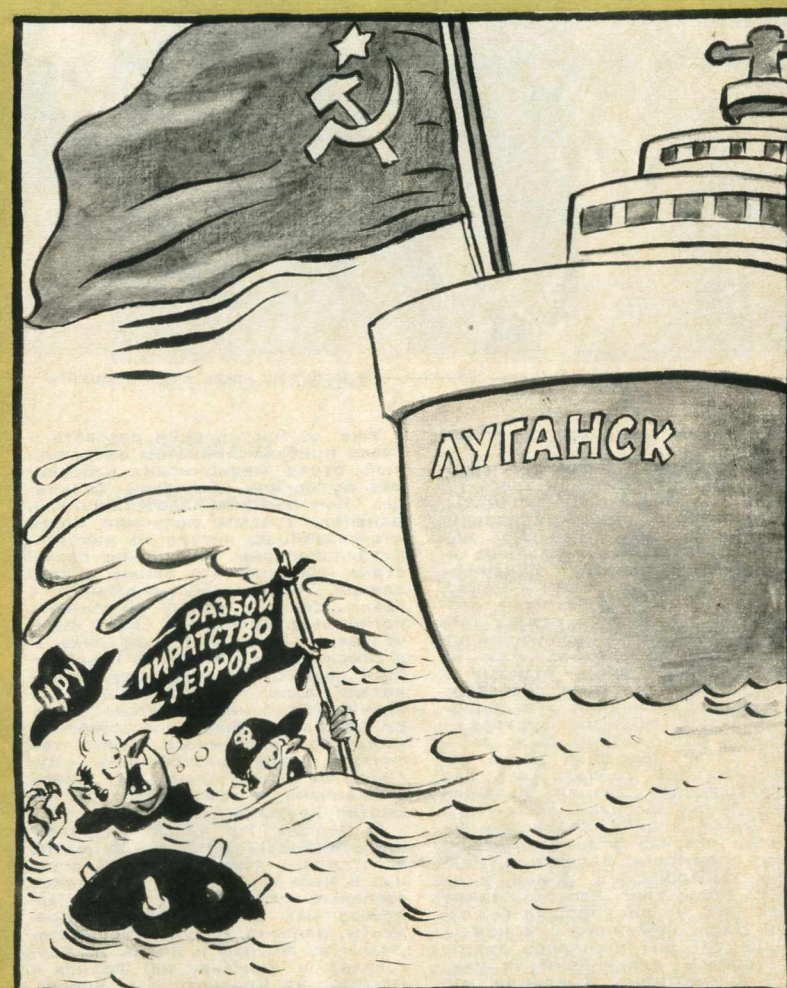
Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

У дальних берегов хлопчет —
Погреть на схватке лапы хочет.

В большое кресло тащат Штаты
Очередного «демократа».

Нахально запугать пытались —
Но диверсанты просчитались.

...НО БОСС И ТЕ,
КТО ВМЕСТЕ С БОССОМ,
ВСЕ ЧАЩЕ
ОСТАЮТСЯ С НОСОМ!

РАЗБОЙ

Океан необыкновенно спокоен, словно застыл, как нестерпимо сверкающее на солнце гладкое стекло. Далеко впереди едва заметен на фоне бледно-голубого неба дымчатый силуэт танкера «Луганск». Картина эта, столь мирная и тихая, кажется, не допускает и мысли о том, что на днях здесь взорвалась мина, что в носовой части танкера — пробойна и что ранены четыре члена его экипажа. Но так было.

Еще на бетонном причале Пуэрто-Сандино в ожидании катера мне удалось поговорить с заместителем начальника главного управления госбезопасности Никарагуа команданте Мануэлем Кальдероном и командующим военно-морскими силами тихоокеанского побережья капитаном Гватемалой. По их словам, мина была сброшена в акватории порта американским вертолетом, который поднялся с палубы фрегата ВМС США, нагло вторгшегося в никарагуанские территориальные воды за шесть дней до этих событий.

«Агрессивная акция, осуществленная американской военизированной группой против советского судна», — сказал Мануэль Кальдерон, — одно из звеньев по-

литики Белого дома в отношении Никарагуа. Нас хотят изолировать от мира, задуть блокадой, создать обстановку напряженности и неуверенности внутри страны. Эта диверсия еще раз подтверждает, что администрация президента Рейгана готова использовать самые грязные методы — политический и военный шантаж, диверсии, открытое вторжение, — лишь бы расправиться с нашей революцией».

На палубе «Луганска» — идеальный порядок. Вахтенные матросы сноровисто и споро перегружают с подошедшего катера корзины с фруктами и посудой (своя разбилась во время взрыва). Ни следа подавленности. Только неестественно торчащая на полубаке грузовая стрела, будто сломанная мощная рука, напоминает о вчерашнем. Она обрушилась, когда «Луганск» наскочил на мину, и по счастливой случайности не задела никого из находившихся на палубе. Вообще танкер уцелел тоже «по счастливой случайности». Взрыв мины оставил пробойну в носовом отсеке, отделенном тонкой стальной переборкой от танков с нефтью, исковеркал в нем все, разбил тяжелый по-

жарный насос. Если бы взрыв пришелся на четыре (!) метра дальше — только на четыре, отделяющих пробойну от переборки... Тридцать четыре тысячи двести двадцать тонн нефти не оставили бы от судна даже пепла. Сила взрыва и огонь покончили бы и с Пуэрто-Сандино. Он просто перестал бы существовать, как считает капитан Гватемала.

— Судно не то что вздрогнуло, а как-то «перегнулось» в середине корпуса, а потом по нему, «растягивая» металл, прошла взрывная волна, — рассказывает первый помощник капитана «Луганска» Борис Наронов. — Не знаю, сколько это длилось. Мне показалось — вечность. В мозгу одна мысль: сейчас нефть полыхнет! Но обошлось. Ребята сразу же рванулись на нос. Кто вниз — в помповый отсек, к пробойне, кто — помощь пострадавшим оказывать. Наши четверо раненых, прямо скажу, — герои. Главное тогда было мгновенно застопорить ход, чтобы не наскочить еще на одну мину (кто знал, сколько их там нажидались). Они и якоря отдали, закрепили их. Словом, сделали все необходимое. Штурман Третьяков даже до телефона

дополз и на мостик доложил...

Высоченный седой лоцман Пит Грин, американец, почти двадцать лет проработавший в здешнем порту, тоже находился на борту «Луганска» в момент взрыва.

«О, русские матросы — мужественные люди! — с восхищением говорит он. — А те, кто ставит мины в мирных портах, — негодяи, к какой бы нации они ни принадлежали». — И Пит с возмущением опускает огромный кулак на перила капитанского мостика.

Смеркалось. Блестели в лучах закатного солнца смуглые тела никарагуанских моряков, заводящих толстые, крепкие канаты. «Луганск» готовился сливать нефть. На кормовой палубе быстро и четко работала наша вахта. Под воду ушли рукава шлангов, и по трубам, проложенным по океанскому дну до гигантских резервуаров на берегу, пошла нефть, так необходимая никарагуанской революции...

Сейчас «Луганск» уже держит курс к родным берегам.

Михаил БЕЛЯТ,
соб. корр. АПН — специально
для «Огонька»
Пуэрто-Сандино — Манангуа.

БАСТУЮТ ШАХТЕРЫ АНГЛИИ

Они отказываются спускаться в забой, добиваясь отмены планов национального управления угольной промышленности закрыть десятки шахт, что приведет к увольнению многих тысяч шахтеров. Более восьми тысяч полицейских были брошены консервативным правительством на борьбу с бастующими горняками.

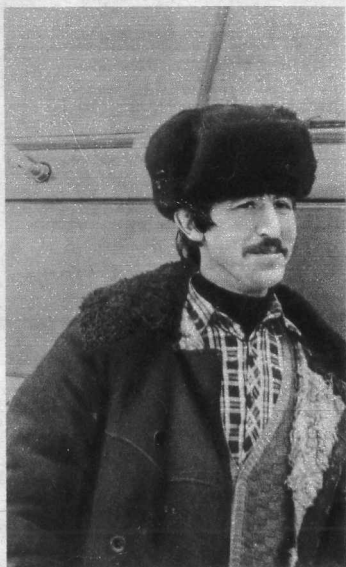
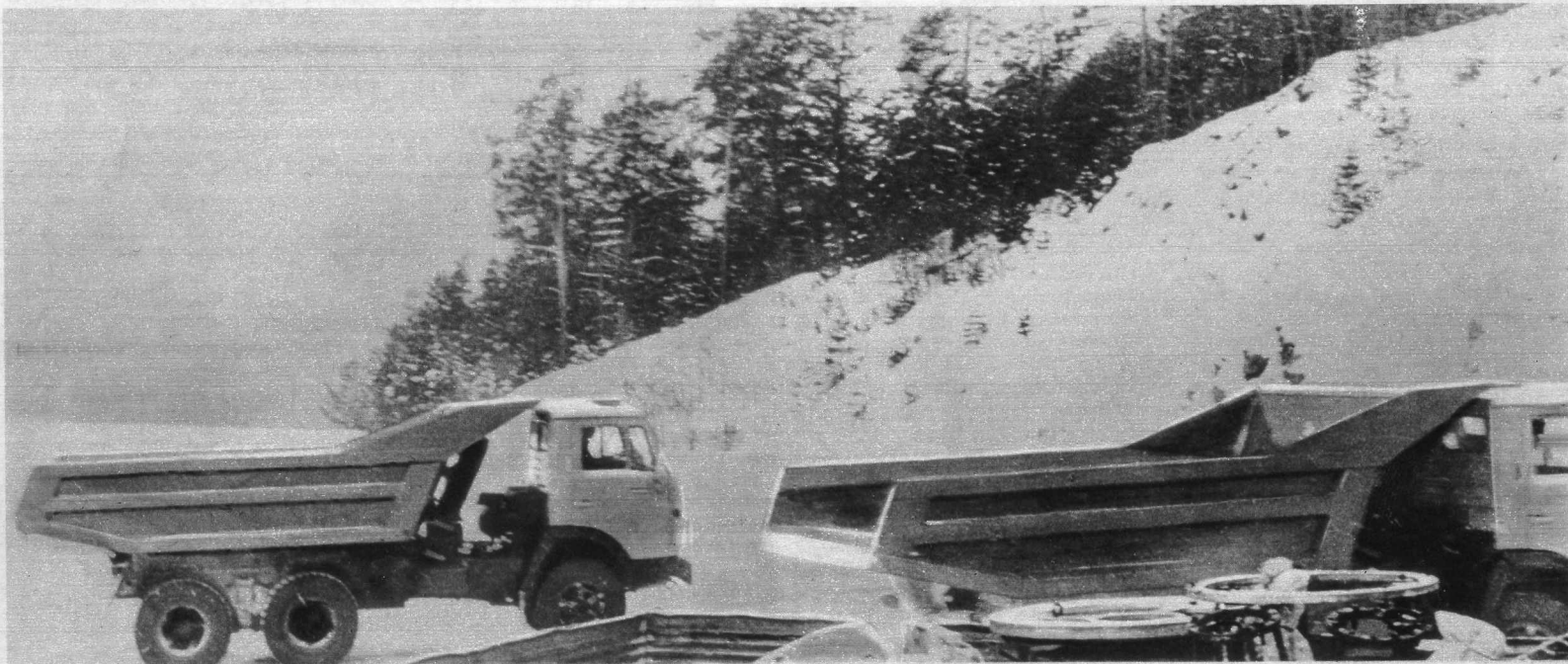
Операции против забастовщиков, как указало телевидение Би-би-си, координировались из специально организованного центра связи в Скотланд-Ярде — штаб-квартире полиции в Лондоне. Отсюда направлялись на различные шахты Британии усиленные отряды «блестителей порядка», которые занимали подступы к шахтам, останавливали машины с пикетчиками. На многих шахтах Ноттингемшира, Ланкашира и других графств северной части Великобритании были выставлены полицейские патрули с собаками, подготовлена конная полиция.

Границы многих графств страны, где расположены шахты, были, по сути дела, закрыты сильными полицейскими кордонами. Через них не пропускались машины с пикетчиками. Однако сломить забастовщиков властям не удалось.

На снимке: полиция разгоняет пикет шахтеров в графстве Йоркшир.

Телефото АП — ТАСС

Шофер Юрий Михиенков.

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПРОЕХАЛ ОТ СВЕРДЛОВСКА ДО МОСКВЫ НА АВТОМОБИЛЕ «КАМАЗ». ПОВОДОМ ДЛЯ ЭТОГО ПОСЛУЖИЛО ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ ИЗ ГОРОДА ПОДОЛЬСКА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ:

«Уважаемая редакция! Я старый шофер, исколесил в свое время дороги Урала, Сибири. Ездил на стареньком «ЗИС-150». Зимой сидишь в шубе, валенках, а все равно холодно. Теперь на дороги вышли новые, мощные машины. Смотрю, завидую. В кабинах тепло, просторно. А как шоферам живется в долгом пути? Где они едят, спят, кто ремонтирует машину? Иногда подхожу к остановившемуся грузовику с иногородним номером, спрашиваю об этом. И слышу невеселые рассказы. Может быть, кто-нибудь из вас решится на путешествие в грузовике, да подальше, посмотреть, чем живет трасса.

А. НЕМЧИНОВ, пенсионер».

**КОМАНДИРОВКА
ПО ПИСЬМУ
ЧИТАТЕЛЯ**

На въезде в Уфу. Такие таблички красовались на всех колонках с дизельным топливом.

**Наталья БУМАГИНА,
фото автора**

ДОРОГОЙ ДЛИННОЙ...

В один пасмурный день нынешней зимы три ярко-красных «КамАЗа» с прицепами, осев под тяжестью шестнадцати тонн груза каждый, покинули ворота родного предприятия — автоколонны № 1211 в Свердловске. Предрейсовый осмотр врача, проверка световой сигнализации, спидометров — все это позади.

А впереди — две с лишним тысячи километров. Я еду в машине, бортовой номер которой 02—31 СФШ. Шофер — Юрий Александрович Михиенков, кандидат в члены КПСС.

Я знала, что тридцатилетний Михиенков — бригадир комплексной бригады, где около тридцати водителей, работающих по бригадному подряду. И получается это у него, по отзывам руководителей, здорово. Но здесь, в нашей теперешней поездке, Юрий — простой шофер-

дальнорейсовик. За рулем он десять лет.

Наша машина замыкает небольшой автокараван. Лидируют грузовики Николая Николаевича Масагина, ровесника Юры, и Владимира Ивановича Беспалова — он самый старший в «нашей команде».

Мы все уже немного подружились. Почти целый день вместе — ездил на погрузку, заправку. Заняв очередь среди множества машин, ребята посоветовали мне сходить пообедать.

— А вообще-то и в кино успеете, здесь не меньше трех часов проторчим. В Свердловске всегда мучаемся с заправкой.

Они были правы. Кстати, такое положение не только в Свердловске.

В дальний путь мы отправились уже совсем под вечер. Первое «плечо» (отрезок пути на языке шоферов) — до Челябинска. Трасса широкая, с улучшенным покрытием. Однако даже на этом участ-

ке нет ни заправочной, ни ремонтной станции, не видела я и телефона.

Обзор в машине хороший, кабина высоко над двигателем. В левом боковом зеркале убегает назад дорога, в правом мелькает обочина. Кабина просторная, в ней свободно могут разместиться три человека. За сиденьями — спальное место. В пути машина — второй дом шофера, тут должно быть все пригнано точно по местам. Так и заведено у Юрия. Во всем чувствуется хороший хозяин. Чуть остановка — водитель выходит, берет щетку, тщательно метет пол, выбивает пыль отовсюду. Потом одним каким-то очень ловким движением вскакивает-взлетает в кабину. Усаживается поудобнее. Едем дальше.

Быстро стемнело. И вдруг...

— Смотрите, лоси!

На фоне заснеженного леса, освещенные луной, стояли два кра-

савца. Их не пугала близость дороги. Похоже, что они подходят сюда специально, чтобы из своего «зрительного зала» посмотреть на «сцену». Это впечатляет: проносятся друг за дружкой ярко подсвеченные громадины. Совершенно фееричны ночью машины с прицепами, вписывающиеся в поворот, когда начинают мигать желтые поворотные сигналы. Но для шоферов темнота, конечно, трудное время.

Я спрашиваю Юрия:

— Что так осторожно едем, дорога-то хорошая.

— Это только кажется при дальнем свете. А вот так? — Он на секунду переключил свет фар на ближний свет, и я увидела, что под нами сплошной каток-гололед...

— Черт возьми, что-то у Николая случилось.

Да, передняя машина мигает нам тормозным стоп-сигналом. Оказалось, оборвало болт креп-

ления какого-то блока (простите мою некомпетентность). Дотянули до стоянки. Решили тут же и поесть.

— А куда пойдем? — Я оглянулась. Кроме сугробов, далеко вокруг ничего не было видно, как у поэта, «ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег...».

— Прямо здесь. Пока мы во-зимся с машиной, вы хозяйничайте. Вот припасы.

Пришлось приспособляться к необычным условиям. Кухней нам служило пространство между машиной и прицепом. Там, на буксирном крюке, который шоферы называют запросто дышлом, удобно размещаются два примуса. На одном варится суп, на другой ставится чайник. Можно, конечно, проделать эту процедуру в кабине, но очень запотевают стекла, пахнет бензином, да и небезопасно это. А пока мороз не очень сильный, можно и на улице.

Готов суп, вскипел чайник, мы вместе забираемся в одну кабину и, держа миски на коленях, едим. Без ложной скромности скажу: суп получился неплохой, тем более что ребята не забыли прихватить лавровый лист и перец.

Потом не спеша чаевничаем, говорим и о том, где же шоферу есть в пути.

— Конечно, один-два раза, да еще в компании, — говорит Николай, — походная трапеза приятна и интересна. Но если несколько раз в день, да при ограниченном запасе воды, — надоедает. Вот почему вы и видите нашего брата в пути осунувшимся, с темным лицом. Значит, или совсем всухомятку обходился, или в лучшем случае чай вскипятил. Сегодня мы хотели поужинать возле Златоуста. Но из-за этой вот поломки не успели бы. Все придорожные харчевни, а их немного, закрываются рано, в семь-восемь вечера.

Мы раза три воспользовались услугами общепита. Но и в Жигулевске, и в Беднодемьяновске, и в Коломне чувствовалось, что не шоферы в столовых должностные гости. Там по трое, четверо коротали время заведомо. Они явно никуда не торопились, и больше всего их беспокоило, «уважают ли они друг друга».

До смешного доходило: останавливались у столовых, а руки мыли, привычно сливая друг другу из канистры. Краны сломаны.

Я уж не говорю о других необходимых человеку бытовых удобствах. Даже нехитрые сооружения с буквами «М» и «Ж» стали появляться на стоянках где-то с середины нашего пути.

Что бы мы сказали о заводе или фабрике, где работают двадцать тысяч человек и где нет столовых и элементарных бытовок? Между тем в таком положении оказывается именно столько шоферов, которые ежедневно садятся в кабины машин, курсирующих по дорогам России, занятых на межобластных рейсах. А ведь есть еще межреспубликанские и международные перевозки!

...Чай допит, посуда вымыта и распределена по местам. Все немного передохнули — снова в путь.

— В первые сутки всегда идем как можно больше, пока есть запас сил. Вторые — самые труд-

ные, а на третьи — уже стягиваешься в ритм, — объясняют мои попутчики.

Первый день на исходе. Сворачиваем на стоянку, где уже столпилось машин двадцать. Теперь очень точно нужно встать против ветра. Ведь пока шоферы спят в машинах, двигатель работает, и велик риск отравиться выхлопными газами.

Вы спросите: почему надо спать в машине, жечь понапрасну топливо? Да потому, что водители на горьком опыте убедились: в малочисленных трассовых гостиницах не хватает мест и, самое главное, нет охраняемых стоянок для их машин, а шофер несет материальную ответственность за груз, часто очень ценный. Но даже если бы вдруг случилось такое везение — и «седока» и «коня» приняли, то утром «седок» не сможет стронуть «коня» с места. Застывший двигатель не запустит: нужно много горячей воды или горячего воздуха. Такими удобствами не оборудовано ни одно придорожное пристанище. А климат здесь далеко не жаркий: полгода «снег да снег». Вот и вынужден шофер ночевать в кабине. Между тем утром, заглянув на указатель уровня топлива в баке, водитель обнаруживает, что 70—80 литров как не бывало.

— Да, именно столько «сжигает» «КамАЗ» за ночь, — сетует Юра. — А ведь я бы мог проехать на них километров триста. Настаких двадцать тысяч, вот давайте и прикинем, сколько улетает в

воздух каждую ночь ценного топлива — полтора миллиона литров! Наверное, дешевле бы обошлись простые домики при дорогах, но чтобы это именно для шоферов было удобно, с охраняемым закрытым двором, с буфетами, работающими часами с шести утра, когда мы и выезжаем на трассу. Но все это «семечки» по сравнению с крупной поломкой в дороге. Пришлось мне несколько раз «позагорать». А зимой такой «загар», ох, как тяжело дается! Бесишься от бессилия. Но, тыфу, тыфу, будем надеяться, что на этот раз обойдемся без поломок.

Увы, не обошлось. К исходу шли вторые сутки нашего пути, когда «полетел» компрессор одной из машин. А без него двигатель мертв.

— Застрали, кажется, надолго, — сказал Юрий. Он накиннул полушубок и выпрыгнул из кабины — помогать товарищу.

— Не скажите, — бросил он мне ободряюще.

Был ранний вечер, беда застала нас в Жигулевске — спутнике города Тольятти. «Ну здесь-то уж, в автомобильном краю, не дадут нам пропасть», — подумала я.

Шли часы. Я то выходила из машины, пытаюсь как-то помочь ребятам — ну, хоть подать что-то или поддержать, — то опять залезала в кабину: ветер пронизывал. Обычно улыбка лица моих товарищей сделались жесткими.

— Нет, надо ехать за помощью: ничего не получается.

На одной из машин доехали до автомастерских. Обратились к заведующему.

— Ничем помочь не можем: нет запчастей, — был ответ.

И опять три опытных водителя бились над этим несчастным компрессором. Несколько раз разбирали и собирали его, пока тронулись в путь. Потеряны целые сутки, а замена компрессора заняла бы около часа.

Отъехали недалеко от Жигулей и видим, что товарищи уже сигнализуют нам — остановитесь! Что случилось?

— Не можем, глаза слипаются, надо поспать...

Сказалось нервное напряжение, да и работа весь день на ветру и морозе тоже давала себя знать.

Вот и подумалось: автомобиль, конечно, сложная машина, и всегда может что-то выйти из строя. К тому же у водителя нет связи, нет тягачей для транспортировки машин в места ремонта. Есть приказы, обязывающие закрепленные автопредприятия оказывать помощь при поломке. Но приказами сыт не будешь: они не выполняются.

В сообщении ЦСУ РСФСР от 1 февраля 1984 года говорится, что уменьшился выход грузовиков на линию, снизилась их производительность. Причин такого неблагополучия много. Думается, что среди множества причин свое место занимают и те «ухабы», о которых мы рассказали. А как считает Министерство автотранспорта РСФСР?

ТЕАТР ФРОНТОВЫХ НОВЕЛЛ

Клубу ветеранов Великой Отечественной войны при Измайловском парке культуры и отдыха столицы — двадцать лет. С первого же дня своей жизни клуб поставил главной задачей военно-патриотическое воспитание молодежи.

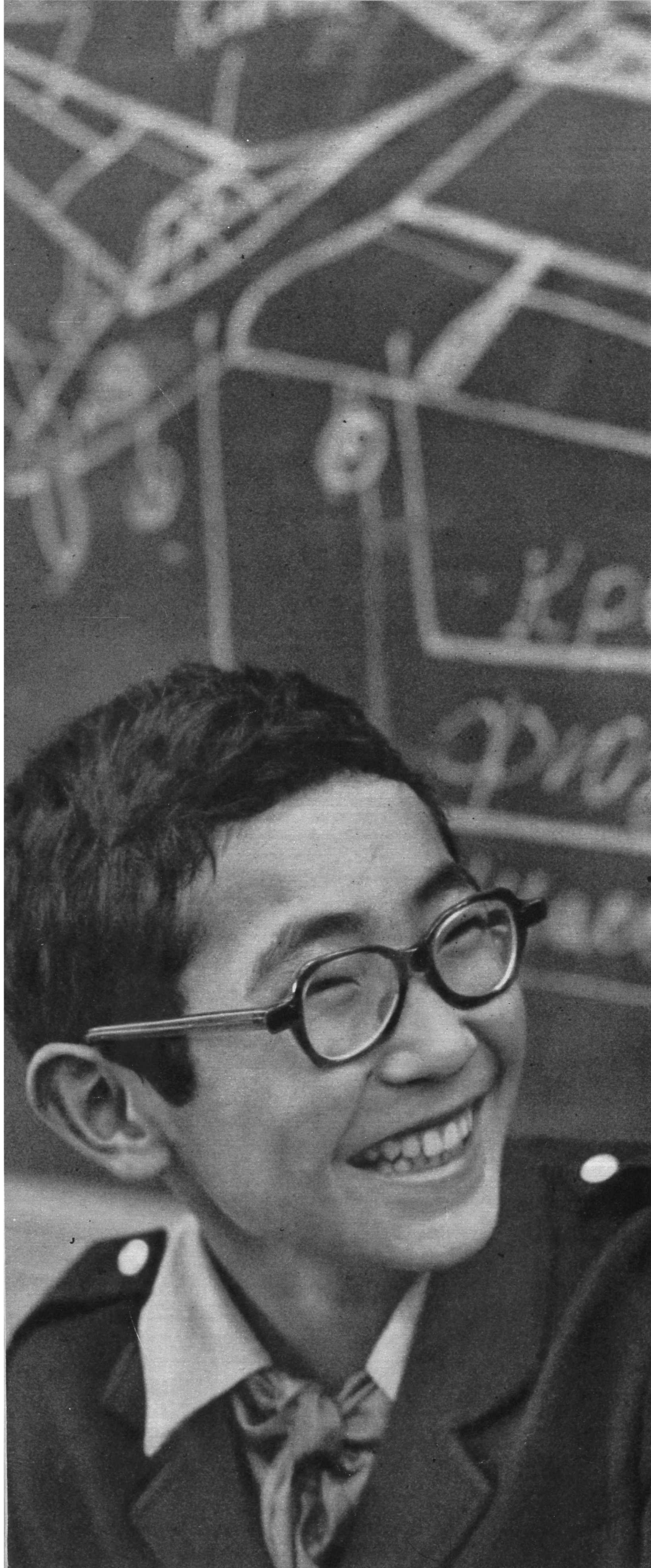
— Среди членов клуба люди с удивительными биографиями, — рассказывает главный режиссер Серафим Иванович Китаев. — Простой рассказ о жизни каждого — новелла... И не воспользоваться этим невозможно! Я режиссер по образованию, поэтому и решил ставить с помощью антеров-ветеранов такие документальные сцены, которые воскрешали бы яркие эпизоды Великой Отечественной войны... Вот так мы стали своеоб-

разным Театром фронтовых новелл. Хотя и не перестали быть клубом.

Все наши актеры — ветераны войны. Мы устраиваем живые, яркие вечера встреч со школьниками, рабочей молодежью, воинами Советской Армии: привлекаем Героев Советского Союза, писателей, поэтов и композиторов, художников — всех, кто имел отношение к событиям войны.

В разные годы членами нашего клуба были Маршалы Советского Союза Буденный, Конев, Еременко, Баграмян; генералы армии Попов, Гетман, Гусаковский и многие другие прославленные военачальники.

Г. ГЕОРГИЕВ

Семиклассник Арман Чигильбаев — конструктор самолетов.

Ю. ЛУШИН,
фото автора

С В

В клубе «Сувенир».

Алма-Атинский Дворец пионеров.

Сказочный сад.

Двое против одного.

ЕТЛЫЙ ДОМ

Посмотрим, есть ли на солнце пятна.

Он вырастал как-то незаметно, так же, как растут дети. Сначала я даже не замечал его, хотя проходил мимо почти каждый день. То есть видел, но как бы вполглаза — самосвалы подвозили бетон, экскаваторы рыли котлованы, монтажники закрепляли балки, плотники мастерили опалубку и все такое. Но вот однажды после долгого отсутствия я вышел на проспект Ленина и поразился. На фоне гор выше тридцатиметровых тополей парил купол. Я невольно остановился и стал смотреть. По вершине купола бесстрашно ходи-

ли люди, там блистали звезды электросварки. Рядом со мной останавливались другие люди, большие и маленькие. Большие интересовались вслух: «Что тут такое красивое строят?» Маленькие, как оказалось, знали больше. Я слышал, как один мальчишка говорил другому:

— Когда он откроется, я запишусь в астрономический кружок, а ты? с

— Я сразу в два: авиамодельный и в плавание. Тут, знаешь, какой бассейн будет, во!

— Тогда и я куда-нибудь еще запишусь. В этом Дворце пионеров тыщу кружков откроют, точно знаю. Только бы скорей его построили...

И вот республиканский Дворец пионеров построен — самый большой в Казахстане. Он вырос как-то незаметно, а когда открылся, то многим показалось, что он существовал тут, на берегу Малой Алмаатинки, всегда. Как же быстро мы привыкаем ко всему хорошему!..

Диалог двух друзей-мальчишек я не забыл и однажды воскресным утром отправился во Дворец пионеров повидать их.

Говорят, что в каждом взрослом дремлет ребенок, который пробуждается при подходящих обстоятельствах (посмотрите, как по-детски ведут себя взрослые, например, в зоопарке). Если это так, то проснувшееся во мне дитя оказалось на редкость наивным и робким.

Начать с того, что, войдя во дворец, я почти сразу заблудился в нем: растерянно бродил по многочисленным переходам и лестницам, переходил с этажа на этаж, каждый из которых таил в себе сюрпризы. Все вокруг было чудесно, сказочно, волшебным... То взору открывался круглый Зал торжеств, в мозаичных полах которого отражался свет прекрасной люстры. То попадал я на выставку детского творчества, где модели космических кораблей соседствовали со смешными добродушными львами и сказочными птицами. То возникала передо мной стена с искусно вырезанными каменными цветами, мягко освещенными светом широких окон. Затем каменные цветы сменялись живыми — настоящим зимним садом, где пальмы соседствовали с лимонным деревом, вечнозеленым лавром и скромной цветущей фиалкой. Я шел дальше и вдруг попадал в бассейн, голубые стены которого словно впитали в себя цвет морской волны. Я открывал какую-то дверь и входил в зрительный зал с большой сце-

ной, или в комнату сказок, или в оранжерею. Стук мячей звал меня в спортивный зал, огромный, словно стадион. Рядом сражались боксеры, самбисты, на тихом шахматно-шашечном фронте зрели свои драмы...

У меня просто глаза разбежались. Я забыл, кто я есть на самом деле, то есть я точно знал, что мне сейчас не больше десяти — двенадцати пионерских лет. Проснувшаяся во мне душа ребенка, очарованная разнообразием и непознанностью окружающего меня мира, теперь торопилась познавать, но я затруднялся, что выбрать... Может быть, войти в эту дверь? Нет, не стоит, тут девчоночье царство — вязание, вышивание, кройка, шитье. Пойду дальше. Тут я и увидел вывеску «Лаборатория астрономов». Отчего-то стало грустно, и я скептически спросил самого себя: «Неужели здесь действительно тысяча кружков?» Впрочем, я давно сбился со счета, и, честно говоря, мне казалось, что их даже больше. Требовалось официальное подтверждение или опровержение моих ощущений, и я отправился к заместителю директора Дворца пионеров Сании Салимовне Чагировой.

— Я слышал, что у вас работает здесь тысяча кружков. Кто сказал? Да тут один астроном, а второй, по-моему, авиаконструктор. Серьезные люди, а выдумывают? Ладно, я им при случае скажу, если встречу. Сегодня вот не удалось...

— Да, нелегко вам придется, — сказала Сания Салимовна, — ведь ежедневно наш дворец принимает свыше тысячи ребятишек, а то и больше. Это совершенно точно. Кружков, конечно, меньше, но к любой ребячьей мечте у нас можно найти свою тропинку. Здесь всем интересно: будущим конструкторам и филологам, ботаникам и звездочетам, натуралистам и музыкантам. А главное — у нас во дворце незнайки превращаются в знаек, а неумейки — в мастеров...

В этом я убедился, еще раз пройдясь по Дворцу пионеров и заглянув в разные лаборатории. Уходить оттуда не хотелось, и я поймал себя на мысли, что мне очень хочется вновь стать пионером. Взглянув в раму зеркала, я увидел, как в нем расплывались черты бородатого мужчины и возникал странно знакомый образ ушастого мальчишки. Вот он повернулся и вошел в дверь с табличкой «Юные космонавты». Там как раз начиналось конструирование корабля, который полетит к Юпитеру.

21 марта 1919 года была провозглашена Венгерская Советская Республика. Об одном из бойцов, сражавшихся тогда в рядах венгерской Красной Армии, рассказывает прославленная советская летчица.

В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ

Летчик-испытатель Николай Бер-
таланович Фегервари. Снимок
1941 года.

Герой Советского Союза
Валентина Степановна
ГРИЗОДУБОВА

Центральный аэроклуб Венгерской Народной Республики носит имя летчика-испытателя, командира Советской Армии Николая Фегервари.

Я хорошо знала его. Это был блестящий летчик-истребитель. Он командовал истребительным полком Военно-Воздушной Академии имени Жуковского. Мой муж, Виктор Александрович Соколов, тогда молодой летчик, служил у него в полку.

Николай Берталанович воспитывал своих подчиненных настойчиво, твердо, но очень тактично. И они старались во всем походить

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ.
ВОПРОС НЕ РЕШЕН И ОСТАЕТСЯ НА КОНТРОЛЕ.

ДЕЛАЙ С НАМИ?

В «Огоньке» (№ 2, 1984) напечатан фельетон «Делай с нами!»: автор приводил факты странной, на его взгляд, практики: магазины бойко и охотно торгуют разобранной мебелью. «Сборка — дома», — говорят продавцы. Тысячи квартир невольно становятся мини-филиалами сборочных цехов мебельных предприятий... «Почему! — спрашивал автор. — Да и кто принял такое решение, которым хлопоты по сборке мебели переложены на покупателя? Узнали ли при этом мнение самого покупателя? А если нет, почему!...»

Редакция получила письма, в которых читатели, поддерживая позицию автора, приводят новые факты...

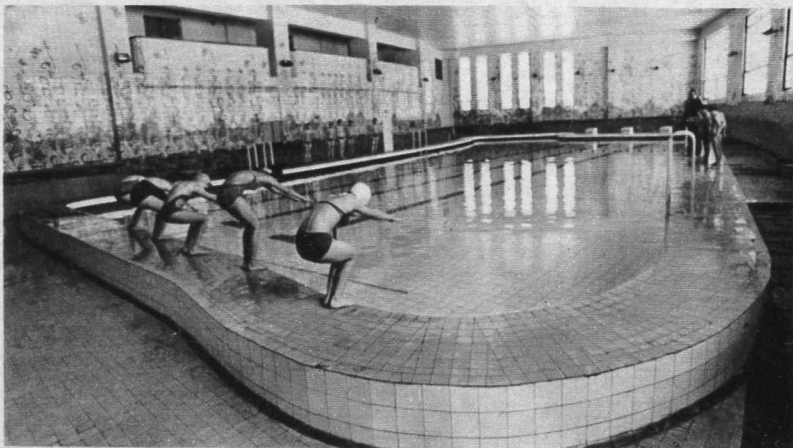
Двое моих друзей, инженеров с высшим образованием, так и не смогли собрать купленный шкаф. Коробку скрутили, а вот с дверями сложнее, дверцы очень узкие попались... Так и с моей покупкой. Собираю шкаф, выпущенный Благоевской фабрикой, четыре раза, а потом просто сбил его гвоздями. Пришел к выводу: купить разобранную мебель — это, как говорится, купить коша в мешке. Собрать панели и доски предоставляется не квалифицированному рабочему, а покупателю.

Э. ТКАЧЕВ

Приморский край.

Прочитали фельетон К. Барыкина «Делай с нами?» и решили послать в редакцию полученные вместе с купленной мебелью инструкции по ее сборке. Как видите, не только подмосковные мебельные комбинаты предлагают такие же «услуги». Увидела я в магазине стол объединения «Псков». Он был собран и смотрелся хорошо. Купила, заплатила и за доставку. И получила два пакета, а в них — множество деталей и инструкция... Собирали стол два дня: навыворот нет. Таким же образом собирали и шифоньер, изготовленный в Новгороде. А ведь была и иная практика. Года четыре тому мы

Бассейн никогда не пустует.

на своего командира. Жили дружно, даже в отпуск ездили все вместе.

Как-то я спросила Фегервари, почему в Советском Союзе он стал военным летчиком.

— Видите ли, — ответил он, — в 1919 году Венгерскую Советскую Республику защищали трудящиеся разных национальностей. Рядом с нашим батальоном сражался 1-й интернациональный полк венгерской Красной Армии. В полку служили сербы, румыны, итальянцы, чехи, немцы... 1-й батальон целиком состоял из бывших русских военнопленных, и они воевали

очень храбро. В те дни правительство Венгерской Республики обратилось ко всем венграм, находящимся в Советской России, с наказом: защищать родину Октября до последней капли крови. Этот наказ я буду выполнять всю жизнь.

...В 1919 году, просуществовав 133 дня, пала Венгерская Советская Республика. Спасаясь от жестоких репрессий, австрийскую границу перешла группа коммунистов. Среди них был сын рабочего-металлиста Николай Фегервари. В группе оказался провокатор, их арестовали, бросили в тюрьму. Помог Коминтерн. Николай Фегервари и еще несколько товарищей смогли уехать в Советский Союз. Здесь они обрели вторую родину. Фегервари поступил в летную школу, отлично окончил ее, стал военным летчиком.

...Вспоминает Елена Григорьевна Фегервари:

— Была весна. В московских парках буйно цвела сирень. Я с подружкой пошла в Дом офицеров академии Жуковского на вечер танцев. На вальс меня пригласил высокий, стройный летчик. Он смешно говорил по-русски, с сильным иностранным акцентом. Я с ним танцевала весь вечер. Летчика звали Николай Фегервари. Он меня проводил домой. Мы стали встречаться и вскоре поженились.

У нас дома часто собирались друзья мужа — венгерские политэмигранты. Приходил Бела Кун, известный писатель Мате Залка, воевавший потом в Испании под именем генерала Лукача. Муж и его друзья говорили о родине, вспоминали Будапешт, весну де-

вятнадцатого года, толпы людей с красными флагами на Вишеградской улице. Там, перед зданием, в котором размещался секретариат коммунистической партии, состоялся грандиозный митинг. Читывали радиотелеграмму Ленина. В ней он от имени VIII съезда РКП(б) приветствовал Венгерскую Советскую Республику, сообщал, что рабочий класс России спешит ей на помощь.

Прямо с митинга Фегервари пошел на призывной пункт. Там было полно народа. В Красную Армию вступали рабочие столичных предприятий, батраки из соседних сел. Комиссар, который принимал добровольцев, Фегервари сначала отказал: молод еще воевать. Но потом все же зачислил его в один из рабочих батальонов.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Фегервари улетел на фронт. Их истребительная группа была составлена из летчиков-испытателей. В первом же бою он сбил фашистский бомбардировщик. Через два дня его самолет подбили. Фегервари сумел посадить машину на поле возле деревни. Там работали женщины и два старика. Они подбежали к самолету, помогли летчику вылезти из кабины, а когда Фегервари стал их благодарить, сразу насторожились. Говорил-то он с сильным иностранным акцентом. «А ну, покажи документы», — потребовал один старик. Другой зашел летчику за спину, а по бокам у него оказались две женщины с вилами. Она закричала: «Немец, а на нашем самолете прилетел! Это шпион, бей его, бабоньки!» Ее остановил старик: «Документы правильные. —

И к летчику: — На всякий случай давай оружие и пойдем в сельсовет!»

В сельсовете все выяснилось, но такие недоразумения стали повторяться. Кончилось тем, что Фегервари отозвали из истребительной части и поручили ему выполнять специальные задания. В одном из полетов он погиб...

В 1942 году я командовала 101-м полком авиации дальнего действия. Базировались мы на одном из подмосковных аэродромов. Тогда я уже знала, что Николая Бертелановича нет в живых. И вот однажды приходит ко мне его сын Боря, долговязый подросток, и просит зачислить в полк — воевать вместо отца, сказал, что мама, Елена Григорьевна, сама его послала. Обращались они в военкомат, но им отказали.

В то время, когда над страной нависла смертельная опасность, таких примеров высокого патриотизма было много. У нас в полку служил прекрасный летчик Иосиф Федорович Миненков. Он погиб. Ко мне пришла его жена Ефросинья Васильевна и пятнадцатилетний сын Коля. Попросили взять сына в полк вместо отца. Взяли. Коля выучился на авиамеханика, потом стал бортмехаником и летал на боевые задания. Воевал отлично.

Зачислили в полк и Борю Фегервари. Сначала мотористом, потом авиамехаником. Всю войну он отлично готовил к вылетам самолеты, летал воздушным стрелком и на боевые задания. Был удостоен правительственных наград. Сейчас Борис Фегервари — инженер-конструктор.

купили стенку, нам ее привезли, собрали, и мебель сразу заняла отведенное ей место. Почему же отказались от хорошей практики? Вспоминаешь детскую игру «Конструктор», только теперь играют в мебельный конструктор взрослые.

Семья РЫБИНЫХ

Ленинград.

Собрать диван-тахту и письменный стол — это еще полбеды. Но у нас пошли дальше и, можно сказать, глубже: передали в руки покупателя сборку наборов корпус-

ной мебели (стенки) из деталей Ростовского производственного мебельного объединения имени Урицкого... Правда, в инструкции указано, что сборка должна быть произведена торгующей организацией без дополнительной оплаты. Но там, где была куплена мебель, она продается только что не навалом, без сборки. А сама инструкция небрежна, схемы читаются с трудом, не все детали промаркированы. Словом, и тут недоделки...

В. КРЮКОВ

Пятигорск.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА. Инженер Виктор Николаевич Крюков прислал и переписку с комбинатом, который просит «принять извинения за доставленное беспокойство». А после извинений комбинат сообщает, что стоимость сборки заложена в стоимость набора и магазины обязаны продавать изделия в собранном виде или возмещать 2 (два) процента от общей суммы. Но кому из покупателей известно об этом? Представитель отдела экономики быта «Огонька» побывал в десяти магазинах и нигде не видел объявления — броского, заметного каждому, кто пришел в магазин, — объявления, извещающего о правах покупателя. Очень уж неохотно предприятия торговли да и промышленности информируют покупателей об их правах.

После публикации в «Огоньке» фельетона «Делай с нами?» прошло много времени, а Минторг СССР пока никак не отреагировал на него, не высказал своего отношения и поставленной проблемы. Такую же позицию заняло и Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Редакция получила лишь небольшое и невнятное письмо от главного инженера Правдинского мебельного комбината В. М. Ларионова, который пишет следующее: «Вся съемная фурнитура изделия мебели должна быть упакована в коробку или пакет и уложена в один из ящиков или прикреплена к одному из элементов этого изделия. Пункт ГОСТа 4.7 исключает возможность поломки фурнитуры при транспортировке изделия и обеспечивает ее сохранность». Почему же тогда столь охотно магазин обменивает сломавшую «фурнитуру»? От щедрости сердечной или потому, что на практике далеко не все так, как пишет тов. Ларионов? Но не только и не столько об этом говорилось в публикации «Делай с нами?». Речь шла прежде всего о том, что торговля несобранной, по сути, недоделанной мебелью по меньшей мере нелепость. Почему на покупателя перекладываются заботы мебельных комбинатов и торговли?

Четкого и ясного ответа на этот вопрос мы до сих пор не получили и поэтому снова обращаемся к изготовителям мебели, к торговому ведомству и в Госстандарт: разберитесь, пожалуйста, в этой простой, но чьи-то стараниями запутанной проблеме. И пусть читатели помогут в этом своими советами и наблюдениями...

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО, МЕРЫ ПРИНЯТЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОНЕВОЛЕ

Холодным пасмурным вечером 6 октября на автостанции в Голутине пассажиров собралось много. Торопились с работы домой, в гости на празднование Дня Конституции. Неожиданно диспетчер объявил, что рейс, намеченный на 18.55, в направлении Белоомута и Ново-Покровского, отменен и билеты надлежит сдать — сломался pontонный мост через Москву-реку. С этого момента и начались злоключения, о которых сообщили редакции голутвинские пассажиры в коллективном письме.

Чтобы добраться в Заречную сторону, им было предложено доехать на электричке до станции Хорошево, а там подадут автобусы до места назначения. Приехали в Хорошево, но обещанный автобус не дали и к 10 вечера. И вдруг голос дежурной по железнодорожному поезду: «Мост через реку открыли, автобусы от Хорошева не пойдут, а пойдут только от Голутвина».

«Вот так дела. Больше сорока человек вернулось снова в Голутвин, — пишут ночные путешественники поневоле. — Начальник автовокзала, видимо, встречал праздник. Дежурная, само собой разумеется, ничего не знала, так как дежурство приняла в 8 вечера. Выслушав нас, стала звонить в диспетчерскую автоколонны, а там и разговаривать не стали о том, что сорван рейс».

Не будем описывать остальные злоключения пассажиров, перечи-

саять инстанции, куда они обращались, но только в полночь отправили их все-таки из Голутвина.

С этой жалобой редакция обратилась в Коломенский городской комитет партии и получила ответ, подписанный секретарем горкома КПСС С. Демидовым. Приводим ответ, чтобы все читатели «Огонька», торопившиеся вечером 6 октября в Ново-Покровское, Коробчево, Белоомут и Сельниково, могли с ним познакомиться.

«На момент аварии моста из 10 автобусов, работавших в данном направлении, 5 остались за рекой и совершали рейсы по своим маршрутам».

Из-за отсутствия оперативной связи с водителями пассажиры были неправильно информированы и направлены на железнодорожную станцию Хорошево. Данное письмо доведено до сведения работников автоколонны № 1417 и автовокзала. Виновные обсуждены руководством и партийным бюро автоколонны, куда входит партия группа автовокзала.

Начальнику автовокзала Б. И. Лобанову и старшему диспетчеру Т. А. Афонниковой указано на слабую воспитательную работу среди диспетчерского состава.

За неправильную информацию работников автовокзала о том, что нет связи с Заречной зоной, диспетчеру автоколонны № 1417 Н. И. Кривошеиной объявлен выговор. Диспетчер автовокзала З. В. Михеева строго предупреждена».

ВЫСОКОЕ БЛАГО

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

«И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирая всю громадно-несущуюся жизнь, озирая ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»

Гоголь

1

20 марта 1809 года утро в Санкт-Петербурге было морозное, ясное. «По местам,— сообщали «Санкт-Петербургские Ведомости»,— тонкие облака», а в полдень «при тонких облаках слабое солнечное сияние».

Термометр показывал +1,6° по Реомюру. В тот день император Наполеон катался с русским послом князем А. Б. Куракиным в коляске в Рамбуйе, а испанский король Фердинанд VII «пребывал в неизвестности».

Будущие комические персонажи Гоголя, упомянутые им лишь в нескольких строках его сочинений (Наполеон в «Мертвых душах», а испанский король в «Записках сумасшедшего»), не знали, что человек, который выведет их перед потомством в смешном виде, уже родился.

Он явился на свет накануне решающих для России событий. Вскоре Наполеон завоеует Австрию (Испания уже почти вся под его властью), а затем двинет свои полки на Москву. «Двенадцать языков» пройдут мимо родной Гоголю Миргородщины и так же, не тронув этих мест, уберутся обратно.

Гоголь-мальчик услышит об этом походе из уст матери и отца, а позже узнает от очевидцев и из книг. Но свет 1812 года — свет победы русского войска — навсегда озарит его душу.

Он вызовет к жизни и смех Гоголя.

Смех Гоголя такое же дитя свободы, дитя победы, как и стихи Пушкина. Оба они начинают в одну эпоху, и оба есть эхо этой эпохи.

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?

Гоголь услышит этот призыв Пушкина в далеком Нежине и откликнется на него сначала стихами, а потом прозой, которая, по словам того же Пушкина, заставит русских смеяться так, как они не смеялись со времен Фонвизина.

История XIX столетия была бы неполна без смеха Гоголя. Но случилось так, что смех этот, который мы вправе назвать историческим (но не в том смысле, в каком употреблял это слово Гоголь, говоря о Ноздреве: «Ноздрев был в некотором роде исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории»), оказался направлен на историю и на ее героев.

Признанные герои истории для Гоголя как бы и не герои — он возвеличивает малое и смеется над великим. Титулярные советники в его прозе теснят королей, а особам царской крови

Пушкин и Гоголь. Деталь памятника «Тысячелетие России» в Новгороде.

отводится третьестепенное место. Они сдвинуты на окраину, на периферию, как какой-нибудь алжирский дей (лицо, кстати сказать, вполне историческое) в «Записках сумасшедшего» или император Николай, о котором походя упоминает в «Ревизоре» Хлестаков. «У всякого петуха есть Испания», — говорит гоголевский сумасшедший, став испанским королем, и эта параллель петух — король отдает иронией.

Смех Гоголя ставит все с ног на голову, он из ничтожного лепит крупное, и оно — ввиду своей увеличенной мелкости — кажется еще более смешным. Достаточно сказать, что Поприщин, гуляя по Невскому проспекту, встретил проезжающего государя и не поклонился ему, как своему царственному собрату, — и сразу возникает ситуация, при которой величие государя просто ничто, черт знает что такое, как говорят герои Гоголя, а не величие.

«Значительное лицо» в «Шинели» выглядит вовсе не значительным, а чиновник низкого роста, которого это лицо свело, по существу,

в могилу, вырастает в привидение, кулак которого становится величиной с детскую голову. «Брат наш» Акакий Акакиевич заслоняет в этой повести и значительные лица и тех, кто на фоне этих значительных лиц кажется еще более значительным.

Человек по фамилии Яичница имеет у Гоголя больше прав на существование — и на внимание со стороны автора, — чем какой-нибудь генерал, который по виду «умная голова», а на самом деле мечтает лишь о кресте на шею. Наполеоны и фердинанды у Гоголя не трагичны, они поистине смешны, а вот смерть Акакия Акакиевича, как и смерть двух старичков в повести «Старосветские помещики», оплакивается как национальная потеря.

Нет такого «высокого» предмета или лица, которое было бы неподвластно смеху Гоголя. Государственный совет? Ему достается на орехи в «Ревизоре». Русская почта? И она осмеяна. Военные? И их не обошла гоголевская усмешка. Вспомним «Коляску», вспомним «Игро-

РОДСТВО СЕРДЦА

нов», где шулеры играют в гусар и где блохи, обитающие в номерах гостиницы, сравниваются с «конным войском».

«Игроки» играют редко и имеют славу второстепенной пьесы Гоголя. Трантуют ее так, что Гоголь здесь высмеял игроков, крап в картах и т. п. Но карты, как и деньги, лишь некие знаки, в которых овеществляются отношения людей. Плут Ихарев думает надуть таких же плутов, а заодно и целый свет, но плуты надуют его, впрочем, сами ничуть от этого не выигрывая, потому что на плута низшего ранга, на гения плутовства и игры найдется другой гений, другой надувала, а их всех вместе надует сама жизнь. «Такая уж надувательная земля!» — в этом возгласе обманутого Ихарева обиды не только на Утешительного и его компанию, но и на жизнь вообще.

Потому что жизнь подает человеку надежду и тут же отбирает ее. Судьба играет с человеком, обещая ему золотые горы, вечную молодость и разные удовольствия, а потом резко сокращает рацион, а в конце и вовсе лишает человека жизни. Возглас проигравшего игрока у Гоголя относится к этой несправедливости судьбы.

Именно поэтому Белинский сказал о Гоголе: «Его ода — вопрос». И еще он сказал: тема Гоголя — «комедия жизни».

Чистая сатира, ставя вопросы, дает и ответы. В смехе Гоголя заключен не ответ, а надежда.

Это не значит, что герой на наших глазах должен исправиться и превратиться из «прореки на человечество» в образцового хозяина и семьянина. Попытки совершить этот переворот в человеке — переворот наглядный, дающий урок преображения, — не удалась Гоголю. Смех Гоголя дает нам гораздо больше, нежели те положительные примеры, которые он дает нам во втором томе «Мертвых душ».

Гоголь иногда с грустью называл себя человеком, привыкшим смешить людей. Так отвечал он на заблуждение о том, что он писатель исключительно комический. Причем не только комический, но и призванный смехом своим осудить, покарать. «Я не знал, — писал он, — ...что мое имя в ходу только затем, чтобы попрекнуть друг друга и посмеяться друг над другом. Я думал, — добавлял он, — что многие сквозь самый смех слышат мою добрую натуру».

2

Н. Г. Чернышевский, прочитав изданные отдельной книгой письма Гоголя, поразился высоте его благородства. Опровергая мнения о том, что Гоголь в конце жизни был уже не Гоголь, что его смех померк, а великие движения души угасли, он писал: «Высокое благородство сердца, страстная любовь к правде и благу всегда горели в душе его... страстную ненависть ко всему низкому и злему до конца жизни кипел он».

Слово «благородство» мелькает на каждой странице статей Чернышевского о Гоголе. «И, каковы бы ни были некоторые поступки Гоголя и даже некоторые стороны его характера, все-таки нельзя не видеть в нем одного из благороднейших людей нашего века». «Несмотря на их неотделанность, — писал он о сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ», — великий талант Гоголя является с прежнею своею силою, свежестью, с благородством направления, врожденным его высокой натуре».

И как решительный вывод, не оставляющий никакого сомнения в отношении Чернышевского к «позднему» Гоголю, звучат слова: «Мы имеем сильную вероятность думать, что Гоголь 1850 г. заслуживал такого же уважения, как и Гоголь 1835 г.».

Гении судят по их делам, то есть по их сочинениям. Но сам Гоголь, говоря о Пушкине, настаивал на том, что величие Пушкина не только величие великого поэта, но и величие великого человека. Пушкин во всем был велик, писал он, и в писаниях своих, и в поступках, и в отношении к России, и в отношении к царям. Он не клонил перед ними голо-

вы, он ставил себя (а стало быть, и звание поэта) отдельно от них, всей своей жизнью подавая пример независимости и благородства. «Да и как могло быть иначе, — спрашивал Гоголь, — если духовное благородство есть уже свойственность почти всех наших писателей?»

Признавая это высказывание верным по отношению к Пушкину, мы обычно с неохотой относим те же слова к Гоголю, который, несмотря на свой гений, кажется нам человеком, далеким от простоты и простодушия.

Меж тем Гоголь был человек веселый. Зная разные состояния души, часто впадая даже и в меланхолию (по слухам, Пушкин прозвал его «великим меланхоликом»), он мог бывать — и часто бывал — таким же, как и все. Нельзя сказать, что великий человек, вспоминая о нем жена сына М. С. Щепкина, только глаза быстрые-быстрые.

В детстве Гоголь потешал папеньку и маменьку, а с ними и всю честную компанию, собиравшуюся у Гоголей, своими карикатурами на близживущих помещиков — карикатурами, оглушительно смешными, но не злыми, добродушными. Гимназия Высших наук имени князя Безбородко много бы потеряла, если б не знала Гоголя, и не потому только, что он учился в ее стенах и тем обессмертил свое заведение, но и тем, что Гоголь-Яновский был одним из самых жизнерадостных казеннокоштных студентов.

Тот, кто жил в общении, знает, что на людях, при постоянном обзоре твоей жизни, которой она подвергается со стороны твоих однокашников, смех и веселье — талант первого спроса. Школьный театр, школьные посиделки, вечера в «музеумах», сходки в домах учителей и нежинских трактирах не обходились без Гоголя. С одной стороны, «таинственный карла», как звали его товарищи, погруженный в свои думы поэт и вития (потому что Гоголь писал в высоком стиле свои первые стихи), с другой — тот, кого лишают булки и ставят в угол за дерзкие шутки, за «непотребный» смех, который, заражая других, срывает «классы».

Таков же Гоголь и в Петербурге, в кругу своих однокашников, пришедших к нему в гости куда-нибудь на Большую Мещанскую или в Столярный переулок. На столе самовар и баранки, но при этом скромном угощении веселье не занимать. Слуга Гоголя Яким только вздрагивает за перегородкой от взрывов громкого хохота. Поют песни, вспоминают студенчество, теплый юг, а холодному Петербургу раздают клички, от которых смутился бы самый смелый шутник.

Петербург — немец, скажет Гоголь, а Москва — русская борода. Он любит предметам неодушевленным давать человеческие имена. Оттого и двери у него поют, а Коллизей не римский цирк, а «синьор Колизей», так же, как нос М. П. Погодина, например, не просто нос, а «фельдмаршал». Он и кусок телятины, теснящий другие яства в желудке, сравнит с городничим, входящим в церковь, а про знаменитые итальянские спагетти, славящиеся своей длиной, выразится так: «макароны длиною с дороги от Рима до Неаполя».

Гоголь по-детски открыт, когда у него хорошее настроение, когда он кончил работу или знает, что написанное им не потребует переделки. Один из таких эпизодов описывает П. В. Анненков в своих воспоминаниях «Гоголь в Риме летом 1841 года»: «По светлоте выражению его лица... видно было, что впечатления диктовки (Гоголь диктовал Анненкову «Мертвые души» — И. З.) привели его в веселое состояние духа. Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою...».

Немало таких же сцен и в воспоминаниях С. Т. Ансанова, Ф. Иордана и Ф. Чигова. Вот что пишет Ф. Чигов: «Мы с Ивановым всегда неразлучно ходили обедать в тот трактир, куда прежде ходил часто и Гоголь, именно, как мы говорили, к Фалькону... Там его любили, и

лакей... нам рассказывал, как часто signor Niccolo надувал их. В великий пост до Ave Maria, то есть до вечера, начиная с полудня, все трактиры заперты. Ave Maria бывает около шести часов вечера. Вот когда случалось, что Гоголю сильно захочется есть, он и стучит в двери. Ему обыкновенно отвечают: «Нельзя отпереть». Но Гоголь не слушается и говорит, что забыл платон, или табакерку, или что-нибудь другое. Ему отворяют, а он там уже остается и обедает...».

Неожиданность гоголевских проделок часто ставила в недоумение его знакомых. Сказавшись в одном месте Европы, он на самом деле оказывался в другом. Маменьке он писал из Москвы, что находится в Триесте. Когда его просили что-нибудь почитать, отказывался, а затем сонно начинал читать, и оказывалось, что это вовсе не неприличное поведение автора в гостях, а начало чтения «Тяжбы». «Он нехотя подошел к большому овальному столу, — пишет И. И. Панаев, — перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что не знает, что прочесть, что у него нет ничего обдуманного и оконченного... и вдруг иннул раз, другой, третий...».

Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить никакого движения и только смотрели на него...

— Что это у меня? точно отрывки? — сказал Гоголь и остановился. Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились... Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю, что он расстроил желудок...

Гоголь продолжал:

— Вчерашний обед зашел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто черт знает, чего не ешь...

И занал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою... «Прочитать еще «Северную пчелу», что там такое?» — говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем «Тяжба». Лица всех озарились смехом... Щепкин заморгал глазами, полными слез».

3

Есть смех, который, выступая против зла, сам зол, сам односторонен. Он не признает мягкости, милосердия. Он карает. Гоголь в своих творениях веселится, и это веселье поднимает душу, возвышает душу.

Эту черту комизма Гоголя увидел еще Пушкин. Он и сам смеялся, слушая автора «Вечеров» и «Ревизора», просто катался от смеха, как вспоминают присутствовавшие на этом чтении, и писал о первой книге Гоголя: «Истинно веселая книга».

«Вот настоящая веселость, — писал Пушкин, — искренная, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе...».

Могут сказать, что это отзыв Пушкина о молодом Гоголе, о Гоголе, еще не написавшем «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Но в той же статье, ставя Гоголя вслед за Фонвизиним, Пушкин, однако, отделяет его от Фонвизина и других, говоря, что Гоголь заставляет нас «смеяться сквозь слезы грусти и умиления».

Впрочем, вопреки отзывам Пушкина и статьям Белинского смех Гоголя еще долго расценивался как «фарса». «Фарсой» его поспешил окрестить Ф. Булгарин. «Подобного цинизма мы никогда не видели на русской сцене», — писал он в «Северной пчеле». Гоголя подозревали в нелюбви к человеку, в скрытом желании расстрелять «наши раны». Одни предлагали сослать автора в Сибирь (за слишком прозрачные намеки на начальство), другие говорили, что смех Гоголя преувеличен похвалами пушкинской «партии».

Гоголя называли творцом «побасенок» и злым гением.

С одной стороны, ему отводилась роль шута, забавляющего публику смешными историками, с другой — смех Гоголя вызывал страх. А как известно — и это сказал Гоголь —

«насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете».

Смех Гоголя был не понят. Недаром вместе с «Ревизором» — и в те же дни, когда давался «Ревизор», — на той же сцене шли комедии «Две женщины против одного мужчины», «Бабушкины попугаи» и «Покойник-муж». Зрители равно смеялись как водевилю, так и «Ревизору».

Традиция непонимания смеха Гоголя тянется через весь девятнадцатый век. А в начале XX века В. Розанов писал, что смех Гоголя «пустынный смех», «безыдейный хохот». Этот смех, утверждал Розанов, пронесся по Руси, круша все на своем пути и предвещая грядущие разрушения. Розанов видел в Гоголе поэта мелочей, певца солнца в капле воды, «завалившейся в навоз».

Но смех Гоголя — радуга, сотворенная из брызг дождя и вбирающая в себя все цвета дня. В нем, как говорил сам Гоголь, оценивая характер русских литературных пародий, «желчь Ювенала соединилась с каким-то особенным славянским добродушием».

Это добродушие видно и в русских сказках — в тех, где осмеиваются глупый царь, ленивый барин и сам черт. В сказках и мужику достается и его бабе, если они пожадничают, позарились на чужое или возгордились своим достатком. Но, будучи посрамлены — и посрамлены жестоко, — они в конце концов получают шанс на прощение.

В черновых набросках к «Мертвым душам» есть такая запись: «Я, признаюсь сам, не позволяю даме облокотиться на мое письменное бюро. Да если бы и облокотилась, то, признаюсь, я бы этого не заметил: я не гляжу в это время по сторонам; если я взгляну, то вверх, где висят передо мною стелющиеся величавые портреты Шекспира, Пушкина, Ариоста, Филдинга, Сервантеса...»

В этом списке нет ни Ювенала, ни Свифта. Нет гениев чистой сатиры, смех которых — смех без слез, выставление перед всем светом, как говорил Гоголь, одних «идеалов огрубения».

Поражая совершенные в своей художественной отделке пороки, смех Ювенала и Свифта и сам совершенен, полон своей отрицательной полнотой. Он вместе с тем горд и надменен, горд высотой своего положения на Олимпе, а оттого смотрит на жизнь сверху вниз.

Смех Гоголя ближе к жизни. Он раздается не с оледенелой высоты. Он струится, как свет, он даже нежен порой, как серебряный римский воздух.

Как бы ни негодовал Гоголь, как бы ни припечатывал он одной, казалось бы, навеки клеймящей чертой человека (как Плюшкина с его прорехой на халате), смех его склоняется к жалости. В нем нет мести и нет необратимого суда. Свобода смеха ограничена у Гоголя сострадательным чувством. В этом смысле смех Гоголя родственен смеху Сервантеса.

Это эпическое веселье, обнимающее всю жизнь и всего человека, а не направленное избирательно на пороки. Предмет Гоголя не пороки и не застывшие в своей отрицательности низкие черты человека, а общая ничтожность (или пошлость) жизни, лишенной на какие-то мгновения высшего смысла. Это скорее заснувшая жизнь, как любил говорить Гоголь, жизнь, впавшая в забытие, жизнь, похожая на сад Плюшкина. И недаром Гоголь называет события, происходящие в «Мертвых душах», «дурью почище сна», потому что это заколдованное царство, хрустальный колпак над которым должен разбить смех автора.

Изобрази я «картинных извергов», писал Гоголь, мне бы простили, «но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, чем все его пороки и недостатки. Явление замечательное! Испуг прекрасный!». Смех Гоголя рассчитан на этот испуг. Он рассчитан на пробуждение от сна. Смывая с человека ничтожность и пошлость, смех этот не смыкает самого человека.

«Горьким словом моим посмеюся» — высечено на надгробной плите Гоголя. Горьким смехом моим порадуясь — мог бы добавить к этим словам сам Гоголь. Ибо если человек смертен, человек конечен, человек обречен уничтожению, то смех дан ему на то, чтоб преодолеть свою смертность и, веселясь, заглянуть в бессмертие.

Всего сорок три года

Письма, воспоминания, документы, рассказывающие о короткой жизни Н. В. Гоголя, печатаются на этих страницах. Не праздное любопытство заставляет нас погружаться в эти материалы, а стремление приблизиться к гению, понять исток и движущую силу его творчества. Иногда систематизированные своды документов и писем составляют удивительные тома, чье значение, несмотря на некоторый скепсис академического литературоведения, поистине неоспоримо. Таковы, например, книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни».

Н. В. Гоголь чуть-чуть не дожил до сорока трех лет. Быть может, к тайне великой жизни человека помогут прикоснуться подлинные свидетельства его современников.

«1809 год. № 25. — Месяца марта 20 числа у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен».

Из метрической книги Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинцев.

«К Василию Афанасьевичу (Гоголю) я посылаю теперь изрядный подарок, через ходатайство Дмитрия Прокофьевича (Троцкого) молодым графом Кушелевым-Безбородко ему делаемый, — включением его сына Никоши в число воспитанников, содержащихся в нежинской гимназии на его иждивении; и следовательно, на будущее время Василий Афанасьевич освобождается от платежа в оную гимназию, за своего сына, в год по 1200 рублей».

А. А. Троцкий — своей матери.

«Воротаясь однажды после каникул в гимназию, Гоголь привез на малороссийском языке комедию, которую играли на домашнем театре Троцкого, и сделался директором театра и актером. Кулисами служили ему классные доски, а недостаток в костюмах дополняло воображение артистов и публики. С этого времени театр сделался страстью Гоголя и его товарищей, так что, после предварительных опытов, ученики сложились и устроили себе кулисы и костюмы, копируя, разумеется, по указанию Гоголя, театр, на котором подвизался его отец: другого никто не видел. Гоголь не только дирижировал плотниками, но сам расписывал декорации».

П. А. Кулиш

«Страстный поклонник всего высокого и изящного, Гоголь на школьной скамье тщательно переписывал для себя на самой лучшей бумаге, с рисунками собственного изобретения, выходявшие в то время в свет поэмы «Цыгане», «Полтава», «Братья-разбойники» и главы «Евгения Онегина».

Г. П. Данилевский

«Еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки; вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению».

Гоголь — В. А. Жуновскому, 10 янв. 1848 г.

«Гоголь любил все искусства вообще, любил и петь; но, между тем, как он делал большие успехи в рисовании, пение не давалось ему благодаря недостатку музыкального слуха».

А. С. Данилевский

«В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал просто, что я выслужусь, и все это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна. Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий».

Гоголь. Авторская исповедь.

«Тотчас по приезде в Петербург Гоголь, движимый потребностью видеть Пушкина, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и по-

НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВКЛАДКЕ

Первая полоса

Памятник Н. В. Гоголю на Суворовском бульваре во дворе дома, где жил и умер писатель. Скульптор Н. А. Андреев * Один из рельефов на памятнике Гоголю со сценами из «Майской ночи» и «Тараса Бульбы».

Вторая и третья полосы

Неизвестный художник. Мария Ивановна Гоголь — мать писателя. 1830-е годы * Известный художник. Василий Афанасьевич Гоголь — отец писателя. 1840 год * В. Волков. Н. В. Гоголь в Васильевке. 1902 год * К. Стадлер. Вид Полтавы. 1809 год * И. Белоголов. Вид Петербурга. 1820-е годы * Обложка второго издания поэмы «Мертвые души». По рисунку Гоголя * Панорама Рима с видом на Колизей. Художник Эванс. 1845 год.

Четвертая полоса

Личные вещи Н. В. Гоголя. Стаканчики * Печатки писателя * Мемориальная комната Гоголя в доме на Суворовском бульваре [бывшем Никитском] * Часы, подаренные Гоголю А. С. Пушкиным * Портфель писателя.

Фото А. Нагальяна

Ф. МОЛЛЕР. 1812—1875. Н. В. ГОГОЛЬ.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЧИЧИКОВ

ГУБЕРНАТОР

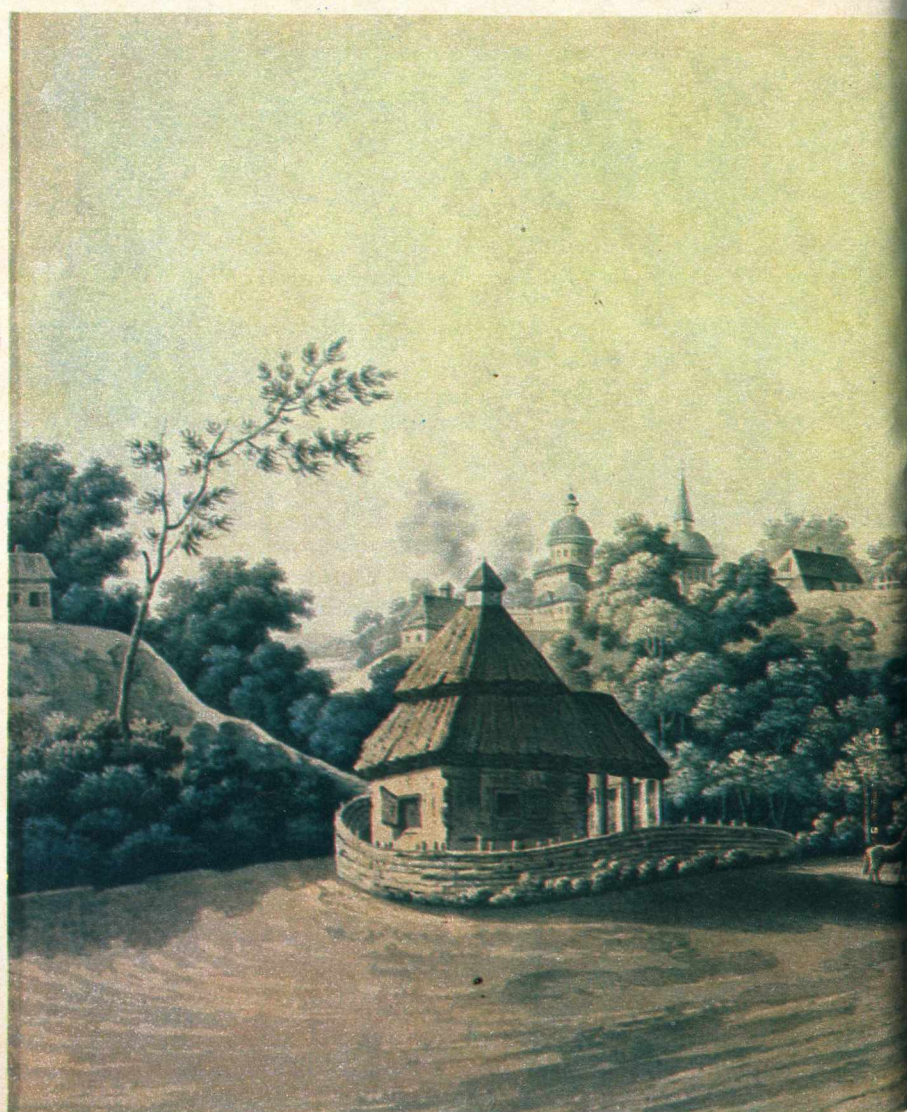
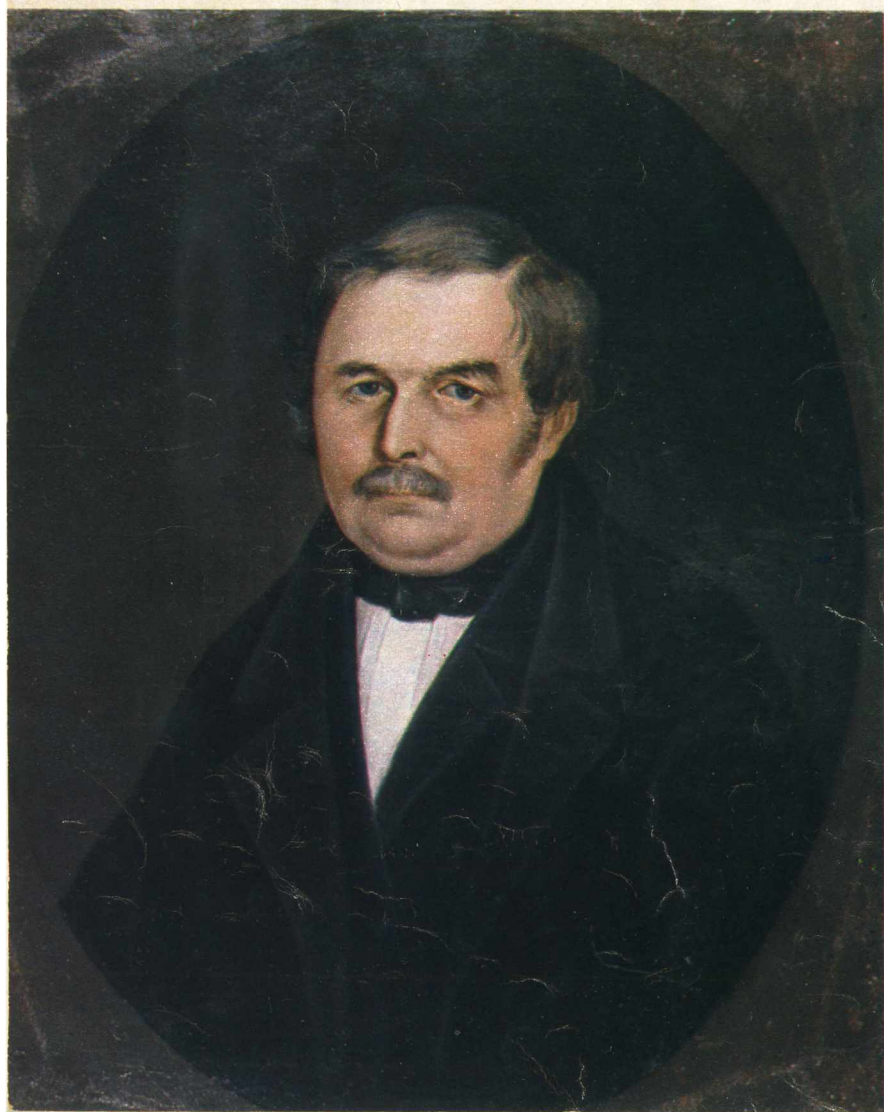
ТИПЫ ИЗ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ
«МЕРТВЫЕ ДУШИ»
Рис. П. М. БОКЛЕВСКОГО

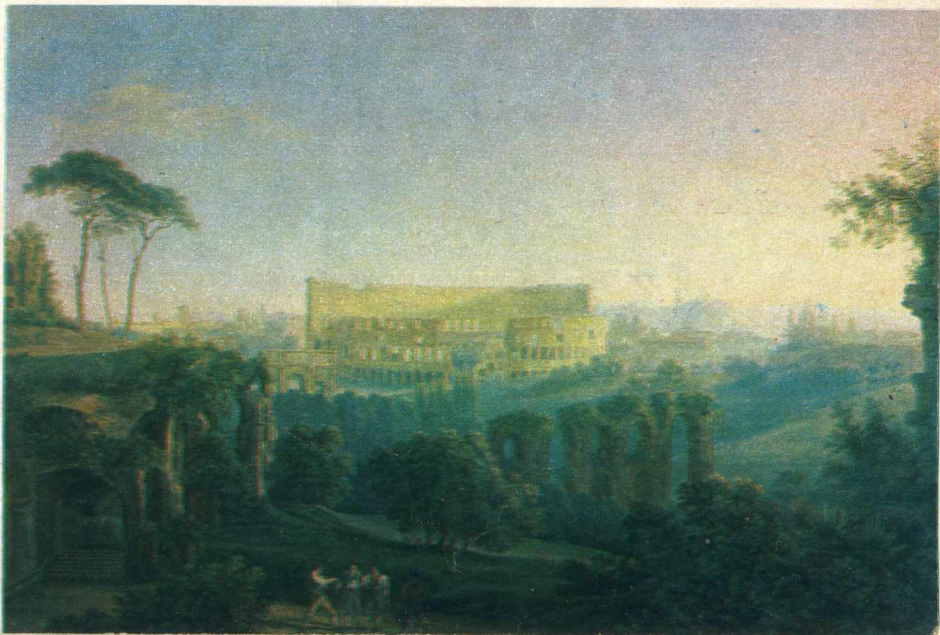
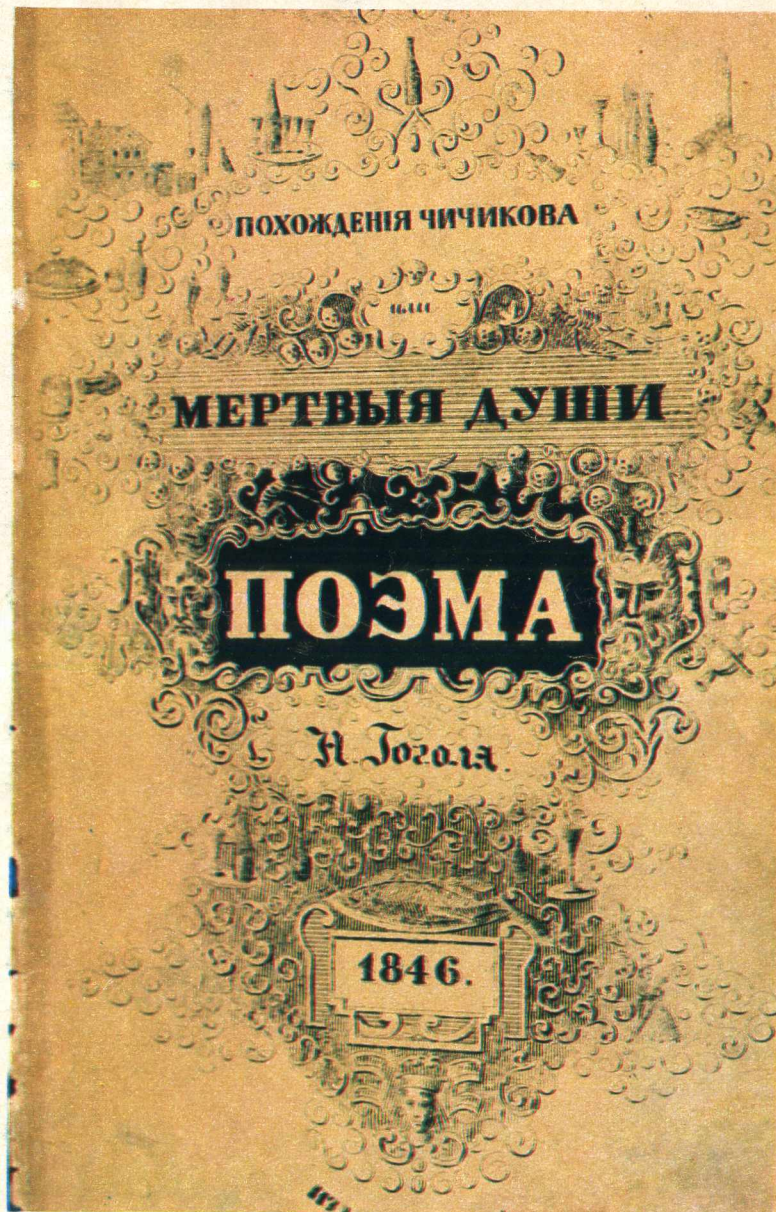
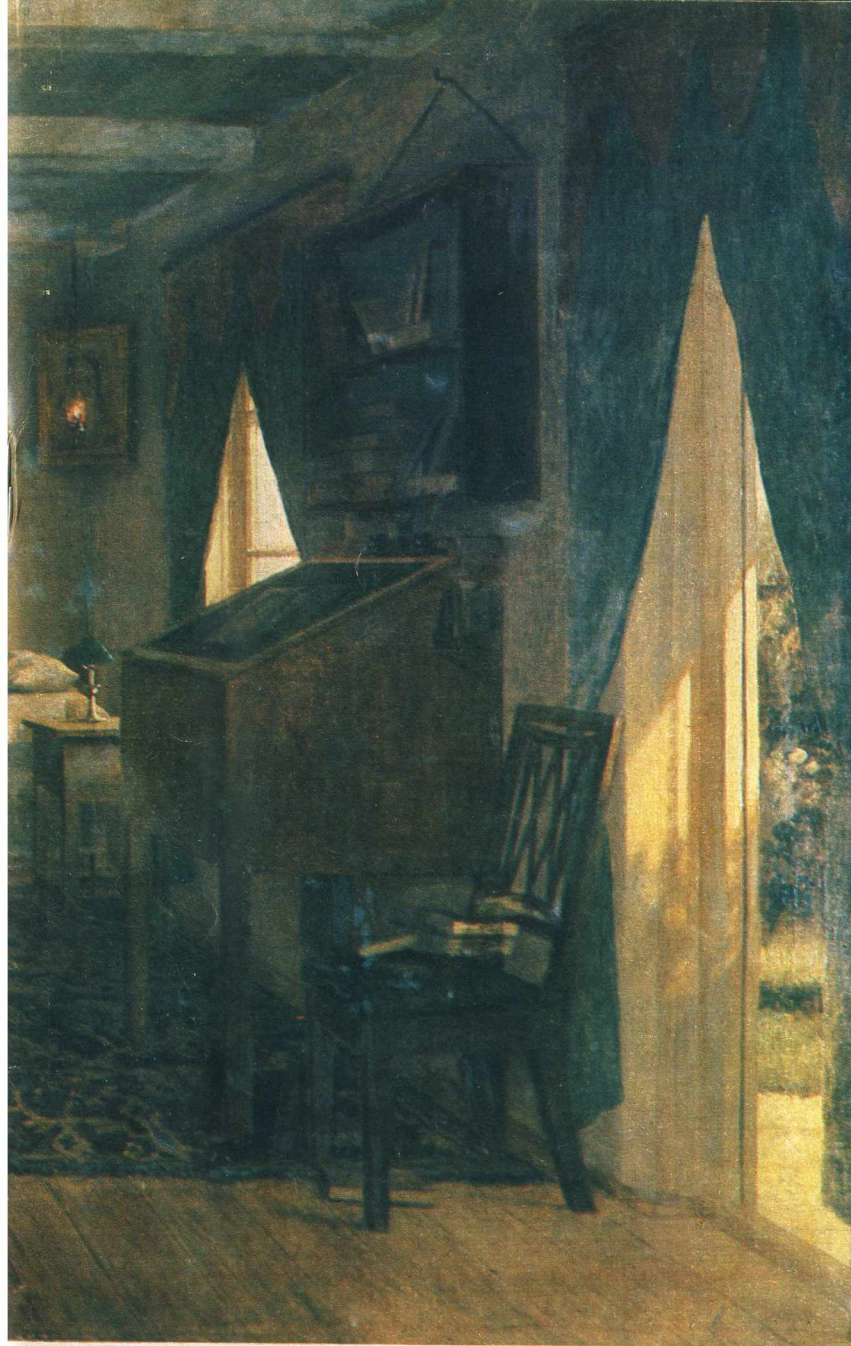
НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА КОРОБОЧКА

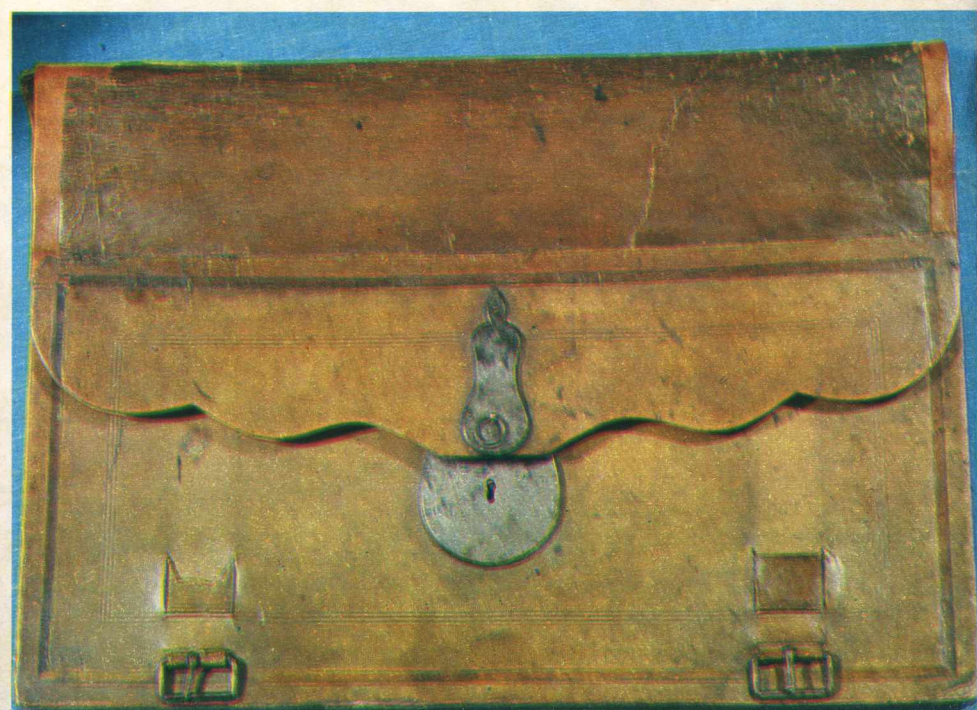
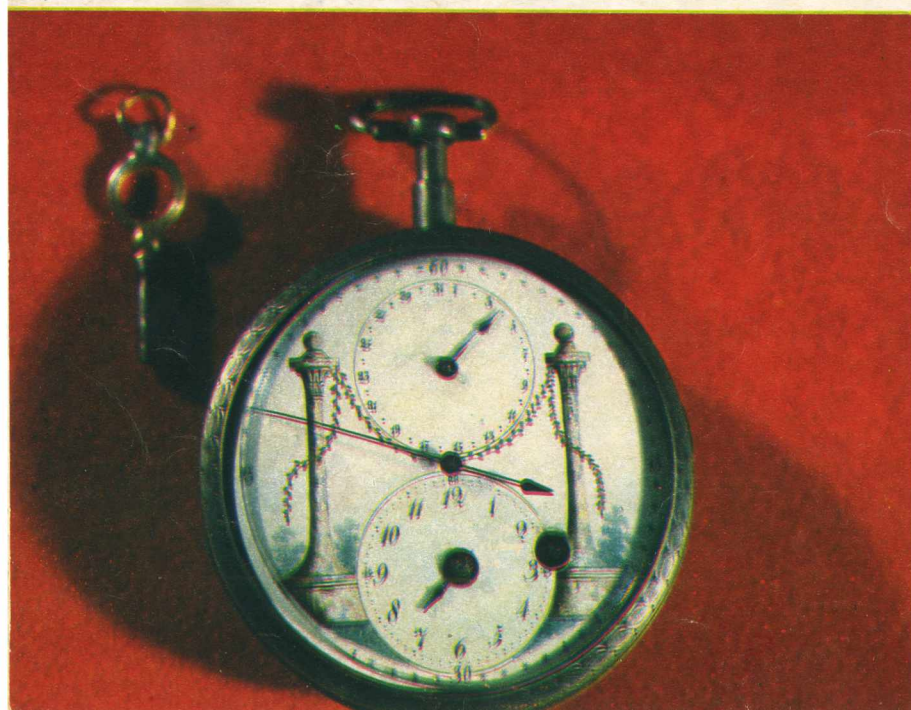

ПЛЮШКИН

КУКРЫНИКСЫ. Иллюстрация к повести Н. В. Гоголя «Шинель».

КУКРЫНИКСЫ. Иллюстрация к повести Н. В. Гоголя «Портрет».

требовал рюмку ликера. Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «дома ли хозяин?», услышал ответ слуги: «почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «верно, всю ночь работал?» — «Как же, работал», — отвечал слуга, — в картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализацией его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окруженного постоянно облаком вдохновения».

П. В. Анненков

«Гоголь был такой молчаливый и таинственный, что напечатал он в первый раз свое сочинение «Ганц Кюхельгартен или картины», принес ко мне на продажу и через неделю спросил, продаются ли. Я сказал, что нет, он забрал их — и только и видели; должно быть печка поглотила и тем кончилось, что и теперь нигде нет этой книги и публики не знает и не видела его первого произведения».

Книгопродавец Лисенков.

«...Я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу, как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнил-ся желанием помочь будущему сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело, неравными годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства».

Гоголь — В. А. Жуковскому, 10 янв. 1848 г.

«Жуковский сдал молодого человека на руки П. А. Плетневу, с просьбою позаботиться о нем. Плетнев был тогда инспектором Патриотического Института и исходатайствовал у императрицы для Гоголя в этом заведении место старшего учителя истории».

П. А. Кулиш

«Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня... Мне сказывали, что, когда издатель вошел в типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно-веселою книгою».

А. С. Пушкин — А. Ф. Воейкову, в конце авг. 1831 г., из Царского Села.

«Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей!»

Гоголь — А. С. Данилевскому, 2 ноября 1831 г.

«Я на время решил занять здесь кафедру истории, и именно средних веков. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебе некоторые лекции свои, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои».

Гоголь — М. П. Погодину, 23 июля 1834 г.

«Весь университет наслаждался «Вечерами на Хуторе» и с любопытством ожидал появления на кафедре пасечника Рудого Панька. На первую лекцию навалили к нему в аудиторию все факультеты. Из посторонних посетителей явились и Пушкин, и, кажется, Жуковский. Сконфузился наш пасечник, читал плохо и произвел весьма невыгодный для себя эффект. Этого впечатления не поправил он и на следующих лекциях».

В. В. Григорьев

«Читал Гоголь так, как едва ли кто может читать. Это был верх удивительного совершенства. Снажу даже вот что: как ни отлично разыгрывались его комедии, или, вернее сказать, как ни передавались превосходно иногда некоторые их роли, но впечатления никогда не производили они на меня такого, как в его чтении. Читал он однажды у меня, в большом собрании, свою «Женитьбу», в 1834 или 1835 году. Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестой — «в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? какой цветок больше любите?» — прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели буквально покатывались со смеху, а он, как ни в чем не бывало, молчал и поводил только глазами».

М. П. Погодин

«Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалования университетского — 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте же милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, куда смешнее черта! Ради бога, ум и желудок мой оба голодают».

Мои ни «Арабески», ни «Миргород» не идут совершенно. Черт их знает, что это значит! Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве».

Гоголь — А. С. Пушкину, 7 окт. 1835 г.

«Мысль «Ревизора» принадлежит Пушкину».

Гоголь

«Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого, точно, нет у других писателей... Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых Душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!»

Гоголь

«Ревизор» имел полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, задумчивый и единогласный хохот, вызов автора после двух первых представлений, жадность публики к последовавшим представлениям и, что всего важнее, живой отголосок ее, раздававшийся после в повсеместных разговорах, — ни в чем не было недостатка».

П. А. Вяземский

«Накануне отъезда Гоголя за границу, Пушкин, по словам Якова (гоголевского слуги), просидел у него в квартире всю ночь напролет. Он читал начатые им сочинения. Это было последнее их свидание».

Г. П. Данилевский

«У Смирновых обедал Гоголь: трогательно и жалко смотреть, как на этого человека действовало известие о смерти Пушкина. Он совсем с тех пор не свой. Бросил то, что писал, и с тоской думает о возвращении в Петербург, который опустел для него».

А. Н. Карамзин — Е. А. Карамзиной.

«Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изрекнет неразрушимое и вечное одобрение свое — вот что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже! нынешний труд мой, внушенный им, его создание... я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска...»

Я был очень болен, теперь начинаю немного оправляться».

Гоголь — П. А. Плетневу, 16 марта 1837 г., из Рима.

«Здесь тепло, как летом; а небо — совершенно кажется серебряным. Солнце дальше и больше, и сильнее обливает его своим сиянием. Что сказать тебе вообще об Италии? Мне кажется, как будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр, марящие платье мелом; старинные подсвечники и лампы в виде церковных; блюда все особенные;

все на старинный манер. Везде Гуселе виделась мне картина изменений; здесь все остановилось на одном месте и далее нейдет. Когда въехал в Рим, я в первый раз не мог дать себе ясного отчета: он показался маленьким; но, чем далее, он мне кажется большим, и большим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше; а картин развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия для того, чтобы жить».

Гоголь — А. С. Данилевскому, апрель 1837 г.

«Еще одно безвозвратное... О, Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение! Что бы за жизнь моя была после этого в Петербурге; но как будто с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем, и весь впился в ее роскошные красоты. Она заменила мне все... Я весел. Душа моя светла. Труджусь и спешу всеми силами совершить труд мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я ничего еще не сделал, что бы было достойно вашего трогательного расположения. Но, может быть, это, которое пишу ныне, будет достойно его».

Гоголь — В. А. Жуковскому, 30 октября 1837 г., из Рима.

«Я проводил все время с Римом, т. е. с его развалинами, природою и Жуковским, который теперь только уехал и оставил меня сиротой, и мне сделалось в первый раз грустно в Риме. Здоровье мое... не стоит говорить о нем».

Гоголь — А. С. Данилевскому, 12 февр. 1839 г., из Рима.

«Гоголю обрадовались в Москве без памяти».

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву, 10 окт. 1839 г.

«Белинский был в энтузиазме от Гоголя, как писателя, — это всем известно, но, как с человеком, он никогда не мог сойтись с ним близко. Гоголь был слишком сосредоточен в самом себе и к тому же, по мере своей известности, начинал приобретать постепенно неприступность авторитета, все более и более сближаясь с другими литературными и светскими авторитетами. Открытый и искренний по натуре Белинский не терпел никакой напыщенности, натянутости и признавался, что ему всегда бывало немного тяжело в присутствии Гоголя. Малороссийские устные рассказы Гоголя и его чтение (известно, что он был удивительный чтец и превосходный рассказчик) производили на Белинского сильное впечатление».

И. И. Панаев

«Все мы хорошо знали, что Н. В. Гоголь проживает на антресолях в доме Погодина, но никто из нас его не видал. Только однажды, всходя на крыльцо погодинского дома, я встретился с Гоголем лицом к лицу. Его горбатый нос и светло-русые усы навсегда запечатлелись в моей памяти, хотя это была единственная в моей жизни с ним встреча... Желтая моя тетрадка (с стихотворениями) все увеличивалась в объеме, и однажды я решился отправить и Погодину за приговором моему эстетическому стремлению. — «Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю», — сказал Погодин: — он в этом случае лучший судья». Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: — «Гоголь сказал, это — несомненное дарование».

А. А. Фет. Ранние годы моей жизни.

«Известный наш художник Ф. А. Моллер писал в это время портрет Гоголя. Я раз застал в его мастерской Гоголя за сеансом. Показывая мне свой портрет, Гоголь заметил: «писать с меня весьма трудно: у меня по дням бывают различные лица, да иногда и на одном дне несколько совершенно различных выражений», — что подтвердил и Моллер. Портрет известен: это мастерская вещь, но сарническая улыбка, кажется нам, взята Гоголем только для сеанса».

П. В. Анненков

«Думаю, по случаю выхода «Мертвых Душ», написать несколько статей вообще о ваших сочинениях... Величайшею наградою за труд для меня может быть только ваше внимание и ваше доброе, приветливое слово... Больше всего... меня радуют, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным, и я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человек, как Пушкин, и что такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин. После этого вы поймете, почему для меня так дорог ваш человеческий, приветливый отзыв... Вы у нас теперь один, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбою;

не будь вас,— и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества: я буду жить в одном прошедшем и, равнодушный к мелким явлениям современности, с грустной отрадой буду беседовать с великими тенями, перечитывая их неумирающие творения».

В. Г. Белинский — Гоголю,
20 апр. 1842 г.

«Печатание первой части «Мертвых Душ» шло быстро, хотя пасхальные каникулы и задержали его почти на полторы недели: в начале мая все листы были набраны, кроме «Повести о капитане Копейкине», которая не была возвращена петербургской цензурой».

Н. С. Тихонравов

«Когда Жуковский жил во Франкфурте-на-Майне, Гоголь прогостил у него довольно долго. Однажды,— это было в присутствии графа А. К. Толстого (поэта),— Гоголь пришел в кабинет Жуковского и, разговаривая со своим другом, обратил внимание на карманные часы с золотой цепочкой, висевшие на стене.— «Чьи это часы?»— спросил он.— «Мои»,— отвечал Жуковский.— «Ах, часы Жуковского! Никогда с ними не расстаюсь». С этими словами Гоголь надел цепочку на шею, положил часы в карман, и Жуковский, восхитившись его пронализностью, должен был отказаться от своей собственности».

П. А. Кулиш со слов гр. А. К. Толстого.

«Скажу вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Я сам не знаю, какая у меня душа. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом,— и, как нарочно, каждая из них порою заключает в себе то, чего нет в другой: явный знак, что они должны пополнить одна другую».

Гоголь — А. О. Смирновой,
24 дек. 1844 г.

«Вы коснулись «Мертвых Душ» и говорите, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мертвых Душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых Душ». Это пока еще тайна, которая должна была водружиться к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы богу угодно было продлить жизнь мою. Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного автора. Многие, многие даже из того, что, по-видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле... Была у меня, точно, гордость, но не моих настоящих и м. не теми свойствами, которыми владел я; гордость будущим шевелилась в груди,— тем, что представлялось мне впереди,— счастливым открытием, что можно быть далеко лучше того, чем есть человек».

Гоголь — А. О. Смирновой,
25 июля 1845 г.

«Я написал и послал сильный протест к Плетневу, чтобы не выпускал в свет новой книги Гоголя, которая состоит из отрывков писем его к друзьям и в которой есть завещание к целой России, где Гоголь просит, чтоб она не ставила над ним никакого памятника, и уведомляет, что он сжег все свои бумаги. Я требую также, чтобы не печатать «Предупреждения» к пятому изданию «Ревизора»: ибо все это с начала до конца чушь, дичь и нелепость и, если будет обнаружено, сделает Гоголя посмешищем всей России. То же самое объявил я Шевыреву... Если Гоголь послушает нас, то я предлагаю Плетневу и Шевыреву отказаться от исполнения его поручения. Пусть он находит себе других палачей».

С. Т. Аксаков — И. С. Аксакову,
в последних числах ноября 1846 г.

«Появление книги моей разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся, точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напроказил больше того, чем имел намерение. Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее. Но тем не менее книга эта отныне будет лежать всегда на сто-

ле моем, как верное зеркало, в которое мне следует глядеться, для того, чтобы видеть все свое неряшество и меньше грешить вперед... Как мне стыдно за себя... стыдно, что возмнил о себе, будто мое школьное воспитание уже кончилось, и могу я стать наравне с тобою. Право, есть во мне что-то хлестаковское... Ноги мои все по-прежнему без сна; я слаб телом, но духом, слава богу, довольно свеж».

Гоголь — В. А. Жуковскому,
6 марта 1847 г.

«Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о тех воплях дикой радости, которые издали при появлении ее все враги ваши, и нелитературные — Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. д.— и литературные, которых имена хорошо вам известны. Вы видите сами, что от вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если бы она и была написана вследствие глубокого, искреннего убеждения, и тогда бы она должна была бы произвести на публику то же впечатление. И если ее приняли все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтобы не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур нецеремонную проделку для достижения небесным путем чисто земной цели,— в этом виноваты только вы. И это несколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительным. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в вашей фантастической книге».

В. Г. Белинский — Гоголю,
15 июля 1847 г.

«Я не мог отвечать скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мне потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не было бы нанесено поражения еще прежде, нежели я получил ваше письмо. Письмо ваше я прочел почти бесчувственно, но тем не менее был не в силах отвечать на него. Да и что мне отвечать? Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды. Скажу вам только, что я получил около пятидесяти разных писем по поводу моей книги; ни одно из них не похоже на другое... что опровергает один, то утверждает другой... Покуда мне показались только те непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писания до тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками».

Гоголь — В. Г. Белинскому,
10 авг. 1847 г.

«Соображаю, думаю и обдумываю второй том «Мертвых Душ». Читаю преимущественно то, где слышится сильнейшее присутствие русского духа. Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назваться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка».

Гоголь — П. А. Плетневу,
20 ноября 1848 г., из Москвы.

«Гоголь смотрел на «Мертвые Души», как на что-то, что лежало вне его, где должен был раскрыть тайны, ему заповеданные.— «Когда я пишу, очи мои раскрываются неестественною ясностью. А если я прочитаю написанное еще неоконченным, кому бы то ни было, ясность уходит с глаз моих. Я это испытывал много раз. Я уверен, когда сослужу свою службу и окончу, на что я призван, то умру. А если выпущу на свет незрелое или поделюсь малым, мною совершаемым, то умру раньше, нежели выполню, на что я призван в свет».

А. О. Смирнова

«Твое письмо получил уже здесь, в деревне моей матушки... Что второй том «Мертвых душ» умнее первого,— это могу сказать, как человек, имеющий вкус и притом умеющий смотреть на себя, как на чужого человека».

Гоголь — П. А. Плетневу,
6 мая 1851 г.

«Тургенев был у Гоголя в Москве, тот принял его радушно, протянул руку, как товарищу, и сказал ему: «У вас есть талант; не забывайте же: талант есть дар божий и приносит десять талантов за то, что создатель вам дал даром. Мы обнищали в нашей литературе, обогатите ее. Главное,— не спешите печатать, обдумывайте хорошо. Пусть скорее создастся повесть в вашей голове, и тогда возьмитесь за перо, марайте и не смущайтесь. Пушкин беспощадно марал свою поэзию, его рукописей теперь нитки не поймете: так они перемараны».

А. О. Смирнова

«По свидетельству людей, близко знавших Гоголя, им был уже вполне окончен весь второй том, состоявший из одиннадцати глав, т. е. из того же числа, какое входило в состав первого тома, и он решился приступить к изданию его, когда внезапная болезнь изменила его намерения и побудила к сожжению с такою любовью взлелеянного произведения».

В. П. Чижов. Последние года Гоголя.

«Кн. Дм. Ал. Оболенский рассказал мне следующие подробности о Гоголе, с которым он был хорошо знаком. Он находился в Москве, когда Гоголь умер. Гоголь кончил «Мертвые Души» за границей — и сжег их. Потом опять написал и на этот раз остался доволен своим трудом. Но в Москве стало посещать его религиозное исступление, и тогда в нем бродила мысль сжечь и эту рукопись».

А. В. Никитенко

«Ночью, на вторник, он долго молился в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его: тепло ли в другой половине его покоев. «Свежо»,— отвечал тот. «Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться». И он пошел, со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, через которую проходил. Пришел, велел открыть трубу, как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук. Мальчик, догадавшись, упал перед ним на колени и сказал: «Барин, что вы это, перестаньте!»— «Не твое дело»,— отвечал он, молясь. Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печи, развязал тесемку и уложил листы так, чтобы легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истечет... Поутру он сказал гр. Т.: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после моей смерти».

М. П. Погодин. «Кончина Гоголя».

«Гоголь занимал несколько комнат в нижнем этаже дома графини Толстой. Когда я вошла в комнату, в которой находился больной (помню, комната эта была с каминном), он лежал в постели, одетый в синий шелковый ватный халат, на боку, обернувшись лицом к стене. Умирающий был уже без сознания, тяжело дышал, лицо казалось страшно черным. Около него никого не было, кроме человека, который за ним ходил. Через несколько часов Гоголя не стало».

В. А. Нащокина

«Вчера мы похоронили Гоголя. Точно будто хоронил самого себя; знаю, что Вы испытываете то же самое чувство, и потому мне захотелось писать и Вам. Какое тяжкое чувство сиротства овладело всеми, для которых в Гоголе заключалась вся надежда, все утешение, единственная светлая точка в России. Теперь все лопнуло. Надо начать жить без Гоголя! Он изнемог под тяжестью неразрешимой задачи, от тщетных усилий найти примирение и светлую сторону там, где ни то, ни другое невозможно,— в обществе. Двенадцать лет трудился он над этой задачей, двенадцать лет писал он второй том «Мертвых душ», писал, переписывал, переделывал и все не считал оконченным, ни разу не мог удовлетвориться... И вот он сам сжигает их и, сжегши, умирает. Все это полно страшного, огромного смысла. Вся мученическая, художественная деятельность Гоголя, все его существование, писание «Мертвых душ», сожжение их и смерть — все это составляет такое огромное историческое событие, с таким необъятным значением, от которого дух захватывает. «Ну, кажется, теперь больше хоронить некого»,— сказал нам вчера Грановский...»

И. С. Аксаков — И. С. Тургеневу,
26 февраля. Москва

«Гоголь умер!— Какую русскую душу не потрясут эти два слова?— Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все могли надеяться, что он нарушит, наконец, свое долгое молчание, что он обрадуется, превзойдет наши нетерпеливые ожидания, пришла эта роковая весть!— Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем начал эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших».

И. С. Тургенев

Публикацию подготовил
А. БАСМАНОВ.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ...

В 1934 году К. С. Станиславский решил ввести в спектакль «Мертвые души» новых исполнителей.

На роль Ноздрева — Бориса Ливанова. Шли репетиции. Исаак Бабель подарил отцу издание «Мертвых душ» с иллюстрациями Агина и дарственной надписью: «Сыграй его, mio amico, не хуже, чем Николай Васильевич его написал». Этот подарок положил начало собранию различных иллюстрированных изданий поэмы Н. В. Гоголя.

Украшение собрания — первое издание, напечатанное в 1842 году, при жизни автора, в Москве в университетской типографии. Кажется, отец приобрел его еще до войны на каком-то книжном «развале», сильно потрепанное.

Уже дома между страницами обнаружился сложенный пополам чей-то рукописный листок. Судя по состоянию бумаги — ровесник книги. Среди перечеркнутых строк бросались в глаза два хорошо различимых слова: «политические экзномы».

Листок так и остался между страницами. А с годами библиотека пополнялась. Время от времени на отца нападало необоримое желание ее как-то систематизировать. Книжки извлекались из шкафов, стопками складывались на письменный стол, на кресла, стулья, на пол, пересматривались, перечитывались.

Потом отца вызывали на съемку, или назначались новые репетиции, или возникали какие-нибудь совершенно неотложные дела. В конце концов книги возвращались в шкафы усилиями чад и домочадцев, что отнюдь не способствовало систематизации библиотеки.

Хорошо помню, что во время таких решительных приступов и пересмотров несколько раз извлекался случайный рукописный листок. — Надо показать Ираклию, — произносил отец над ним свой окончательный приговор, и листок возвращался в книгу.

Так и существовал он в книге, надежно укрытый благим намерением: «надо показать Ираклию».

Но когда они встречались — Ираклий Андроников и Борис Ливанов, — то думаю, что даже человек, поставивший целью своей жизни напомнить тут о случайном листке в старинной книге, забыл бы об этом в первую же секунду. Разве что гоголевское перо способно передать образное впечатление от их встреч!..

Во мне — подростке — старинная книга не будила никакого интереса: без обложки, с оторванным корешком и, главное, нет иллюстраций. То ли дело издания с рисунками Агина, Боклевского, Петра Соколова!..

Спектакль «Мертвые души» с участием отца я смотрел раз сорок и мог бы смотреть бесконечно.

Сохранился и напоминает о том времени портрет Ноздрева, выполненный Б. Ливановым.

И вот недавно в минуты отдыха я оглядывал книжные полки, собираясь все же как-то систематизировать библиотеку. Через застекленную дверцу шкафа на меня смотрели лишенные корешка сброшюрованные страницы первого издания великой поэмы. Конечно, тут же вспомнилось: «Надо показать Ираклию... Лурсавовичу».

А почему, собственно, не попытаться разобрать, прочесть эти строчки самому? Этот внезапно возникший порыв поначалу показался мне чуть ли не предательством. Ведь было же условлено: «надо показать».

Прошу прощения у Андроникова, но я все же открыл книгу, достал и развернул сложенный пополам листок.

«Политические экзномы» — и вдруг сразу же вслед за этими давно знакомыми словами прочиталось еще одно: «Костанжогло»!!!

Предполагаю, что отец даже не пытался догадываться, чья рука писала эти слова. Для артиста, по общему признанию гениально сыгравшего Ноздрева, Гоголь существовал уже в живом этом воплощении, а не в перемаранных строчках случайно заложенного в книгу листка.

А затем листок я показал специалистам Гослитмузея. Оказалось, что это удивительно тщательно выполненное в 50-х годах прошлого века факсимильное воспроизведение одной из чудом сохранившихся страниц 2-го тома «Мертвых душ». И все же...

«Рукописи не горят», — утверждал Михаил Булгаков, в чьей инсценировке «Мертвых душ» Борис Ливанов многие годы играл Ноздрева.

И я почему-то верю, что рукописные листы бессмертной поэмы будут находиться еще и еще... Так хочется верить!

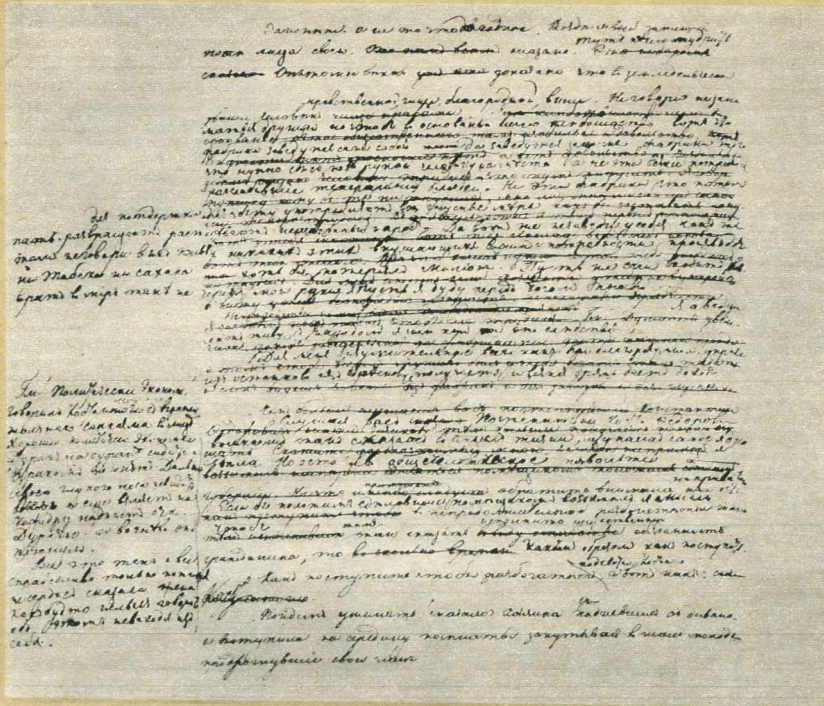
Василий ЛИВАНОВ, заслуженный артист РСФСР, писатель

От редакции
Директор Государственного литературного музея Н. В. Шахалова сообщила редакции «Огонька», что гоголевские реликвии — экземпляр первого издания «Мертвых душ», рисунки Б. Н. Ливанова, факсимиле автографа Гоголя, о которых рассказано в этом материале, В. Б. Ливанов только что передал в дар Гослитмузею.

Ноздрев. Рис. Б. Н. Ливанова 1935 [1]

Факсимиле одного из рукописных листов второго тома «Мертвых душ».

Родное ГНЕЗДО

Восстановленный дом Гоголя.

Беседка, воссозданная в усадьбе писателя.

Село Васильевка на Полтавщине писатель называл «родным гнездом». Сюда из Сорочинца сразу после рождения привезли Ниношу с матерью. В родную Васильевку Гоголь возвращался на каникулы из Нежинской гимназии да и потом приезжал сюда из Москвы, Петербурга, Рима. В последний раз отсюда уехал в Москву за год до смерти.

Здесь Гоголь находил отдохновение, здесь крепла его любовь к украинской земле, народным обычаям.

После внезапной кончины мужа Мария Ивановна, мать писателя, достроила дом, но затем вновь перестроила его по советам и чертежам сына в одноэтажный с восемью спаренными колоннами портика и террасами на садовом фасаде. Перенесла из сада и поставила справа от дома флигель, где во время приездов жил и работал Николай Васильевич.

Унаследовали у Марии Ивановны усадьбу сестры Гоголя — О. В. Гоголь-Головня и Е. В. Гоголь-Быкова. С этого времени Васильевка стала местом соединения двух знаменитых родов Гоголей и Пушкиных, так как племянник писателя Николай Владимирович Быков женился на внучке поэта Марии Александровне, и они поселились в Васильевке.

К концу XIX — началу XX века усадьба претерпела значительные изменения. Из страха перед семейной легендой, что после ссоры деда Гоголя с подрядчиком-строителем, который в отместку якобы «заложил дом на голову хозяина» и оттого все мужчины рода Гоголей-Яновских рано умирают, Ольга Васильевна предприняла разборку исторического здания. Она писала: «...когда умер мой сын, тогда я не пожалела старого дома, сломала, даже боялась на том месте строить, подвинула вперед на целую сажень». А вскоре, в 1894 году, был разобран и флигель.

Оставшиеся по обеим сторонам пруда строения простояли до Великой Отечественной войны. При своем бегстве с полтавской земли в 1943 году гитлеровцы варварски уничтожили Васильевку. В огне погибли все постройки и парк усадьбы...

В 1973 году в Полтавском инженерно-строительном институте был подготовлен проект, в котором впервые на научной основе воспроизведена ретроспектива историко-мемориальной

зоны усадьбы и центр села. Но практические работы велись медленно. В 1981 году «Огонек» выступил со статьей, где, в частности, говорилось о затяжных в строительстве заповедника. Проблему эту ставили и другие издания.

Сейчас в центре села Гоголево, которое так и хочется назвать, как при жизни писателя, Васильевкой, около пруда во вновь устроенном парке уютно расположился одноэтажный особняк с флигелем, хозяйственными постройками. Ниже — маленький грот, беседка в «готическом вкусе». Впечатление омрачает бетонная коробка клуба, углом своим прикрывшая часть флигеля, да оживленная трасса, разрезающая мемориальную зону.

Флигель — самая главная ценность Васильевки — создан тактично и бережно. Восстановлен интерьер и облик украинской мазанки с «піддашном» (навесом) и «ганном» (крыльцом) в сторону сада. Интерьеры всех комнат выполнены художниками под руководством В. Н. Батурина и А. Т. Щербана.

Как рассказал нам директор заповедника-музея Л. С. Вайнгорт, многие энтузиасты внесли вклад в создание экспозиции. О. Н. Сошальская передала кольцо с прядью волос Гоголя, Е. А. Цивинская — серьги и брошь матери писателя. Харьковский рабочий С. С. Осмоловский безвозмездно передал 26 томов редких изданий...

Многое сделано, однако многое еще предстоит. Работники музея наметили до конца следующего года реконструировать армачную площадь, где предполагается по рисунку Гоголя реставрировать звонницу, наметается восстановить посаженную некогда Николаем Васильевичем рощу «Балабайка»...

Во второй половине 80-х годов предполагается создать на свободной от застройки площади музей народного быта под открытым небом, а в 90-е годы — реставрировать противоположную «Быковскую» сторону с посадкой парка по чертежам Гоголя и устройством насыпанного в свое время писателем холма, купальни и водной мельницы на пруду.

Так что работы много, а сотрудники музея не хотят останавливаться на достигнутом.

В. ПОТРЕСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

РЕЛИКВИИ

Гоголь поселился в Москве в доме на Никитском бульваре, в нижних комнатах. Диваны по стенам, печка с топкой, заставленная экраном зеленой тафты, крытый зеленым сукном стол и второй такой же, на столах кучки книг, ширмы у кровати в спальне... Так выглядело последнее пристанище писателя, где ему суждено было провести два года и где он скончался.

Сюда же переехали с ним немногие дорогие ему личные вещи, выставленные сейчас на юбилейной выставке в Государственном литературном музее в только что отреставрированном старом московском особняке, где жил друг Гоголя С. Т. Аксаков.

Невзрачный кожаный портфель, потертый на сгибах, вместивший бесценные духовные сокровища. Изящные печати на длинных ручках слоновой кости. Стекланный стаканчик для лекарств с золоченым ободком. Другой, фарфоровый, в форме бочонка, в котором Николай Васильевич держал перья и карандаши и который собственноручно склеил, когда тот треснул. Карманные часы фирмы П. Буре с выцарапанной на задней крышке надписью: «Гоголь, 1831 г.». Вышитая шапочка. Должно быть, она досталась ему в Италии, и писатель привык надевать ее за работой, так как постоянно мерз.

Разным казался Гоголь в тот период одним и тем же людям. И. С. Тургенев отметил, что «какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство примешивались к постоянно пронизывающему выражению его лица».

Гоголь чувствовал болезнь и спешил. В двух типографиях печатались его книги: на круглом столе посредине комнаты громоздились корректуры. Надо было успеть выпустить в свет до весны полное собрание своих произведений, чтобы скорее уехать на юг, в Одессу, к теплому морю, к солнцу.

Но как уедешь, когда здесь, на Никитском бульваре, бережет он в конторке главное — «Мертвые души, второй том». Совершенно законченный и перебранный, в синих тетрадках, схваченных бечевкой. Сын денди Е. И.

Шапочка Гоголя.

Янушкин уведомлял друзей в письме, помеченном 16 ноября, что этими днями «Гоголь собирается печатать 2-й том «Мертвых душ»... который уже он читал у Назимова».

Читатель читал, и не у одного Назимова, а вот все не решился выпустить из рук итог мучительного труда трех с половиной лет.

По Москве ползли глухие слухи о неизлечимой болезни Гоголя. Друзья печально вздыхали. А тем временем здоровье Николая Васильевича несколько улучшилось; он вновь принялся за работу и даже затеял у Кошелевых на Поварской небольшую музыкальную вечеринку — хотел угостить приятелей народными украинскими песнями, переложенными с его голоса на ноты одной из дочерей С. Т. Аксакова.

Вечер назначили на воскресенье 27 января. А в субботу скончался от тифа Елизавета Михайловна Хомякова, сестра поэта Языкова, тридцати пяти лет. Вьюжная выдалась в том году зима, ледяной ветер перехватывал дыхание. До Тверской съезды сугробы не пробиться. Гоголь насилу сыскал извозчика. Ворвался к Хомяковым с криком: «Погодите! Погодите! Она не умрет, я вымолю ее у смерти!» Потом, как в бреду, погнав извозчика и Страстному монастырю, оттуда побегал бульварами домой и в ознобе слег.

Несколько дней пролежал без сил, с температурой, под одеялами и шубами, все не мог согреться. Наконец, постепенно пришел в себя, голова прояснилась, и перебрался уже было с дивана в кресло к конторке, как тут в Москву приехал преподобный Матвей Константиновский.

«Окончание трагедии — известно, — пишет беллетрист чеховской поры Ив. Щеглов (И. Л. Леонтьев). — Непосредственно вслед за отъездом о. Матвея с Гоголем началась та, так сказать,

ГДЕ ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ «РЕВИЗОРА»?

«Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой», — говорит Хлестаков во втором действии «Ревизора». Едет же он, по его словам, «в Саратовскую губернию, в собственную деревню».

Таким образом, Гоголь вполне точно определил, что действие «Ревизора» происходит в уездном городе Пензенской губернии. Но на пути из Пензы в Саратовскую губернию городов не было. Читатели, знающие эти места, решили, что действие «Ревизора» происходит в Петровске — уездном городе Саратовской губернии. Н. Г. Чернышевский, родившийся в Саратове, писал в своей «Автобиографии»:

«Кстати о Петровске: один из моих бывших приятелей... очень мило доказывал, что действие «Ревизора» происходит именно в Петровске: и точно, это очень вероятно, по соображению маршрута Хлестакова, и пусть Петровск пользуется хоть этой известностью, при совершенной невозможности иметь никакой другой».

Вопрос о месте действия «Ревизора» интересовал Московский Художественный театр при постановке комедии в 1908 году. В. И. Немирович-Данченко в связи с этим называл Аткарск, находящийся на тракте между Пензой и Сара-

товом. Существуют аналогичные указания и на города Пензенской губернии — Городище и Чембар.

Однако, если рассматривать «Ревизора» в связи с биографией Гоголя, выясняется, что никакой город Пензенской или Саратовской губернии, в которых Гоголь не бывал, не отображен в «Ревизоре», — там отображен Курск. Известно, что единственный случай, когда Гоголь имел возможность близко наблюдать русский провинциальный город, был в Курске, где ему пришлось задержаться на неделю из-за поломки экипажа. В. Вересаев в своей книге «Как работал Гоголь» пишет: «Мы имеем реальное доказательство, что в «Ревизоре» Гоголь описывал как раз Курск и курский трактир — единственный, который он имел возможность наблюдать». В первоначальном наброске комедии Хлестаков сообщает, что едет в Екатеринославскую губернию (в окончательной редакции — в Саратовскую), что в Туле его обчистил в карты пехотный капитан (позднее заменено Пензой), а из слов Осипа узнаем, что им до места «всево треть верстов осталось». Маршрут из Петербурга в Екатеринослав идет через Москву, Тулу и Курск, и Курск лежит точно на одной трети пути от Екатеринослава к Петербургу».

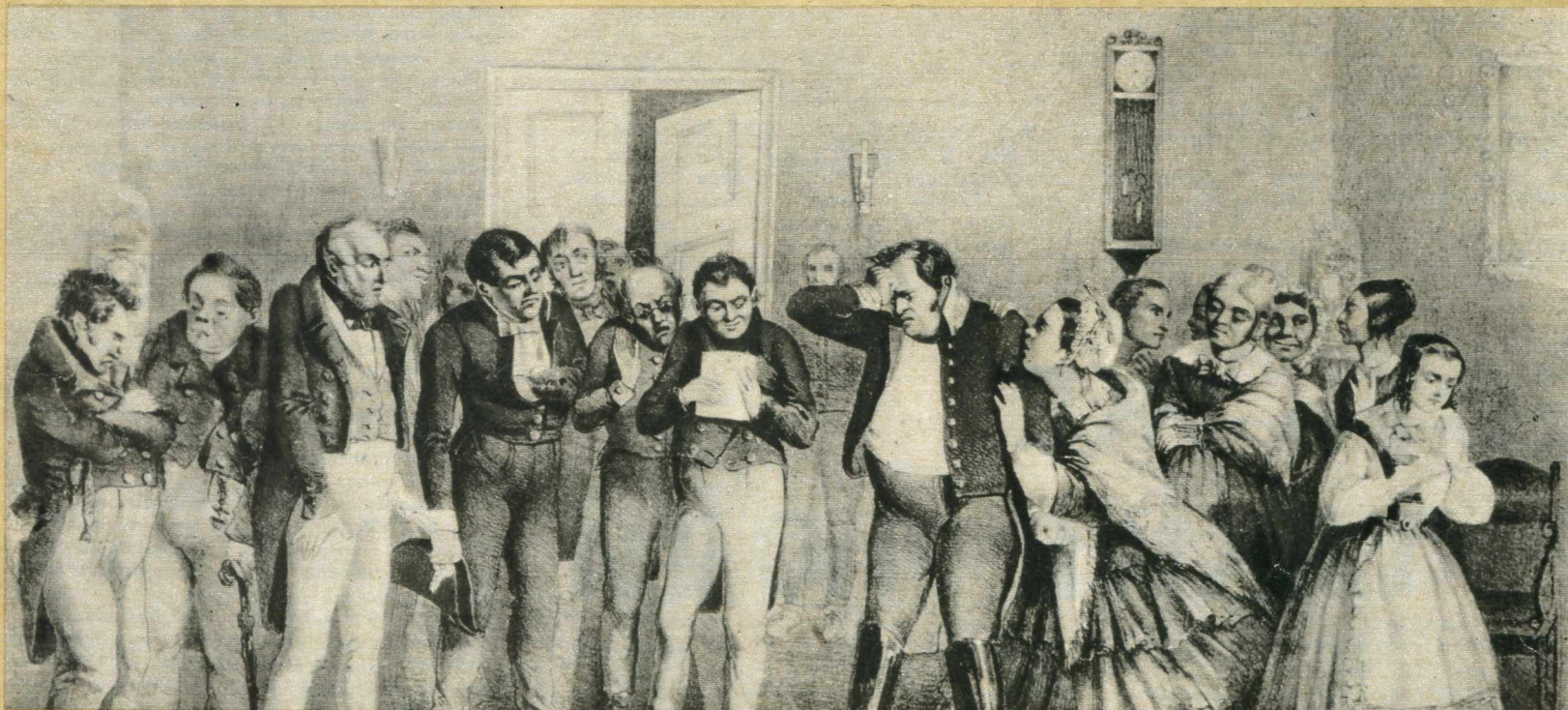
Следовательно, создавая «Ревизора», Гоголь имел в своем воображении Курск, и в основу образов бессмертной комедии легли курские впечатления Гоголя.

Силою гоголевского таланта эти впечатления воплотились в образы, типичные для всей России времени Николая I. Любопытно, что это подтвердил сам Николай, причем по стечению обстоятельств сделал это именно в глуши Пензенской губернии, куда Гоголь перенес действие «Ревизора».

На пути из Пензы в Тамбов царь получил увечье и две недели лечился в Чембаре. Выздоровев, он пожелал увидеть местных чиновников. Со слов чембарского уездного стряпчего Львова, известно, что Николай пристально осматривал чембарских чиновников и сказал губернскому предводителю дворянства: «Я их знаю...» А затем прибавил по-французски, что видел их на представлении комедии Гоголя «Ревизор».

Это было в сентябре 1836 года, спустя несколько месяцев после первого представления «Ревизора» на сцене Александринского театра в Петербурге.

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

Эта уникальная литография, на которой изображена сцена чтения письма Хлестакова к Тряпичкину, — одна из первых иллюстраций к комедии «Ревизор».

«духовная агония», которая повлекла за собой стремительное физическое разрушение».

Теми же днями по просьбе постоянного врача писателя А. Т. Тарасенкова больного навещал лекарь Зайцев. Гоголь тогда уже принял обет молчания, отказываясь от пищи. Но тут неожиданно разговорился с робеющим посетителем и, узнав, что тот втайне пишет стихи, предложил ему прочесть их.

Внезапная ли симпатия к бедному незнакомцу была тому причиной, а может, он вспомнил, как юношей отправился некогда завоевывать Петербург с романтическим «Ганцом Кюхельгаргеном», — так или иначе, но безвестный лекарь читал в тот день великому художнику, готовившемуся к смерти, стихи собственного сочинения.

Гоголь слушал серьезно, внимательно и подарил гостю на прощание свою знаменитую шапочку. Шапочку Мастера.

Ю. ОСИПОВ

Редакция «Огонька» благодарит Государственный литературный музей, Государственный музей А. С. Пушкина, Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, заповедник-музей Н. В. Гоголя (Полтавская обл.), Московскую городскую библиотеку имени Гоголя [мемориальные комнаты писателя] за помощь в подготовке юбилейных гоголевских материалов этого номера.

ГОГОЛЬ В ТЕАТРЕ НА ЮГО-ЗАПАДЕ

Гоголь и театр неразделимы. Для каждого творческого коллектива — и самодельного и профессионального — он пробный камень, выявляющий внутренние ресурсы театра. Оживить этот «классический» материал, заставить его зазвучать как бы впервые и в то же время сохранить верность художественному миру Гоголя — это, наверное, венец мечтаний всякого театра. И зрителей тоже.

Молодой московский самодельный театр-студия на Юго-Западе играет в этом году свой шестой сезон. За это время сформировался репертуар и сыграно четырнадцать спектаклей, свидетельствующих о том, что вырос самобытный коллектив со своими творческими принципами (режиссер В. Белякович).

Театр на Юго-Западе поставил не одну пьесу Гоголя, а цикл пьес, написанных им. В 1979 году — «Женитьба», в 1981 году — «Игроки», в 1982—1983 годах — «Отрывки» из неоконченной комедии «Владимир 3-й степени», в 1984 году — «Ревизор». Уже постановка первых трех пьес показала, сколь обдуманно и целеустремленно отношение театра к гоголевской теме и жанру серьезной комедии.

Отказавшись от каких бы то ни было аллегорий, театр пошел по пути живого, непосредственного действия. Открытое и непосредственное отношение к драматургии Гоголя сообщило «Женитьбе» и «Владимиру 3-й степени» атмо-

сферу реальной жизни, в которой выявилась и вся сложная гоголевская символика.

Год памяти Гоголя театр на Юго-Западе встретил премьерой «Ревизора». Спектакль решен в трудном жанре реалистического гротеска, в нем соседствуют перевоплощение и «декларация» образа, классическая неторопливость, характерная «подробность» и бурный темперамент современности.

На сцене оживает «странная реальность» гоголевской комедии, хотя антеры внутренне сосредоточены в «исторической действительности», живут и ведут себя, как положено уездным провинциалам, которых они играют с земной, психологической отдачей. И вот «страшный мир» Гоголя оборачивается к нам правдой и обезоруживающей человечностью. Этот спектакль — подлинный, а не «масочный» и не «манекенный» «Ревизор».

Интересный, ищущий театр на Юго-Западе утверждает вкус к сохранности классики и стремится создать полноценный образ человека, без которого нет ни живого наслаждения театром, ни заражающего искусства, ни искренней заинтересованности аудитории.

Н. КАЙДАЛОВА,
старший научный сотрудник
Государственного литературного музея

**Максим
КОРОБЕЙНИКОВ**

Рисунок И. ПЧЕЛКО

РАССКАЗ

Этот невыдуманный рассказ написан фронтовиком, который в войну прошел путь от командира взвода до командира батальона. Ныне Максим Петрович Коробейников — генерал-майор, доктор психологических наук, профессор.

ЕСТЬ ЖЕ ТАКИЕ ЛЮДИ

Высота, которую обороняли немцы, господствовала над местностью. Командование приняло решение взять ее во что бы то ни стало. Предстояло сделать, кажется, не очень много: преодолеть болото, отделявшее наши войска от немцев, — всего семьсот метров, и занять высоту. Не так уж далеко продвинуться и не столь высоко взобраться.

Полк поутру вошел в болото и потом несколько дней упорно продвигался вперед, день за днем все больше и больше теряя людей и веру в возможность преодолеть проклятую трясику. Болото горело.

Каждый день в штаб шли донесения о продвижении наших войск и просьбы помочь авиацией и артиллерией.

На седьмой день моя рота первой в полку вышла из болота, зацепилась за подошву высоты и окопалась. Немцы, видимо, не сразу заметили ее появление.

Я доложил обстановку и получил задачу — закрепиться и ждать пополнения. Но пополнения не было. Настал день, когда по приказу командования полк вернулся в исходное положение. Наступление иссякло.

Нас сделали боевым охранением. У полка появились выдвинутые вперед «глаза и уши». Командование делало вид, что оно довольно успешно. Мы наблюдали за действиями противника и были полны решимости не допустить его внезапного нападения на нашу основную оборону, хотя и было нас всего с полвзвода.

Болото, некогда поросшее деревьями, кустарником и высокой травой, оголилось. Из зе-

ленного оно стало коричневым. Залитые грязью воронки, обгорелые деревья и трупы. Они были повсюду — плавали в воронках, похожие на темно-серые кочки, лежали под солнцем и ветром.

Днем болото было мертво, никто не рисковал ходить по нему. Немцы пристально всматривались в лужи и кочки. Пулеметы и орудия открывали огонь, как только там кто-то подавал признаки жизни.

Ночью позиция, которую занимал наш полк, темнела угрожающе и непонятно. Зато высота, на которой были немцы, извергала каскады ракет: свистящих, хлопающих и бесшумных, цветных и бесцветных, быстро сгорающих и медленно опускающихся на шелковых парашютах. Всю ночь трассы ракет и пуль прорезали темноту и тянулись к нашей обороне, освещая мертвую зыбь болота.

Дважды за ночь, лишь немного стемнеет и за час до рассвета, из первой траншеи основной обороны выходил плотный человек. Он шел легкой, скользящей и бесшумной походкой. За спиной — термос, в левой руке — ведро, в правой — длинная палка. Он нес обед нам, в боевое охранение. В термосе — суп, в ведре — каша из концентратов, на ремне — тяжелая фляга с водкой. Его мы ждали как бога. Никого мы не называли с такой нескрываемой любовью, как его: «Павлик». Вечерний приход Павлика говорил о том, что задача дня выполнена, а предрассветный визит настраивал всех благодушно: ночь прошла, сейчас будет легче.

Если кого-нибудь нужно было провести к

нам, то лучшего проводника, чем Павел Кочнев, не было. Всякий, кто шел без него, рисковал заблудиться, попасть под обстрел, не раз искупаться в болотной жиже.

Он выходил из землянки, задерживался в траншее, чтобы приучить глаза к темноте, и направлялся к тропе, известной только ему. Извилистая, она приводила его к мосткам, проложенным через ручей. Пройдя мостки, он забирал резко вправо. Потом перепрыгивал воронку, около которой торчали останки какой-то машины, чудом занесенной в эту трясику, а затем шел прямо на крайнюю левую высоту немцев. Она всегда была видна отчетливее других. Самое трудное для него было отыскать нас. Выйдя на мокрый песок у подножия высоты, он снова забирал вправо и шел до тех пор, пока не наткнулся на бревно, бывшее когда-то телеграфным столбом, одним из тех, которые шли через болото, соединяя между собой какие-то деревушки, которых сейчас уже не было. Здесь, на бревне, Кочнев отдыхал. Снимал сапоги, выливал воду, переворачивал портянки. Он рассказывал нам, что здесь, на бревне, он всегда испытывает острую потребность курить. Но ни разу не рискнул этого сделать, боялся, что немцы могут открыть огонь, придется ложиться и можно разлить обед. О том, что его могут убить, ему и в голову не приходило.

Павел Кочнев считал, что появляться у нас усталым и запыхавшимся нельзя. Поэтому он и отдыхал всегда на бревне. Когда Павлик был еще далеко, чавканье сапог и тяжелое его дыхание мы безошибочно различали среди звуков, доносившихся с болота.

Я не раз видел Кочнева сидящим на бревне. И каждый раз, наблюдая за ним, глотая слюнки от нетерпения, думал про себя: «Хотя бы с ним ничего не случилось».

Осенью дождь размыл тропинки, наполнил водой воронки до краев, ходить стало еще труднее. Однажды Павел Кочнев не принес обед. Мы ждали его всю ночь. Даже постовые чаще смотрели назад, в болото, чем вперед, откуда могли напасть немцы. Бойцы ждали появления Павлика. Мы прислушивались к каждому шороху. Ощущение голода, опасение за Кочнева охватили всех, кто был в боевом охранении. Болото, раскинувшееся сзади, казалось безграничным, а мы, приютившись в траншее, под носом у немцев, особенно остро чувствовали себя затерянными и забытыми.

Болото не подавало никаких признаков жизни. Только вечером послышались всплески и чавканье, и, как привидение, из болота к лежащему телеграфному столбу вышел подносчик пищи. Вопреки ожиданиям и привычке он не сел на бревно, а прошел мимо, усталый, шатаясь и как-то дико озираясь по сторонам.

Войдя в траншею, Павлик сел, не снимая со спины термоса и поддерживая ведро, а когда солдаты взяли у него ведро, сняли термос, отстегнули флягу с пояса, он повалился грузно вперед и упал на дно траншеи. Его приподняли и с трудом втащили в глубь траншеи под прикрытие.

Я осветил Павлика карманным фонарем. Лицо его было сплошной раной. Щека была разорвана от рта до уха. На руках, ногах и на груди было несколько ножевых ран.

Его раздели, промыли раны, забинтовали лицо, руки, грудь, ноги. Когда он пришел в себя, я спросил:

— Павлик, что случилось? Что с тобой?

И он рассказал, что вечером у выхода на тропу, когда он поравнялся с обгорелым деревом, кто-то нанес ему тяжелый удар по голове, и он потерял сознание. Пришел он в себя от холодной воды и понял, что его тащат к немцам.

Напрягши все силы, Кочнев стал отбиваться, а когда приподнялся с земли, то увидел в свете горячей ракеты фашиста. Гитлеровец наклонился над ним. Павлик больше ничего не увидел, ощутив лишь острую, режущую боль в голове. Немец нанес ему удар ножом прямо в лицо. Павел упал, но и фашист упал, потеряв равновесие. Вот тут-то Павел и дотянулся до его горла. Он сдал его что было силы и услышал хрип. Немец обмяк, утих, а Павлик вновь потерял сознание. Утром, увидев, что лежит рядом с мертвым немцем, он отполз от него. Павлик понял, что спасе-

Бахтияр

ВАГАБЗАДЕ

ПОЭМА

Памяти Мусы Джалиля

Предо мною «Моабитская тетрадь».
Муки сердца, возмужавшего в темнице.
Тяжело дневник страдания листать,
вместе с ним
любить,
печалиться,
гордиться.
И встает передо мной живой поэт,
отливавший муки в радость строк

и с улыбкой говорит, что смерти нет,
что сильнее эти строки, чем застенки!
Сердце, самого нежнейшего нежней,
эту чистую поэзию рождало
и само училось
сильным быть
у ней,
и в порыве вдохновенья трепетало.
Что ни день, то стих,
жемчужина...

Она
в каземате, где отчаянно и глухо,
на слезах и на отваге возвращена,
на борениях несломленного духа.
...Я читал «Тетрадь».
Кричала боль с листа.
Я вникал в биенье пульса строк

И поблекли все счастливые лета
перед несколькими днями мук безмерных.
Я курил, курил... Смириться я не мог
с тем, что эта книга — свет звезды
Я закрыл «Тетрадь» — и словно бы зажег
от души поэта собственную душу.

В своих квартирах, в коконах удобных
мы тоже пишем для себе подобных.
Молчит порою сердце дни, недели
и на «вчера» и «завтра» жизнь не делит.
И все стихи похожи друг на друга,
как эти дни бездумного досуга.
Идут они,
проходят четко, стройно.
Жилье уютно,
и душа спокойна.
Что нам ветра, бушующие где-то!
Душа остыла,
плоть тепло одета.
Как часто, позабыв о смысле вышем,
лишь для того, чтобы писать, мы пишем.
Грудь подпирает стол в порыве спором.
Но чистый лист глядит на нас с укором.
Кого душа остывшая согреть?
Стих в миг рожденья своего стареет.
Хоть прокричи его кому-то в ухо —
к натужным строкам
будет сердце глухо.

Кузнец кует, справляется с металлом,
когда в печи от жара мягким стал он...
Так и стихи...
Кому нужны поэты,
чьи строки жаром сердца не согреты?
Свет, при котором создаются строки,
не лампы свет, а свет души высокий.

...Ты, жаждой созидания влекомый!
Знай, не нужны для этого хоромы.
Коль сердце полно, хоть запри в темницу,
и там заговорит и загорится.
Наполни сердце!
Если сердце пусто —
ни убеждений, ни святого чувства, —
ты — как корабль в открытом, бурном море
без парусов и без ветрил — вот горе!
Пусть плачет плакса,
льстивый — льстит...
Все верно.
Восходит солнце в небе неизменно.
Пробьется семя доброе сквозь камень.
И сердце,
если любит, не лукавит,
хранит, как небо дождевую алагу,
в себе свой мир, —
прольется на бумагу!
Но если пуст —
страхись листа пустого.
Не оживит его пустое слово.
Себя наполни, чтобы опорожнить!
Да будет так твой век счастливый прожит.
От пламени души — слезам пролиться.
И дарит свет словам порой темница...

Мучительна, горька судьба Джалиля.
Певец свободы, в рабство он попал
в стране, что миру Маркса подарила,
в краю, который миру Гейне дал.
Приговорили к смерти человека
бессмертного. В своем застенке он
остановил крутое время века
и жил — как будто среди всех времен.
Писать давно он начал...
Но лишь только
под топором нависшим палача
себя услышать он заставил столько, —
борясь, а не покорно дни влача.
И так в сегодня он шагнул из завтра
и встал над миром,
над эпохой всей.
Свои стихи он слышал в громе залпов
победного оружия друзей...
Дни шли.
Жизнь становилась все короче.
Поэт последний, смертный час встречал.
И в каждой новой песне, новой строчке
мгновения векам он поручал.
Он знал, что справедливости поможет
из бездн и бед своих, издалека,
и пусть себя спасти ничем не может,
удар по смерти —
каждая строка.
Сказал он:
«Жизнь бессмысленна в неволе.
Одною лишь свободой счастлив я.
Жизнь без свободы мне нужна не боле,
чем бесконечный мрак небытия...»
И палачи свободу обещали,
сулили дни счастливые ему.
«Подумай!...»
Но напрасно улещали.
«Я кабалу-свободу не приму.

Я не хочу, чтоб мне рукоплескали
враги, затеяв хитрую игру.
Коль такова моя судьба людская,
и это счастье: с честью я умру».
...Двенадцать братьев-узников их было.
Для них едино жизни свет погас.
И Родина сердца их укрепила,
соединив в одно в последний час.
На прочность жизнь испытывает дружбу.
У самой крепкой — путь особо крут.
Бывает так: двоим на свадьбу нужно
идти... Никак друг друга не найдут.
Условились, да не смогли собраться...
А тут, не сговорившись ни о чем,
пошли на смерть товарищей двенадцать,
надежно подперев плечо плечом.

Больше года писал он в застенке угрюмом.
И о завтрашнем дне нескончаемо думал.
За стеною тюремщик вышагивал четко.
Ритмом строк отпечатывалась походка.
Караульный, задачей простой озабочен,
то и дело гадал: «Что там узник бормочет?»
...Может, где-то сейчас он Джалиля читает,
тот тюремщик, — и прошлое рядом витает.
Но не знает в невольном волненье

у него эти строки писались под боком.
Он Джалиля стерег, тряс своим автоматом,
но, конечно, не ведал, что мыслям

не поставить препоны, что им не преграда
ни охрана, ни стен этих толстых громада.
Караульный не знал, что усилия тщетны:
зря несет караул, зря старается честно.
Звук пустой стережет, оболочку поэта,
ну, а сущность его далеко уже где-то.
«Неужель посмеется судьба надо мною?»
И не сладить стихам моим с этой стеною?
Если строчки мои уподобятся праху,
если смерть суждена им — умру я

Если выйдут на волю — спасусь с ними
О, летите,
спешите,
крылатые песни!
Просчитался мой враг, он, поверженный,
в бездне...

Жизнь моя стала вашей,
крылатые песни!»
...И летели крылатые песни Джалиля
и врагов, словно меткие пули, разили.
И на Родину — звездным большим
караваном —
эти песни пришли по дорогам и странам.
Эти песни поют о борце и поэте.
Он рождается вновь в каждом новом
рассвете.

В бой ушел, как солдат, жизнь спасая
в своих песнях назад возвратился из боя.
И считали бы мертвым его мы напрасно.
Не простился он с миром,
а сказал ему:
«Здравствуй!
В звезды я превращусь...
Каждый вечер луною
буду в небе гореть над страной родною...»

Перевела с азербайджанского
Римма КАЗАКОВА.

ние его лишь в том, чтобы неподвижно ле-
жать весь день. Вечером он пошел к нам.

Перед рассветом Кочнев позвал меня:
— Товарищ капитан, придется вам искать но-
вого подносчика.

Охая и стелая, он поднялся на ноги, с тру-
дом надел на спину термос, взял в руки вед-
ро, длинную палку и поклонился:

— Ну, ребята, прощайте, не поминайте ли-
хом.

Его окликнули:

— Постой, Павлик, куда ты? Мы тебя отне-
сем.

— Нет, я должен уйти сам, пока в силах.
Иначе тяжело вам будет со мной. Прощайте...

Вскоре его силуэт слился с тьмой болота.

Павла Кочнева отправили в лазарет, оттуда
в госпиталь, и больше никто в дивизии его не
видел.

Каждую ночь к нам приходил новый под-
носчик пищи: никто не выдерживал. Но в кон-
це концов нашелся такой же, как Павлик. Он
так же тихо и бесшумно выходил из болота,
садился на бревно, переворачивал портянки и
входил в траншею спокойный, отдохнувший и
уверенный. Только на груди его висел автомат
с металлическим прикладом. Вечером он при-
носил нам обед, а утром завтрак. Это был му-
жественный и храбрый человек. Но мы по-
мнили о Павле Кочневе. Солдаты говорили
между собой:

— Далеко новому до нашего Павлика. Тот
был орел!

Я пытался было их разубедить:

— Ну, скажите, чем этот хуже Павлика?

Мне отвечали:

— Этот, пожалуй, на лицо-то поглаже будет.
У того уж больно рот был широкий и нос боль-

шой. Да ведь с лица воду не пьют. Что нам
лицо-то?

— Этот, видите, с автоматом придумал хо-
дить.

— Ну и что же? — парировал я.

— Так ведь зачем ему автомат-то? Он толь-
ко мешает в его деле. Наш Павлик и без авто-
мата того фашиста задушил. Ну, а когда по
башке ударят, так никакой автомат не помо-
жет.

Но я все же добивался мало-помалу того,
чтобы и нового подносчика пищи любили, как
Павлика. И мне удалось. Как-то старый солдат
подшел ко мне вечером, когда я, прислуши-
ваясь к болоту, ожидал подносчика пищи. Он
встал рядом со мной и сказал:

— А что, товарищ капитан, и этот ничего.
Не хуже Павлика. Есть же такие люди. А?!

Ирина ПИРОГОВА

В одной из наших бесед с Георгием Павловичем Менглетом мы заговорили о фильмах, демонстрирующихся на Каннских кинофестивалях. Некоторые показанные там фильмы были проникнуты духом антисоветизма, бесчеловечности, откровенно воспевали садизм. Причем многие из этих лент были сделаны весьма известными, отнюдь не бездарными режиссерами и актерами. Одну из таких картин под названием «Истребление по-техасски с помощью механической пилы», снятую режиссером Гоби Хупером, французская критика с благоговением причислила к «шедеврам театра жестокости».

— Что же получается? — спросила я Георгия Павловича. — Талант есть, а результат — изощренное варварство, человеконенавистничество? Совместимо ли это?

— Видите ли, — сказал он. — Все определяет мировоззрение актера, его политическая культура. Нельзя сводить это необходимейшее для современного человека качество к ежедневному чтению газеты и к заранее написанным речам. Мировоззрение — субстанция очень четкая. Для меня это — утверждение наших идеалов, нашего образа жизни, всего справедливого и честного на планете. Особенно сейчас, когда она балансирует на грани ядерной катастрофы, в пучину которой толкают нас американские «ястребы».

Талант на службе у зла, жестокости, грязи безнравствен и не имеет права считать себя причастным к искусству. Зрелость художника, по-моему, состоит в его неколебимой убежденности в том, что он делает нужное, общественно важное дело, которое помогает стать людям хоть чуточку лучше, добрее, справедливее.

Есть шутилка кавказская поговорка: хочешь говорить правду — держи у порога оседланного коня. В шулке — немалая доля истины. Художнику, посвятившему себя сатире, как это больше тридцати лет назад сделал Менглет, необходимо гражданское мужество, социальная зоркость, выверенность политических позиций. Сатира — это то орудие, из которого не пристало бить по воробьям. Цели куда серьезнее и важнее. Почти двадцать лет назад Георгий Павлович сыграл главную роль в антифашистской притче Макса Фриша «Бидерман и поджигатели». В спектакле рассказывалось о том, как слепой, отчаянный страх, стремление уцелеть любой ценой делают из обывателя пособника фашизму, а следовательно, и соучастника его преступлений. Такова историческая действительность, в которой проиhrасали миллионы бидерманов, вскормивших своей трусостью фашистского зверя. Но Менглету и постановщикам спектакля В. Плучеку и М. Захарову не хотелось ограничиваться лишь экскурсом в прошлое (хотя он сам по себе

достаточно поучителен) и рисовать портрет исключительно стандартного немецкого соглашателя тридцатых годов.

Разве насилие и безудержная агрессивность сданы в утиль? Кто продолжает плодить и вскармливать их своей аполитичностью, мещанской сытостью и глухотой к страданиям мира, своим мелко-травчатим шовинизмом?.. Ведь на соглашательство с насилием люди идут не только из страха. Вот что стремился раскрыть Менглет в образе Бидермана.

— Работая над ролью, я задумался, почему, например, так случается, что иной человек, слыша крик о помощи, не только не останавливается, а, напротив, убыстряет шаги, — рассказывает Георгий Павлович. — Потому что на дне его мелкой души прячется убеждение, что лично с ним ничего подобного случиться не может, а тогда зачем подвергать себя опасности. У современного беспринципного эгоиста, равнодушно-го обывателя припасено множество спасительных теорий и демагогических рассуждений на тот случай, когда требуется защищать истину и противостоять злу.

И вот сегодня в инсценировке Ю. Захаровича по роману Питера Устинова «Крамзгел» мы видим Менглета в роли главного прокурора министерства внутренних дел Великобритании. Прокурору не откажешь в уме и тонкости, в понимании происходящего вокруг него, но, будучи частью государственной машины, он бессилен что-либо сделать, а попытки одновременно проявить человечность и «умыть руки» в сложной ситуации неизбежно приводят к циниз-

му и крушению. Этот противоречивый образ артист создает не только в сатирическом, но и трагическом ключе.

Да, есть в таланте и характере Менглета одно удивительное свойство. Сценические образы, этапные в его творческой жизни и мировоззрении, не умирают, как бы давно ни были им сыграны, а живут и развиваются в актере как бы подспудно, чтобы потом, через годы, предстать в новом, еще более ярком, значимом и непременно современном качестве. Классический пример — Победоносиков из «Бани» Владимира Маяковского. В первом спектакле, поставленном Н. Петровым, В. Плучеком и С. Юткевичем тридцать лет назад, монументальный Победоносиков всей своей сущностью был живым обличением бюрократизма. Его невежество, наглость, тупое самодовольство и жестокость били по карьеризму, хамству мещанина, которому удалось усестся в большом кресле.

В 1967 году, когда В. Плучек сделал новую сценическую редакцию «Бани», Менглет вылепил образ своего героя заново, в соответствии с приметами времени и задачами сатиры того дня. Он, конечно, по-прежнему видел в бюрократизме определенную социальную опасность. Но актер понимал и то, что победоносиковы стали совсем другими — уже не «одноклеточные», не монолиты хамства. Они умело приспосабливаются, мимикрируют, чтобы не только уцелеть в атмосфере неперимости к чванству, карьеризму, делачеству, но и здесь «выбиться в верха», занять ключевые позиции. Тут уже, кроме хитрости

и цинизма, нужен своего рода талант, артистизм, некоторая сложность натуры — словом, все то, что Георгий Павлович обозначает выражением «играть в подлости осанку благородства».

Бывает, что положительные герои на сцене выглядят бледнее, скучнее, ординарнее своих многоцветных, колоритных антиподов. Кроме чисто драматургических нюансов, тут дело еще и в том, по-моему, что для того, чтобы донести до зрителя «жизнь человеческого духа», самому актеру необходимо находиться в постоянной духовной работе.

Народный артист СССР Менглет принадлежит к мастерам, которым в равной мере подвластны сатира и психологическая драма, тонкая лирика и социальная комедия.

В пьесе Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца» он сыграл капитана Шотовера — характер по-детски чистый, парадоксальный, непримиримый к мелкой рассудочности и чистогану. По масштабу своей философской сути и трагического расхождения с окружающим миром его Шотовер был близок, родствен Маттиасу Клаузену. До сих пор стоит перед глазами этот взлохмаченный Дон Кихот, мудрый и романтический скиталец морей, которому так тяжело и неуютно среди расчетливых, бессердечных людей. «Вы будете сыты, но жить, жить (выделено мною. — И. П.) вы не будете!» — в этой фразе было так много выражено: и обличение, и горечь, и непримиримость, и свое возвышенное понимание того, как надо жить.

Фото И. Тункеля

Будь верен себе

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

В Чехословакии за последнее десятилетие достигнуты большие успехи в осуществлении активной демографической политики. Принятый в начале 70-х годов партией и государством широкий комплекс мер позволил не только ликвидировать существовавшую ранее реальную угрозу снижения численности населения и роста дефицита рабочей силы, но выдвинул Чехословакию на одно из первых мест в Европе по уровню рождаемости.

Один плюс один равняется четырем, а иногда даже пяти — так выглядит сегодня семейная арифметика в Чехословакии. Конечно, материальные льготы сыграли решающую роль. Но от Миллады Поспешиловой, заместителя председателя Чехословацкого союза женщин, я слышала, что для успеха демографической политики очень важно было сломать психологический барьер, предубеждение, которое уже возникло против большой семьи среди молодой части населения. Она рассказала мне о том, какую серьезную работу провела эта организация вместе с печатью и телевидением страны и творческими союзами по пропаганде материнства и многодетности.

— А сейчас есть ли необходимость в такой пропаганде? — спросила я и с удивлением услышала в ответ: да, такая необходимость существует. В последние несколько лет наметился некоторый спад рождаемости, и, что самое тревожное, постоянно растет число разводов. Поэтому сегодня в стране с участием широкой общественности ведется разносторонняя работа по укреплению авторитета семьи и воспитанию у молодежи чувства ответственности по отношению к таким понятиям, как брак, материнство, семейные обязанности. В средней школе уже введен специальный предмет — основы домоводства и родительских обязанностей. Увеличился выпуск популярной литературы по вопросам пола и семьи. А главное — созданы брачные и добрачные консультации, где серьезно изучаются эти проблемы. Такие консультации создаются при управлениях социального обеспечения в областных, городских и районных национальных комитетах.

Здена Штепанкова, которая работает в газете «Руде право» и вот уже десять лет пишет статьи по проблемам демографии, посоветовала мне непременно съездить в город Мельник и встретиться с руководителем консультации, доктором философии Цибором Лукавским.

...Мельник — небольшой городок в сорока километрах от столицы, но Цибор Лукавский назначил встречу в... «таборе»! Этот палаточный лагерь раскинулся на лесной поляне. Областной консультационный центр по проблемам семьи и брака... в лесу! Необычно, не правда ли? Но Цибор Лукавский не находит в этой ситуации ничего удивительного. «В такой обстановке люди чувствуют себя более раскованными, а значит, больше пользы можно принести тем, кто к нам пришел», — сказал он и дал мне тоненькую папку, в которой лежало несколько листочков. Их получают все молодожены.

«Дорогие новобрачные! Мы вас сердечно поздравляем с решением начать совместную жизнь и желаем счастья. А чтобы наше пожелание сбылось, помните: вам нужно уметь быть по отношению друг к другу терпеливыми. Вы, очевидно, еще не задумались над этим вопросом? Мы приглашаем вас в нашу консультацию, где вам помогут советом опытные люди. Ссоры, увы, неизбежны в любом супружестве, но плохо, если они перерастают во вражду. Не допускайте того, чтобы добрый мир в вашей семье был разрушен, подготовьтесь заранее к некоторым ситуациям. Вовремя боритесь за вашу любовь. При первых же трудностях в супружестве приходите к нам. Конечно, любовь мы вам не вернем, но поможем, если не поздно, спасти семью».

В папке были карточки для будущих посетителей консультации, где указан ее адрес и часы работы психолога, юриста, сексолога.

— И многие приходят к вам за советом?

— Теперь многие, но вначале, когда несколько лет назад мы организовали эту консультацию, люди обходили ее стороной. Потребовалось время, чтобы сломать психологический барьер. Мы начали с того, что вместе с местной печатью и радио стали информировать население о том, чем мы занимаемся. Связались также со всеми учреждениями и заводами в нашей области и совместно с организациями национальных комитетов провели лекции среди молодежи в клубах, и теперь могу сказать, что многие люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, обращаются к нам за советом.

— Как конкретно осуществляется ваша деятельность?

— Чтобы быть в курсе жизни городских семей, мы заключаем договор с районным судом и с комитетом опеки над детьми. И суд, прежде чем принять окончательное решение о разводе, обязательно направляет эту пару к нам. Конечно, судья не может заставить людей пойти к нам за советом. Тут все решает его личный авторитет, а также то, что наша консультация уже завоевала доверие у горожан. И особенно важна при этом забота о юных семьях! По закону в Чехословакии разрешено создавать семью с 18 лет, а в отдельных случаях — с разрешения судьи — в 16 лет. К сожалению, у нас растет число ранних супружеских пар. Тут мы тоже действуем по договоренности с судом — без нашего согласия на такой брак суд не дает разрешения.

— Сколько же специалистов работает в консультации?

— Вы задали трудный вопрос! Дело в том, что пока у нас острая нехватка специалистов. Я главный психолог консультации и пришел сюда из института психологии Чехословацкой Академии наук. Кроме меня, есть еще один психолог, терапевт, консультант по социальным вопросам. Мы приглашаем на работу по договору юриста и сексолога. К нам приходят люди, которые испытывают сложности в семейной жизни и сознательно ищут выхода. Мы беседуем с ними не только о семейных проблемах. Главное — научить человека разбираться в самом себе, познать самого себя до конца — вот наша первая задача. И хотя психологам не всегда удается помочь человеку вернуть утраченную любовь, они помогают ему обрести утраченное чувство душевного равновесия.

По мнению социологов, есть две главные причины разводов. Во-первых, поспешность брака, когда чувства не прошли еще проверки временем, а во-вторых, эгоизм, неумение подчинить свои личные интересы интересам семьи.

— Кто же чаще обращается к вам за помощью? Мужчины или женщины?

— Вначале преобладали мужчины, а теперь, пожалуй, и те и другие поровну...

Он припомнил случай, когда восемь молодых мужчин пришли за советом — у всех оказалась одна беда: жены ушли. Симпатичные, рослые, сильные парни, и вдруг такое! Причем двум из них жены оставили даже детей. Психолога заинтересовал этот случай, и, проанализировав семейные ситуации, он обнаружил, что у всех восьмерых парней причи-

...На встрече в подмосковном колхозе имени Горького они сидели рядом — председатель, Герой Социалистического Труда Виктор Федорович Исаев и председатель белорусского колхоза Каравай из спектакля «Таблетку под язык» А. Макаенка. Они даже были чем-то похожи — оба коренастые, поседевшие, с умными, внимательными глазами.

— В Каравая я во многом увидел самого себя, — сказал Исаев.

— Не проживи я душой председательскую жизнь Каравая, я так бы и остался в спектакле актером Менглетом — только что в сапогах и телогрейке, — сказал Менглет.

А однажды исполнителю роли Пишты Орбока в любимой всеми нами комедии «Проснись и вой!» Дьярфаша позвонил известный режиссер и сказал, что после спектакля его верхнее давление упало со 180 до 130 — так весело и ярко показал Менглет душевное возрождение человека, снова обретшего молодость, способность ощущать красоту мира, силу любви.

Артист давно мечтал о роли в чеховской пьесе. И вот новая работа — Фирс в «Вишневом саде», поставленном В. Плучеком. Это — этапное событие в творческой жизни Менглета. Его Фирс не только потрясает трагический символ уходящего времени, порождением которого он был и служил ему со слепой и отчаянной преданностью верного хозяйского пса. Гибель Фирса стала суровым обвинением в бессердечности, жестокости всем обаятельным демогагам и симпатичным, страдающим эгоистам, озабоченным только собой, которых, к сожалению, так много и в нашем мире.

Когда я думаю об удивительной творческой и нравственной цельности этого человека, мне вспоминается одна история из его далекой юности. Произошло это очень давно, когда он еще не был учеником Андрея Павловича Петровского и Алексея Денисовича Дикого, не создал с товарищами первый русский театр в Таджикистане, не шагнул с фронтовым театром дорогами войны. Вступлением ко всей дальнейшей жизни стал юношеский поступок. Более полувека назад, покидая родной Воронеж ради учебы в Москве, он, кроме добрых напутствий любимых учителей, имел при себе рекомендательное письмо племянницы К. С. Станиславского Марии Сергеевны Ивановой к Василию Васильевичу Лужскому, которое должно было облегчить ему поступление в театральное училище. Но чем ближе подъезжал он к Москве, тем тяжелее становился этот «козырь». Перечитывая сердечное и доброе письмо, Георгий Менглет осознал, что это протекция. А он хотел весь свой путь пройти сам, принять в полной мере все, что отпущено судьбой — и радость и горе, не ища окольных троп к успеху и благоденствию.

Письмо Лужскому он так и не показал, а бережно хранит его среди самых дорогих реликвий. Воистину будь верен себе, и тогда все тебе поверят. Он верен себе, своему искусству, своей гражданской позиции коммуниста, артиста именно народного.

опыт друзей

БОРИТЕСЬ ЗА ВАШУ СЕМЬЮ

ны крушения семейного счастья оказались схожими: они не сумели найти свое место в семье. Вначале деспотически стремились навязать свое мнение в мелочах, но в решении главных, сложных проблем предоставляли жене самостоятельность выходить из положения и постепенно попали в полную зависимость от нее. Это стало угнетать обоих — жена устала «быть мужем» такого супруга. Ведь главное в браке — суметь сохранить друг в друге личность!

* * *

Десять лет тому назад в Чехословакии была создана правительственная комиссия по народонаселению. Что же сделано за минувшие годы? Какие проблемы сегодня решаются? Эти вопросы привели меня в кабинет заместителя министра труда и социальных дел ЧССР доктора Ярослава Гавелки, секретаря этой комиссии.

Кабинет заместителя министра выглядел необычно. На стенах картины: мать и дитя, играющие малыши. На полках скульптурные группы — малыши из бронзы, фарфора, глины. Рядом с солидными статистическими сборниками стоят нарядные ботиночки для самых маленьких. Заметив мой интерес к ботиночкам, доктор Гавелка улыбнулся.

— Нравятся? И мне тоже очень пришлось по душе. Несколько лет назад я приехал на обувную фабрику, которая порекомендовала нашей комиссии отправить в ГДР чехословацких модельеров. Те посмотрели, как там делается детская обувь, и вот он, результат, который всех очень порадовал. По инициативе нашей комиссии уже сделано много для повышения качества и расширения ассортимента детской одежды, особенно для малышей до трех лет...

Так началась наша беседа, из которой я узнала, что комиссия была создана на базе министерства труда и социальных дел. Возглавил ее заместитель председателя правительства ЧССР Матей Лучан. Всего в комиссии тридцать представителей различных министерств, общественных организаций, предприятий. В нее входят заместители министров, директора заводов, начальники управлений, известные педагоги, врачи-педиатры, известные журналисты.

— У нас всего шесть рабочих групп. По вопросам экономики, здравоохранения, детского питания, по жилищным вопросам и проблемам воспитания и группа координации научных исследований.

— Какие же права у этой необычной комиссии? Имеет она полномочия обязать какое-либо ведомство или предприятие осуществить намеченные ею меры?

— Ни в коем случае! Комиссия может только давать рекомендации, — ответил Ярослав Гавелка. — Однако в силу того, что в нее входят люди высокого авторитета в обществе и государстве, эти рекомендации в рамках конкретной проблемы или ведомств, как правило, полностью выполняются. Обычно комиссия собирается два-три раза в год. Сейчас мы занимаемся анализом жизненных потребностей семей с несколькими детьми. Мы вернулись к этим исследованиям потому, что за последние несколько лет наблюдается спад рождаемости. Чтобы влиять на этот процесс и управлять им, надо хорошо разоб-

раться, что за этим спадом кроется — материальные затруднения или психологические проблемы?

Когда эта комиссия создавалась, предполагалось, что она будет координировать деятельность министерств и ведомств, и давать рекомендации по оптимальному использованию выделяемых государством средств, и организовывать воспитательную просветительскую работу... Но сразу же ей пришлось заняться многими неотложными насущными задачами. Так, одним из первых практических ее дел было налаживание выпуска детского питания хорошего качества. Главный педиатр Праги, заведующая детской клиникой центра «Мотол» доцент Зденка Тшесоглава рассказала мне о большой работе, которую провели медики, исследуя качество детского питания. Оно их не удовлетворило, и комиссия поставила вопрос о выделении средств на строительство новых специализированных предприятий пищевой промышленности.

Но главное достижение, о котором с гордостью рассказал доктор Гавелка, — сегодня 82,9 процента детей посещают детские сады: по инициативе комиссии в минувшей пятилетке удалось в полтора раза увеличить число детских садов! Раньше все детские сады строились почти исключительно силами и средствами местных органов власти — национальных комитетов, и комиссией было предложено привлечь к строительству детских садов непосредственно заводы, фабрики, учреждения.

Я поинтересовалась дальнейшими планами. В текущей пятилетке, до 1985 года, деятельностью этой необычной комиссии будет направлена не только на социальную заботу о материнстве и младенчестве, но и на борьбу за стабильность семьи. И снова в разговор на тему семейной арифметики вторглась тревожная нота — в Чехословакии разводится каждая третья семья. Уже в школе надо прививать детям уважение к институту брака, утверждать мой собеседник. Юрист по образованию, он много лет проработал в министерстве просвещения и рассказал, что еще в 1976 году началась разносторонняя работа по укреплению авторитета семьи. Тогда же в Чехословакии появились первые брачные и брачные консультации. Теперь уже в стране действует больше ста таких консультаций. Вначале их деятельность была встречена с предубеждением: ведь в сфере их внимания интимные проблемы взаимоотношений людей. Теперь эти консультации завоевали авторитет: в каждую консультацию ежегодно обращается множество супружеских пар, и, по данным Министерства труда и социальных дел ЧССР, почти четверть всех дел было решено консультациями с положительным исходом!

— Благополучие социалистического общества, — сказал, прощаясь, Ярослав Гавелка, — мыслится как благополучие всех, из чего оно состоит, и потому интересы каждого человека, интересы каждой семьи — это и его интересы.

Да, забота о том, чтобы семья была многодетной, здоровой, стала в социалистической Чехословакии заботой правительства, всего общества в целом. И главный итог уроков семейной арифметики, суть демографической государственной программы — воспитание человека высокой духовности, воспитание чувств.

Прага — Москва.

футбол

УВЫ, БЕЗ НАС...

Конечно же, в тот мартовский вечер среди десятков миллионов болельщиков, «прикипевших» к экранам телевизоров по всей стране, было независимо от пола и возраста по меньшей мере две трети тех, кто посчитал, что обязательно забил бы тот злополучный пенальти на тбилисском стадионе. Пенальти, назначенный в самом начале второго тайма в ворота грозного «Андерлехта».

Позже комментаторы объясняют этот роковой промах, возможно, стоивший команде, достойно сражавшейся с клубом — признанным грандом мирового футбола, выхода в столь желанный и близкий полуфинал престижного кубка, мимолетным психологическим надломом форварда.

И все-таки хватит о надломах. Даже после дюжины угловых за полчаса игры у ворот противника, прижатого к оным. Даже после бесконечной серии безрезультатных атак. Ведь «в футбол играют настоящие мужчины», не правда ли? Нет, не о трусости здесь речь.

Ее ни в одном из трех четвертьфинальных матчей на европейские кубки с участием наших команд не было и в помине. Все наши клубы бились азартно, без тени уныния и апатии. И не просто на равных. Мы видели, с каким территориальным перевесом наших (иные комментаторы говорили и писали и об игровом преимуществе) проходили эти матчи и в Бухаресте, и в Донецке, и в Тбилиси. Полагаем — и это было видно по нашим игрокам, — что магнит и сияние кубков влекли их не меньше, чем соперников. В желании, напоре и страсти борьбы наши в целом даже превосходили.

И все-таки арифметика встреч горька. Выиграл только «Спартак», но в полуфинал не попал: прежние голы «Андерлехта» перевесили. Ничья «Шахтера» оказалась для него и для всех нас горше поражения в Порто. И, наконец, неудача минчан после упущенной за две недели до этого победы в Тбилиси.

Слов нет, уже сам по себе выход трех наших клубов в четвертьфинал добавил советскому футболу уважения: такого прежде не бывало. Более широкое представительство в нынешнем цикле четвертьфиналов было только у одной страны — Англии. Но теперь оно же будет у нее и в полуфиналах! Причем положение у английских клубов было гораздо сложнее: в двух матчах из четырех им предстояло отыгрывать по два «чистых» мяча — и не у каких-то заштатных клубов, а у лиссабонской «Бенфики» и самой «Барселоны» с неподражаемым Марадоной и прочими звездами. Согласитесь, с клубами еще более именитыми, чем те, что противостояли нашему трио. В феномене успеха англичан разберутся специалисты. Ясно одно, что можно отыграть в ответном матче два и даже три мяча. И даже у против-

ника, слышущего чуть ли непобедимым. Дело специалистов решить и набивший оскомину вопрос об изменении нашего календаря с учетом розыгрыша европейских кубков. Пока же Комитет СССР по физической культуре и спорту с непонятным упорством не отвечает на эти предложения, не раз высказывавшиеся в печати.

Признаем, что нас превзошли в организации атак, в умении строить оборону, использовать ошибки. Вспомним: стоило минчанам, в одном случае Боровскому, в другом — Трухану и Курбыко, допустить оплошность — и получили гол, который не удалось отыграть. Расслабились на пару минут возликовавшие горняки (ликуй-ликуй, но об игре помни!), и гол с углового — после секундного замешательства двух защитников и вратаря Елинскаса. Ответный мяч португальцев погасил для «Шахтера» такой реальный луч надежды. Мы можем сетовать на пенальти, назначенный в ворота «Спартак» в брюссельском матче странно судившим итальянским арбитром. Там судья нам определенно помешал. Но ведь не мешал же другой рефери забить тот злосчастный одиннадцатиметровый в Тбилиси.

Мы уступили в главном: футболисты и «Порто» и «Динамо» (Бухарест), не говоря уже об игроках «Андерлехта», понимали друг друга в любой миг, на любом участке поля. Отсюда и та горькая арифметика, горькая — и обьективная.

И, наконец, о самоотдаче, о профессиональном отношении в самом высоком и чистом значении этого слова к делу, которому служишь. Истинными бойцами проявили себя пока далеко не все. А без этого высокие кубки — призрак, мираж. Такими бойцами, каким, к примеру, в тбилисском матче с «Андерлехтом» показал себя спартаковец Владимир Сочнов. Вспомним, как, сбивый в штрафной площадке защитниками противника, он, не дожидаясь карающего свистка судьи, не вымалывая пенальти, сразу вскопал, готовый рвануться к чужим воротам. Борись так, как он, и другие футболисты (конечно, при высоком мастерстве), борись неистово, не укротимо, не теряя мужества и веры, — и можно наносить поражения самым титулованным командам континента в любых кубках. И не только в четвертьфиналах. Забивать победные мячи при любой обороне — тотальной, глумокошелононированной, с «бетоном», с «персоналкой» и в «зоне». Забивать из любых положений и даже, извините, с пенальти. То есть с одиннадцатиметрового без защиты.

А. ПАНЧЕНКО,
болельщик-ветеран «Спартак», а также всех наших клубов, выступающих на международной арене

ВСТРЕЧА

Рубин торопливо разделся, подошел к зеркалу, причесался и направился в знакомый зал на «свидание» с «Боярыней Морозовой» — позже он так полушутливо отпартирует Бутова.

Захар Романович любил живопись, неплохо разбирался в ней, не раз бывал в Третьяковке, подолгу простаивал у творений великого Сурикова, но теперь ему не до шедевров. Лихорадочно переводил взгляд с одного экскурсанта на другого — не этот ли Мигуэль Кастильо? И тут же спохватывался — он же предупредил: светло-серый костюм, белая рубашка, в правой руке газета...

В зал вошла новая группа. Пригласив подойти поближе, экскурсовод начала свой хорошо отработанный рассказ о церковных реформах патриарха Никона, совпавших с протестом крепостного крестьянства и посадского люда против социальных новшеств, о подвижнической жизни боярыни Морозовой.

...Экскурсовод умолкла. Ждала вопросов. Рубин оглянулся и увидел Бутова. В толпе экскурсантов полковник шагнул от картины к картине, с интересом слушал экскурсовода и даже задал какой-то вопрос, выказав тонкое понимание истории. Неприятное появление Бутова обрадовало Рубина. На душе уже не так тревожно. А когда Виктор Павлович, поравнявшись с ним и не глядя на него, буркнул: «Главное не волноваться», — профессор и вовсе перестал хмуриться, воспрянул духом.

Между тем зал почти опустел, и Рубин остался один на один со знаменитой раскольниковицей. Где же вы, гость нежеланный? И, словно откликаясь на профессорский зов, рядом вдруг оказался человек в светло-сером костюме, с газетой в правой руке. Сердце екнуло и учащенно забилося. На какое-то мгновение Рубину захотелось послать все к черту и уйти. «Нет-нет, теперь я уже не способен на притворство. Оно требует полного самоотречения и крепких нервов. Извините, Виктор Павлович, не могу, сил нет...» Но он переборол этот всплеск разыгравшихся нервов и с каменным, несколько побледневшим лицом обратился к человеку с газетой в руке.

— Если не ошибаюсь, господин Мигуэль Кастильо?

— Вы не ошибаетесь, господин Рубин. Это я вам звонил.

Холодные, недоброжелательные глаза в упор уставились на Сократа.

Профессор переминался с ноги на ногу и, чтобы как-то завязать разговор, спросил:

— Как вам нравится суриковское творение? Великолепно, не правда ли?

— Восхищен. Прекрасная картина. У нас на Западе знают, что Россия в прошлом дала много блестящих мастеров живописи: Рублев, Иванов, Шишкин, Айвазовский и, конечно, Суриков.

— Разве только в прошлом? В нашей стране и сейчас немало талантливых, известных во всем мире художников.

— Не говорите про ваших нынешних! — заметил гость полушепотом с нескрываемым раздражением. — Художник лишь тогда творец, когда он свободен, независим, когда он творит по велению сердца, а не по указке сверху. Однако, как вы догадываетесь, я пришел не для дискуссии. При удобном случае

мы об этом поговорим, а сейчас у меня дела поважнее. — И направился в дальний угол зала. Рубин за ним.

— Первое, что тревожит нас, — это состояние вашего здоровья. Вид у вас, прямо скажем, не очень. Быть может, мы сумеем помочь вам? Хотя бы лекарствами? Кстати, чем вы больны?

— Самая модная болезнь века... Сердце... Стенокардия...

— О, этим страдают буквально все люди пожилого возраста. Посоветуйтесь со своим врачом, и пусть он порекомендует какое-нибудь радикальное западное лекарство. Мы вышлем вам, сколько бы оно ни стоило...

— Вы очень любезны, но не смею вас беспокоить.

— Поверьте, это сущий пустяк. Мы умеем по достоинству ценить тех, кто с нами. Не стесняйтесь, будем рады помочь. Кстати, в Швейцарии на ваше имя уже открыт текущий счет. Это, так сказать, аванс за активную работу в будущем. Надеюсь, наше сотрудничество окажется плодотворным и продолжительным. Что касается размера вознаграждения, то оно зависит от вас. Чем больше поступит информации, тем щедрее будет оплачена работа. Само собой разумеется, что речь идет о достоверной информации. Я думаю, вы поняли меня?

— Да, вполне, — буркнул Рубин.

— Для начала скажите, пожалуйста, не собираетесь ли вы в ближайшее время выехать на Запад? По любому поводу...

— Сейчас затрудняюсь ответить, со временем, пожалуй, смогу.

— Каково ваше положение в институте, ваше, так сказать, реноме?

— Не жалуюсь. Меня, как и прежде, высоко ценят.

— Прекрасно. Нас серьезно заинтересовал ваш институт, проблемы, которыми вы занимаетесь. — И тут Кастильо перешел почти на шепот. — Мы будем ждать от вас информации о наиболее важных работах, особенно о тех, которые имеют прямое или косвенное отношение к военной тематике. — При этих словах «гость» многозначительно и выжидающе посмотрел на Рубина.

— Боюсь, что по этой части я, видимо, не смогу быть полезным, господин Кастильо, — так же шепотом отвечал Рубин.

— Почему же?

— Я заведу лабораторией, которая занимается самыми что ни на есть прозаическими проблемами, весьма далекими от того, что может интересовать военных. Вместе с тем, не скрою, они имеют немаловажное значение в плане общечеловеческом.

— О, вы плохо знаете ваших покровителей, уважаемый Захар Романович. — При этом он огляделся по сторонам и предложил пройти в другой зал: появилась новая группа экскурсантов. — Нет такой области науки, техники, культуры, к которой моя служба — а отныне она и ваша — не проявляла бы интереса. Но при всем этом, разумеется, мы отдаем предпочтение любой информации о военных возможностях Советского государства, о принимаемых им усилиях в военном строительстве. Что же касается техники связи с нами, то не извольте беспокоиться. Мы перейдем на бесконтактную связь, через тайники, о чем вы будете поставлены в известность. Это значительно безопасней. Вы закладываете свою информацию в тайник, она изымается и

переправляется нам. Кем, когда и каким образом, это уже не ваша забота. Через тайник же вы будете получать от нас письменные указания. Ведь Нандор снабдил вас условностями и средствами тайнописи? Не так ли?

— Да, снабдил.

— И вы уже научились пользоваться ими. Мы имели возможность убедиться в этом, когда от вас пришло первое сообщение. Вы получили наш ответ? И расшифровали?

— Да.

— Вот и отлично... Будем считать, что со связью у нас все в порядке. — Кастильо поглядел на часы. — Мне пора, господин Рубин, будем прощаться. Жду от вас обширной и, конечно, абсолютно точной информации об институте, о наиболее важных его работах и о людях, выполняющих их. Нам нужны их характеристики в чисто человеческом плане: наклонности, увлечения, страстишки, пороки. И еще одно: кто из них и когда собирается побывать в западных странах.

— Я вас понял, господин Кастильо.

— У вас есть вопросы?

— Да. Извините, может, мои вопросы покажутся вам нескромными, но я хотел бы знать, увидимся ли мы еще? Сможете ли вы мне звонить? И долго ли вы пробудете в Москве?

— Я пробуду здесь несколько дней. Увидимся ли мы в эти дни? Трудно сказать, скорее всего нет. У меня много дел, но я периодически буду приезжать в Москву, и мы, конечно же, встретимся. И уж, во всяком случае, я вам позвоню. Прощайте.

Кастильо раскланялся и поспешно удалился.

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ С «БОЯРЫНЕЙ»

Бутов вернулся из Третьяковки в прекрасном расположении духа. И не только потому, что повезло — купил два редкостных каталога, за которыми давно охотился. Жена Виктора Павловича — заслуженный деятель искусств, научный сотрудник, знаток истории русской живописи XVIII—XIX веков, и Бутов предвкушал, как обрадуется она подарку.

Но главное — благополучно закончившееся свидание Сократа с гостем. Бутов очень тревожился за него. Как будет держаться больной, не уверенный в себе профессор Рубин? Могло случиться и непредвиденное. Ведь свидание не с девицей — с профессиональным разведчиком. Ну и если уж быть до конца перед собой откровенным, то его, Бутова, все еще точил червь сомнения, несмотря на укоры генерала. Однако все, кажется, обошлось наилучшим образом. Полковник имел возможность наблюдать, как вел себя Сократ — молодцом!

В условленный час Рубин позвонил Бутову и, пока не вдаваясь в подробности, поведал о самом главном из того, что могло интересовать полковника. Даже пошутил:

— Виктор Павлович, смею заверить, что свидание с «боярыней» прошло на самом высоком уровне.

— Отлично, Захар Романович... Человек, не потерявший при столь сложных обстоятельствах чувства юмора, вероятно, пребывает в полном здравии и хорошем настроении. Рад за вас.

— Теоретически должно быть так, но практически... Настроение хорошее, самочувствие поганое. Медицина знает такие парадоксы.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Конец Сократа

Признаться, перенервничал основательно... А стенокардия и рада. Опять был приступ.

— Крепитесь, профессор, умирать нам рановато. Впереди столько важных дел... Да, чтобы не забыть: все то, что вы сейчас сообщили о встрече с гостем, попрошу вас изложить на бумаге..

В этот момент зазвонил телефон прямой связи с генералом.

— Простите, Захар Романович, вызывают... До встречи... Там, где условились...

И Бутов снял трубку зеленого аппарата.

— Слушаю, товарищ генерал.

— Виктор Павлович, вы в курсе того, что сегодня случилось в ГУМе?

— В курсе. Сразу не смог доложить вам из-за одного важного события — прибыл связной, виделся с Сократом. Только что беседовал с профессором. Условились о встрече.

— Не стану задерживать... Буду ждать вашего доклада во второй половине дня. По обоим событиям сразу. Успеете?

— Успею.

— Ну и отлично. Действуйте...

«СПЕКТАКЛЬ» В ГУМЕ

В десять утра под сводами ГУМа запорхали антисоветские листовки. Они летели сверху, как листья в погожую осеннюю пору, падали, немного покрутившись, на пол, на головы и плечи людей, толпившихся у витрин, в очередях. С площадки второго этажа их разбрасывал турист из Швеции, юноша в залатанных джинсах и выдавшей виды куртке. Он истошно выкрикивал что-то непонятное окружающим. Впрочем, были тут и такие, которые понимали и все по-своему интерпретировали: кто-то позаботился предупредить корреспондентов западных газет, радио и агентов о времени и месте, где будет разыгран «спектакль». Эти люди стояли в стороне, щелкали фотоаппаратами, что-то наговаривали в диктофоны. Но на лицах нетрудно было уловить огорчение: «спектакль» явно не удался. Листовки не расхватавали, не передавали из рук в руки, а иные, прочитав, недоуменно пожимали плечами: «Кто он такой, этот преступник? И почему надо спасать его? От кого? Против чего протестовать, если того посадили за антисоветскую деятельность?» Реакции, на которую рассчитывали постановщики «спектакля», не последовало. Человек, разбрасывавший листовки (он, как выяснилось, вопил о «свободе слова», «свободе личности»), был задержан. Теперь ему отвечать по соответствующей статье Уголовного кодекса.

На первом допросе турист увиливал. Придерживался талейрановской «мудрости»: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли...» Отмалчивался и снисходительно поглядывал на следователя. В лучшем случае отвечал односложно — «да», «нет». В Москве он второй день. Плохо говорит по-русски. На вопрос, хочет ли связаться со своим посольством, последовало категорическое «нет».

Многие зрители этого представления пришли в комнату милиции, чтобы засвидетельствовать все виденное и слышанное. Кое-кто успел пощелкать фотокамерой. Работники милиции благодарили, записывали адреса свидетелей, охотно принимали пленки, хотя знали, что дежурившие в универмаге сотрудники уголовного розыска успели заснять «спектакль».

Все, о чем Бутов должен доложить генералу, уже подготовлено. О фактах — письменные свидетельства, фотографии. Комментарии — устно. Есть интересное и в протоколе первого допроса.

— Вам известно содержание листовок, которые вы разбрасывали?

— Да.

— Расскажите.

Молчание.

— Слушаю вас...

— Это был призыв...

— Чей?

— Прогрессивного человечества.

— Конкретнее.

— Прогрессивных людей Запада.

— Вы знаете, кто сочинял листовки?

— Точно не знаю. Какая-то организация, защищающая права человека.

— Вам что-нибудь известно о ней?

— Нет.

— Вы говорили, что умеете читать по-русски. Вот прочтите.— И следователь показал туристу последние строки листовки.— Вам известна эта организация?

Молчание.

— Вы сказали, это был призыв. К чему призывала листовка?

Молчание.

— Вы сами-то читали ее?

Молчание.

— Вы, что же, решили отмалчиваться? К чему призывала листовка?

— Защищать права советских людей.

— Всех советских людей?

— Всех.

— Но в листовке названы три фамилии. Вам известны эти лица?

— Это не имеет значения... Этим трем я не знаю...

— Судя по вашим ответам, вы слепо выполняли чье-то задание. Чье?

— Я отказываюсь отвечать.

— Вы приехали как турист. Пробыли в Москве три дня, включая день ареста. Что вы успели увидеть? Где были? В музеях, театрах, на выставке? С советскими людьми общались?

— Меня это не интересовало.

— А что вас интересовало?

— Я отказываюсь отвечать.

...Бутов вместе со своим помощником Сухиным систематизировали материалы, условно озаглавленные ими «спектакль» в ГУМе, перечитывали протоколы допроса туриста, разглядывали фотографии-свидетельства. Они были разложены на диване, стульях, и кабинет полковника напоминал кабинет художника иллюстрированного журнала. Хлопотливое это занятие прервал телефонный звонок.

— Слушаю... Да, это я... Здравствуйте, Крымов... Что же, можем встретиться... Через час у памятника Пушкину. Устроит вас? Вот и хорошо...

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

— Вы чего хмуритесь, Крымов?

— Это вам показалось, Виктор Павлович. Впрочем, какие-то основания есть...

— Какие?

— Да так... Всякие... Чего в жизни не бывает.

...Поначалу разговор не клеился. Они молчали по бульвару. Был тот час осеннего дня, когда хозяевами бульвара становились дети, пенсионеры, пришедшие погреться на солнышке, склониться над шахматной доской, «забить козла» или попросту посудачить о том о сем. Спокойное неяркое осеннее солнце пробивалось сквозь облака и высвечивало серебристые лужицы на асфальте.

— Как у тебя дела на работе? — спросил Бутов.

— Не блестяще, — ответил Сергей. — Я вам как-то говорил, что с заместителем редактора международного отдела Агафоновым у меня холодная война идет. Невзлюбил меня и при удобном случае пакости чинит...

— Какие такие пакости?

Сергей сразу не ответил, помолчал. На душе у него мерзко, но потом какая-то неведомая сила заставила его буквально выпалить все, что накопилось за последние дни.

...За обеденным столом сидели Виктор Агафонов и Константин Михайлович Перцов, секретарь партбюро, когда к ним подсел Крымов. Агафонов тут же ринулся в «атаку».

— Сергей, а партбюро знает о твоих былых дружках? Говорят, они у тебя были такие, что упаси боже... Один в местах не столь отдаленных пребывает, а другого, англичанина, попросту выдворили из нашей страны.

Сергей вопрошающе посмотрел на Перцова: «Что скажете? Требуется объяснения?» Но тот молча, невозмутимо продолжал расправляться с цыпленком. Однако Агафонов не унимался.

— Что молчишь, Крымов? Я это не случайно... Не любопытства ради... Сегодня в редакцию заглянул наш автор, недавно вернулся из Англии. Вы его знаете, Константин Михайлович... Вадим Куроедов, экономист... В Лондоне он с тем твоим дружкой, англичанином Дюком, лицом к лицу столкнулся, они вместе в аспирантуре учились. Англичанин интересовался, как господин Крымов поживает. Вадим приметил тебя здесь, и сразу вспомнил Дюка,

и удивленно спросил: «Каким ветром этого молодого человека к вашему берегу прибило?» И, между прочим, заметил, что видел тебя в «Метрополе». И намекал на какие-то твои задушевные беседы за бутылкой шампанского со странными, мягко выражаясь, людьми... Видишь, как мир тесен...

Выплеснуто это было с изрядной порцией яда, с туманными намеками на уроки, которые не пошли впрок, и с явным желанием заинтересовать Перцова.

А тот с тем же непроницаемым лицом спросил:

— Ну и что?

— Не понял тебя, Константин Михайлович. Что значит: «Ну и что?» Ты считаешь нормальным?! Отказываюсь понимать...

— Да и я тебя не очень понял. Видимо, мы по-разному на профессию журналиста смотрим. Журналист перестает быть журналистом, когда он начинает собственной тени бояться, если он с оглядкой, «как бы чего не вышло», нужные для работы связи устанавливает... Между прочим, и с теми, из другого стана, если тема требует. А если обстоятельства так складываются, что надо дать бой, — что же, вступай в бой. Я имею в виду идеологию. В кусты уходить — нехитрое, брат, дело... Полагаю, что встречи в ресторане, на которые ты столько тумана напустил, имеют прямое отношение к творческим замыслам Крымова. И скоро мы будем иметь возможность прочесть нечто любопытное... Не так ли, Сергей?

— Хочу надеяться... Впрочем, боюсь, что... — И Сергей с тревогой посмотрел на Агафопова. Взгляды их перекрестились, и в злых, холодных, как льдинки, агафоновских глазах нетрудно было прочесть: «Поживем — увидим, разговор наш не окончен».

Все трое молча встали из-за стола и разошлись. Через час Перцов позвонил Крымову.

— Если можешь, загляни...

Разговор начался без всяких преамбул.

— Все, что касается, выражаясь языком Агафопова, твоих былых дружков, мне известно. По причинам, о которых знать тебе не надобно, в свое время не счел нужным придавать огласке эти не лучшие страницы твоей биографии. А что касается намеков на какие-то беседы

в «Метрополе», то здесь хочу рассчитывать на твою откровенность.

— Вы не ошибетесь в этих расчетах. Сказанное Агафоновым — это и правда и в то же время одна лишь видимость правды. Искусное переплетение домысла и правды — хорошо отработанный прием, который может ошарашить хоть кого. Действительно, имевшие место факты интерпретированы недобрым человеком и предвзято.

...Сергея природа наделила даром отличного рассказчика, рассказывал он всегда увлекательно, с метко схваченными деталями и даже умело переданной интонацией. Но сейчас он не стал вдаваться в подробности и коротко поведал Бутову все, что было сообщено им секретарю партбюро. И про Полякова и про Аннет, и про Луи Бидо, и таинственно исчезнувшего Кастильо.

Что сказать теперь Крымову? Бутов не помнит кто, но кто-то очень мудро заметил: справедливость — это первое, что постигает молодой человек в шкале моральных ценностей. И сейчас его, полковника, нещадно давило ощущение чего-то недосказанного им в пору последних редких встреч с Сергеем Крымовым. Но это все «за кадром». А в «кадре» Сергей, разбитной, веселый, ершистый, со своим мироощущением, с далеко не уравновешенным характером — экспансивным и даже слегка взбалмошным. Вот и сейчас он несколько задорно объявляет:

— Таковы все те сложности, о которых я хотел сообщить вам, Виктор Павлович.

— Ну какие же это сложности... Досадные житейские коллизии, иногда возникающие по собственной вине, а иногда... — Он запнулся, подыскивая нужные слова. — Что поделаешь, Крымов, эхо твоего прошлого, оно, может, еще не раз даст знать о себе. И это все надо воспринимать спокойно. За все надо платить. Но если обстоятельства потребуют, то я тоже голос поддам... Лишних гирь на чаши весов бросать не следует. А что касается «Метрополя», то тут уж будем надеяться, что уроки прошлого вопреки злопыхательским прогнозам Агафонова пошли Крымову впрок. Так?

— Я не понял вас, Виктор Павлович. О каких уроках речь? Кого вы имеете в виду? Жур-

налиста Луи Бидо? Участницу Сопротивления Аннет? Полякова?

Воцарилось недолгое угрюмое молчание. Бутов ответил не сразу.

— Как вам сказать, Крымов? Скажу расхожие слова — доверяй, но проверяй.

Сергей насупился, и это, конечно, не ускользнуло от пристального взгляда полковника. В душе его на какое-то мгновение зазвенела жалостливая струна, и он более чем участливо сказал:

— Ну будет тебе, Крымов, сразу и сник.

— Нет, нет. Я не сник, Виктор Павлович! Вы меня многому научили. Между прочим, и такому: людям нужно верить, постараться понять человека, поддержать хорошее, поставить заслон плохому. Надо уметь видеть в людях доброе... Вы ведь увидели в Крымове? — Он выпалил все это, задыхаясь от волнения.

Крымове мог бы долго философствовать на эту тему. В редакции в таких случаях говорили: «Сергей опять на любимого конька сел. Романтик!» Он старался воспринимать людей такими, какими ему хотелось видеть их, за что не раз дорого расплачивался. Бутов знал это и с явным интересом слушал.

— Вы не согласны, Виктор Павлович?

Бутов всколыхнул обронил:

— Согласен. Только б от земли, от земных реальностей не оторваться.

Сергею показалось, что в словах этих промелькнул оттенок недоверия, и он резко повернул голову в сторону собеседника.

— Постараюсь... Кое-кто из коллег насмешливо называет меня взбалмошным романтиком. Ну что же... Но согласитесь, что романтический настрой в конечном счете отличнейшим образом сосуществует с острым интересом к сложнейшим реалиям жизни.

Высказав все, что ему хотелось сказать о добром в людях и о том, как скучна жизнь без романтики, Сергей снова вышел на знакомую орбиту.

— Я верю Полякову, хочу верить Аннет Бриссо, а что касается Луи Бидо... Поживем — увидим. Думаю, что шарахается в таких случаях лишь тот, кто сам себе не верит.

— Шарахаться, конечно, не надо. И тем не менее сочту нужным повторить — доверяй и проверяй. Уметь проверять человека так же

важно, как и уметь доверять. — Бутов достал из кармана несколько фотографий, отыскал среди них ту, на обороте которой было написано «Луи Бидо», и протянул ее Сергею. — Взгляните, пожалуйста, на этот фотодокумент. Узнаете?

— Да, Луи Бидо.

— Вы что-нибудь слышали об антисоветских листовках в универмаге?

— Нет.

— Так вот, этот снимок сделан в универмаге, в момент, когда иностранный турист разбрасывал там антисоветские листовки. Вас там не было, а господа западные корреспонденты не прозевали и дружно нагрянули — как же, сто строк на первую полосу. И ваш друг Луи Бидо тут же... Вот полюбуйтеся — что-то кому-то передает...

— Вы неточно выразились. Он просто знакомый.

— Для опознания его личности это не имеет значения. А по существу...

Бутов запнулся и испытующе посмотрел на Крымова. Сергей отчетливо представлял ход мыслей полковника. Значит, он, Крымов, снова человек с отметиной, на подозрении.

— По существу?... По существу мне нечего добавить, Виктор Павлович, к тому, что я уже сказал.

— Но ты же хотел о чем-то посоветоваться?

— Да. Собираюсь писать об Аннет, Полякове, Кастильо. Что скажете?

Бутов понимал, что стоит за этим довольно общо сформулированным вопросом. Сергей обращается к нему как к чекисту. Коллизия сложная, не все еще ясно, и Виктор Павлович, не желая «давить» на авторские планы, деликатно заметил:

— Пока мне еще трудно что-то сказать... Авторский замысел превыше всего. Но если бы я был автором, то, вероятно, воздержался на некоторое время... По крайней мере в той части, где речь идет о Кастильо... А решать тебе...

Крымове улыбнулся, хотелось ему сказать, что он ждал более откровенного ответа, как говорится, в лоб, но ограничился одним словом:

— Спасибо...

В назначенное время Бутов появился в кабинете Клементьева. Виктор Павлович уже успел встретиться с Рубиным, получить от него письменное сообщение о беседе с Кастильо, уточнить некоторые детали. На доклад он шел несколько озабоченный, как-то сложно наложилось одно на другое — ГУМ, Третьяковка, встреча в ресторане, Кастильо, Луи Бидо и трудный разговор с Крымовым.

Генерал принадлежал к числу людей, обладающих счастливым даром одной своей улыбкой вызывать у собеседника хорошее настроение. Не покидавшую Бутова тревожную озабоченность словно ветром сдуло. И все же...

— Опять хмуритесь, Виктор Павлович? — И не дожидаясь ответа: — Докладывайте... Что там в ГУМе напакостил турист?

Бутов кладет на стол листочки, фотографии, свидетельства очевидцев и протокол допроса «туриста».

— Отмалчивается, прохвост...

— Похоже, не хочет выдавать тех, кто направил его к нам с листовками, — с раздражением сказал генерал. — Как думаете, Виктор Павлович, Кастильо мог быть причастен к этой акции? Ведь турист и испанец появились в Москве одновременно.

— Трудно сказать. У Кастильо здесь, вероятно, дела поважнее. Хотя не исключаю и этого.

— Обнаглели! Стали действовать грубо... Не скрываясь. Не иначе, как дело рук одного из зарубежных антисоветских центров. Не сомневаюсь, что и ЦРУ приложило руку. Поддерживайте связь со следователем и регулярно информируйте меня. А теперь перейдем к сократовским делам.

Клементьев откинулся на спинку кресла — и снова весь внимание.

О Сократе ему известно многое, но, чтобы не терять свежести впечатления, слушает так, будто обо всем этом узнает впервые. Потому и не прерывает, когда Бутов восстанавливает в памяти генерала последние страницы биографии Захара Романовича.

— Вот кратко о том, что было. А сегодня прибывший в Москву связник Мигуэль Кастильо встречался с Сократом.

— Надеюсь, свидание контролировалось?

— Товарищ генерал, неужели вы могли усомниться... Тотчас после звонка связника Рубин по телефону поставил меня в известность и получил подробную инструкцию, как действовать. По предложению «гостя» встретились в Третьяковской галерее.

— Нашел место, поганец... Ну, и как Рубин? Выдержал испытание?

— Пожалуй, да. Я тоже был в Третьяковке. Для визуального, как говорится, контроля.

Генерал не преминул поддеть полковника:

— А кто недавно сомневался в Рубине? Эх, Бутов, Бутов!

— Было такое, товарищ генерал. Время — оно всему судья...

— Вы сказали, связной назвал себя Мигуэлем Кастильо. Он испанец?

— Да. Человек известный нам. В Москву прибыл как коммерсант из Венесуэлы.

— Если мне не изменяет память, он в свое время проходил по одному делу.

— Вы правы. У него и кличка есть — «хромой испанец», сын бывшего франкистского летчика, который стал агентом гитлеровской разведки, а после войны — агентом ЦРУ. Сын принял эстафету отца. Хорошо знает нашу страну, быт, обычаи. И, конечно, язык. Разведчик опытный, и ему могли поручить серьезную акцию... На юге Франции процветает контора «Арриго Кастильо и сын». Официально она представляет интересы какой-то венесуэльской фирмы. Сын и есть «хромой испанец». А раньше в поле нашего зрения он попал по делу отнюдь не оригинальному — безуспешно пытался склонить к невозвращению на Родину матросов с советского судна во время стоянки во французском порту. Визитная карточка и фотография Кастильо у нас сохранились: капитан судна передал их в органы госбезопасности.

Продолжение следует.

СО СТАРЫХ СТРАНИЦ «ОГОНЬКА»

ОГОНЕК

61-й год ведет журнал свою летопись, рассказывая о жизни советских людей, о международных событиях.

В этом номере мы открываем новую рубрику, под которой будем публиковать фотоснимки, имеющие теперь уже историческую ценность.

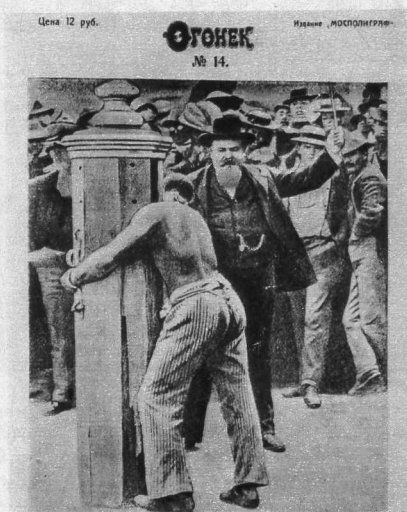
1

2

3

4

5

1

Поэт Сергей Есенин и знаменитая танцовщица Айседора Дункан сняты у Бранденбургских ворот, в Берлине. (№ 1, 1923 год.)

2

Они пришли со своими заботами в Совет Народных Комиссаров РСФСР на прием к Михаилу Ивановичу Калинину. (№ 48, 1924 год.)

3

Заметка, которую иллюстрирует эта фотография, рассказывает о том, что в Европе и Америке широкой известностью пользуются произведения недавнего гостя Москвы, скульптора Джо Дэвидсона. Им созданы портреты многих деятелей Советского государства и знаменитых людей того времени. Джо Дэвидсон лепит с натуры бюст Шалыпина в Нью-Йорке. (№ 30, 1923 год.)

4

На снимке — тюремный двор в г. Уилмингтоне (штат Делавэр). Тюремный надзиратель производит публичное телесное наказание провинившегося черного гражданина «великой свободной Америки». (№ 14, 1923 год.)

5

8 февраля 1924 года состоялись окончательные испытания первого советского пассажирского самолета АК-1 конструкции В. Л. Александрова. Как сказано в сопровождающей снимок заметке, «аппарат, имея мертвый груз в 6 пудов, легко отделившись от земли, забрал 400 метров высоты и сделал круг над аэродромом». С точки зрения нынешней не очень-то большое достижение, но все-таки, по словам заметки, был сделан «первый шаг к созданию русского пассажирского самолета». (№ 13, 1924 год.)

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ
КНИГА

Коста ЦОНЕВ

РАССКАЗ

Марин Попчев, молодой человек приятной внешности и не лишенный интеллекта, утром собрался в баню. Ему приходилось слышать, что культура облизывает человека время от времени расходуя на себя некоторое количество мыла. Завернув в газету чистое бельё, мыльницу, мочалку и махровое полотенце, Марин Попчев засунул сверток в портфель и вышел из дома.

Проходя мимо книжного магазина, он задержался у витрины. За стеклом были заманчиво разложены книги в ярких цветных обложках.

«Куплю себе что-нибудь для чтения,— подумал Попчев.— Если в бане будет очередь, время с книжкой пройдет незаметно».

— Дайте мне красивую книжку,— попросил он у продавщицы,— и, конечно, из современной жизни, и обязательно увлекательную, и, если можно, молодого автора.

Продавщица не глядя протянула книгу.

— Эй, молодой человек! — прогремел у него над ухом раздраженный бас. — Может быть, вы уступите место пожилой женщине?!

Попчев вскичил, огляделся, плохо соображая, где он находится, и обнаружил, что проехал две лишние остановки.

Пришлось возвращаться к бане пешком. Но так как оторвали его от книги на интересном месте — герой собирался сообщить героине что-то очень важное, — Попчев продолжал чтение на ходу. Правда, он наткнулся на встречи прохожих, но никто не говорил ему нехороших слов, потому что люди у нас относятся к чтению с уважением.

В бане очереди не оказалось. Попчев занял кабину и, не открываясь от книги, стал раздеваться. Здесь надо заметить, что раздеваться одной рукой ему никогда не приходилось, но что поделата, если вторая рука была занята книгой.

Приключения героев так увлекли Попчева, что он и в бассейне влез с книгой. Листая страницу за страницей, он совсем забыл, для какой цели сюда явился. Герой уже успел жениться и развестись, героиня развестись и выйти замуж, а Попчев, сидя в бассейне, все читал. На сороковой странице назревало что-то трагическое, но здесь какой-то хлиган, раз-

бежавшись по кафельному полу, с восторженным воплем плюхнулся в бассейн. Фонтаны воды поднялись, окатив Попчева и его книгу.

— Эй, ты! — закричал Попчев. — Чего ты тут распрыгался! Намочил совсем новую книгу!

— А здесь не библиотека! — расхохотался весельчак.

— Простота, вот ты кто! — рассвирепел Попчев.

— Я тебе сейчас покажу простоту! — рванул хулиган и прыгнул сверху на Попчева, окунув его в воду вместе с книгой.

Попчев схватил обидчика за волосы, тот укусил Попчева в плечо. Завязалась драка. Фонтаны брызг обрушились на купающихся. Они стали выпрыгивать из бассейна. К нарушителям подплыл какой-то мужчина с пышными усами. Он назвался милиционером и потребовал прекратить безобразие.

— Ты милиционер?! — загоготал хулиган. — А где твои погоны?

Пока усатый соображал, что ответить, виновник происшествия выскочил из бассейна и затерялся среди намыленных граждан.

— Следуйте за мной, — строго сказал усатый Попчеву.

В раздевалке, когда они оба оделись, выяснилось, что уса-
тый действительно милиционер.
Попчев покорно поплелся за
ним в отделение.

— Где справедливость! — скулил Попчев, стараясь не отстать от быстро шагнувшего по улице милиционера. — Один пишет книгу, от которой нельзя оторваться, другой прыгает с разбегу в бассейн, а я должен отвечать...

— Какую еще книгу? — не понял милиционер.

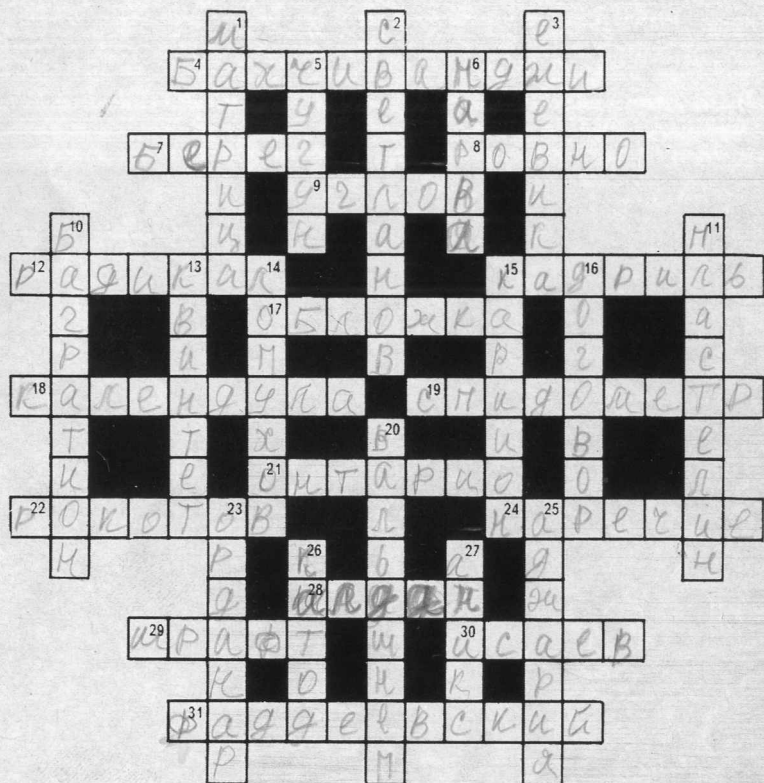
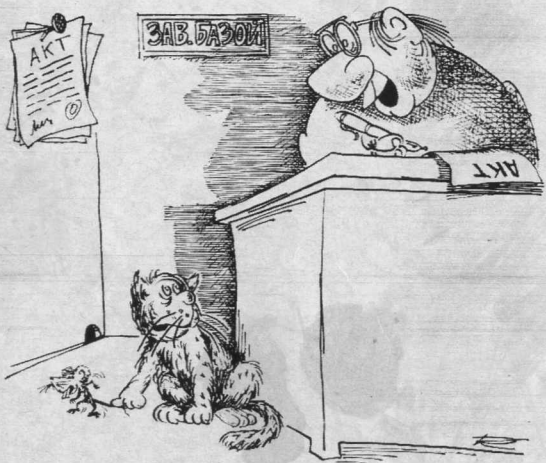
— А вот эту... — Попчев протянул книгу, с которой стекала вода. — Если не верите, сами почитайте.

Не убавляя шага, милиционер раскрыл книгу. И зачитался. Да так увлекся, что в уличной толпе потерял Попчева...

Вы скажете, что это неправдоподобно. Не мог милиционер из-за какой-то подмоченной книги потерять задержанного.

Согласен. Неправдоподобно. Лично я не знаю такой увлекательной современной книги молодого автора, из-за которой могло бы произойти подобное нарушение. Если вы знаете, подскажите...

Авторизованный
перевод с болгарского
Н. ЛАБКОВСКОГО.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Герой Советского Союза, летчик-испытатель первых реактивных самолетов. 7. Роман Ю. В. Бондарева. 8. Областной центр на Украине. 9. Хирург, лауреат Ленинской премии. 12. Математический знак. 15. Народный и балльный танец. 17. Бумажная обертка книги, тетради. 18. Декоративное и лекарственное растение. 19. Прибор, указывающий скорость движения автомобиля. 21. Озеро в США и Канаде. 22. Русский живописец XVIII—XIX веков. 24. Группа местных говоров. 28. Река в Якутии. 29. Комплект типографских литер и знаков. 30. Советский поэт, лауреат Ленинской премии. 31. Один из Новосибирских островов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Инструмент, используемый при штамповке. 2. Дирижер и композитор, лауреат Ленинской премии. 3. Ягодный кустарник. 5. Сплав железа с углеродом. 6. Город в Эстонии. 10. Русский генерал, командовавший армией в Отечественную войну 1812 года. 11. Материал для лепки. 13. Музыкальный ансамбль из пяти исполнителей. 14. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 15. Ударный самозвучающий инструмент. 16. Соглашение о взаимных обязательствах. 20. Лесной кулик. 23. Средний многолетний уровень водоема. 25. Советская автономная республика. 26. Отрицательный полюс электрического аккумулятора. 27. Подолочный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Олимпиада. 6. Камышовка. 9. Грунтоведение. 14. Инари. 16. Передовая. 18. Конвертер. 20. Пинакотена. 21. Транзистор. 23. Белозерск. 25. Кабриолет. 26. Ребро. 27. Дирижирование. 28. Коваленко. 30. Анималист.

П О В Е Р Т И К А Л И: 1. Виск. 2. Симметрия. 3. Разведчик. 4. Маша. 7. Тригонометрия. 8. Мирозозрение. 10. Вуаль. 11. Степанова. 12. Тирасполь. 13. Селигер. 15. Ледорез. 17. Апенс. 19. Осада. 22. «Выбор». 24. Крыжовник. 25. Конвенция. 28. Краб. 29. Кета.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Н. В. Гоголь. 1845 год. Фрагмент дагерротипа «Гоголь среди русских художников в Риме». (Единственное фотографическое изображение писателя.)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунки Н. В. Гоголя. Из фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. (См. в номере материалы, посвященные 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя.)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов: редакций — Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социально-литературских — 250-24-21; Искуств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.03.84. Подписано к печати 28.03.84. А 00345.
Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1725 000 экз. Изд. № 887. Заказ № 2314.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Александр Михайлович Згуриди в Арнтине.

Буйная, пышная, ярко-зеленая тропическая растительность Новой Зеландии. Необыкновенный, непривычный для нас животный мир. Здесь водятся, например, птицы, которые не летают по воздуху, а живут под землей, в норах, старательно упрятанных между корнями вечнозеленых буковых деревьев. Но что это? Рядом, напротив норы, сделано укрытие, в котором притаился человек. На штативе перед ним кинокамера, нацеленная на выход из норы.

Так сидит он у норы уже шестые сутки! А ее хозяин — совиный попугай, ночной гуляка — не хочет появляться. Чует что-то неладное. Но голод все же берет свое. И вот наконец уже под утро он высунил голову, осмотрелся и вышел из норы. Тотчас вспыхнули два прожектора и мягко зашипел киноаппарат. Попугай сперва оторопел от неожиданности, присел, снова выпрямился, захлопал крыльями и быстро-быстро отбежал в сторону.

Кто же этот человек? Кинорежиссер, профессор ВГИКа, лауреат Государственных премий, инициатор и организатор популярной и любимой всеми передачи Центрального телевидения «В мире животных», народный артист СССР Александр Михайлович Згуриди.

Эпизод с совиным попугаем пройдет потом на экране всего за 30 секунд. Но чтобы его снять, режиссер и оператор сидели в укрытии ШЕСТЬ суток! 30 секунд и 6 суток! Какое нужно иметь терпение и какое желание показать зрителям эту редкую птицу, необычного представителя новозеландской фауны!

Снимать фильмы о природе, о диких животных, их поведении, повадках, привычках в их естественной обстановке, уметь подсмотреть глазом кинообъектива их жизнь, скрытую от глаз человека, их сокровенные тайны взаимоотношений — это «наука» трудная.

Когда А. М. Згуриди готовится к съемке нового фильма, он как ученый тщательно и подробно изучает всю научную литературу, касающуюся тех районов, где будет сниматься фильм, и тех животных, которых хочет снять. Потом он пишет сценарий, пишет его сам, как профессиональный писатель, как поэт и художник. Поэтому фильмы А. М. Згуриди соединяют в себе научную достоверность и высокую поэтичность рассказа. Этот жанр научно-художественных фильмов Згуриди является новым словом в нашей кинематографии.

Каждый полнометражный фильм о животных — это 20—30, а иногда и 50 тысяч километров пройденного пути, это 20—25 тысяч метров отснятой киноплёнки, из которой потом будет отобрано 1200—1500 самых лучших метров для показа на экране. Это 2—3 года трудной, кропотливой, ответственной, порой изнурительной работы.

И еще об одном мы должны сказать: снимать диких животных в природе — это всегда риск. Иногда, чтобы получить нужный кадр, надев акваланг, приходится опускаться под воду, в другой раз

подняться в воздух и из открытой кабины летящего с огромной скоростью самолета, когда ветер вырывает из рук кинокамеру и тебя самого отрывает от сиденья, из очень неудобного положения надо снимать. Дубля не будет!

Рискованная работа снимать, встречаясь нередко с глазу на глаз с разъяренным или испуганным зверем, готовым к нападению, — ведь поведение хищника непредсказуемо, или, сидя несколько суток в засаде, не проявить себя, не зашуметь, не смахнуть с лица влившегося комара! А потом в считанные секунды снять намеченный эпизод!

Александр Михайлович почти никогда не работает с дрессированными животными. Это сразу будет заметно на экране, считает он. Он снимает только диких животных, в природе, в естественной обстановке. И самое трудное — показать природу «такой, как она есть». Диких животных не заставишь «играть» перед киноаппаратом. Не заставишь повторить то или иное выражение «милого лица», проявить в нужный момент свои эмоции: злость, испуг, ласку или грусть, материнский инстинкт... Надо уметь поймать тот самый момент поведения животного, который необходим для фильма.

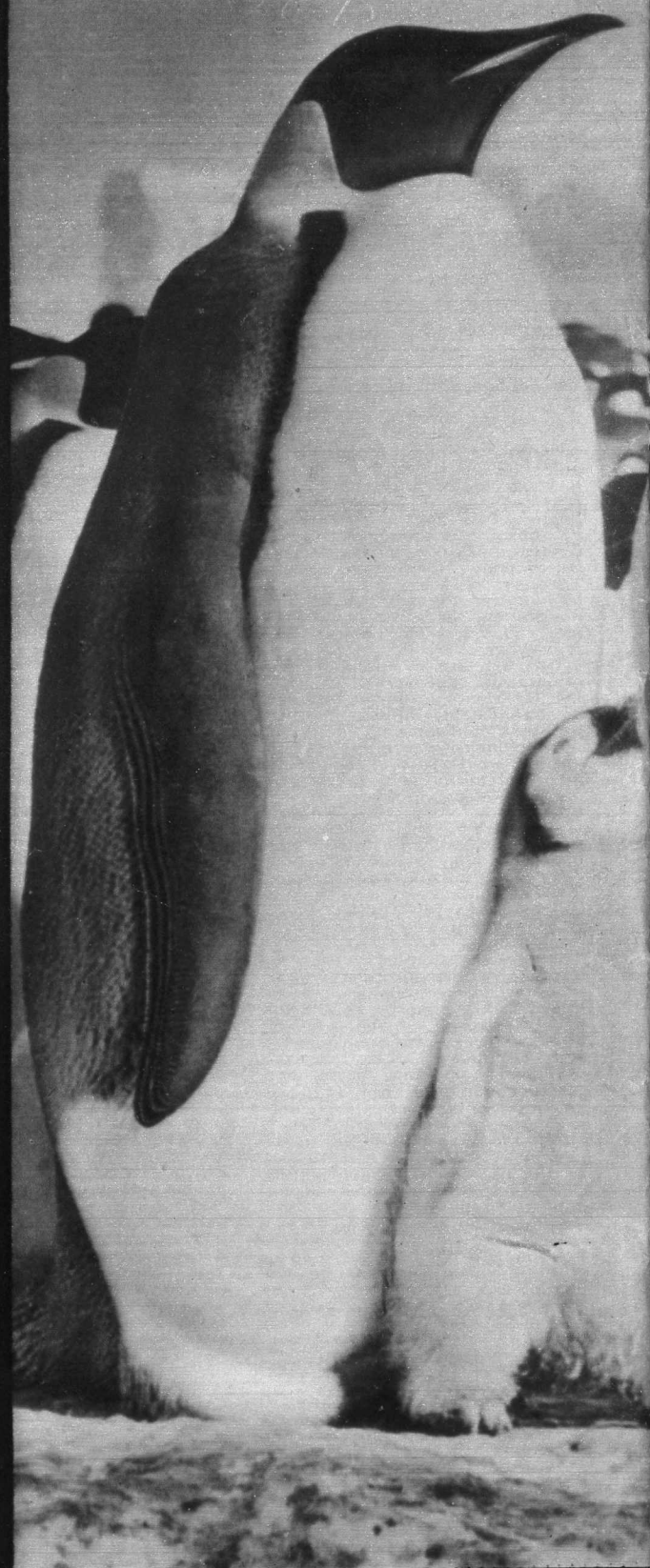
Всем этим сложнейшим и тонким искусством создания научно-художественных фильмов о природе и животных в совершенстве владеет А. М. Згуриди. Вспомните такие фильмы, как «Дикая жизнь Гондваны» — о диких животных Африки или «Зачарованные острова» — фильм, состоящий из нескольких новелл, посвященных «драконам» острова Комодо, австралийским и новозеландским необыкновенным животным и нашим родным сайгакам и каланам. Мы хотели бы назвать также один из последних фильмов — «Зачем бабируссе клыки?» — фильм, мы бы сказали, глубоко философский, ставящий перед зрителями вопросы о некоторых парадоксах эволюции животного мира, призывающий к серьезным раздумьям. Чудесны фильмы, снятые А. М. Згуриди и его творческим коллективом об арктических и антарктических животных: белом медведе, гренландских тюленях, песцах, императорских пингвинах, о животных наших лесов, степей, морей, Севера и Юга страны.

Все его фильмы воспитывают и пропагандируют с необычайной силой и убедительностью любовь к природе, бережное, ласковое к ней отношение, любовь к животным, ко всему живому на Земле. И все фильмы показывают, какая она хрупкая, наша природа, как в природе все точно скоординировано и тесно между собой связано тысячами невидимых нитей, как должен человек осторожно и аккуратно к ней относиться, чтобы не потянуть за ту ниточку, которая приведет к экологической катастрофе: маленькой или даже большой...

Сергей КЛУМОВ,
Игорь АКИМУШКИН

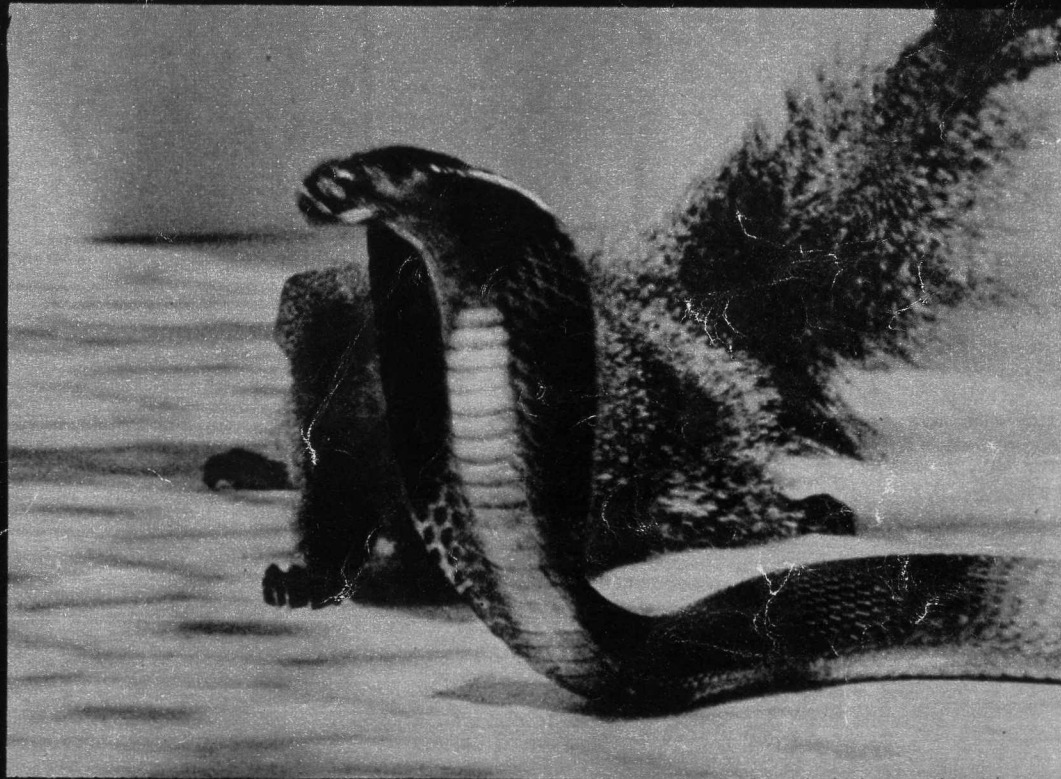
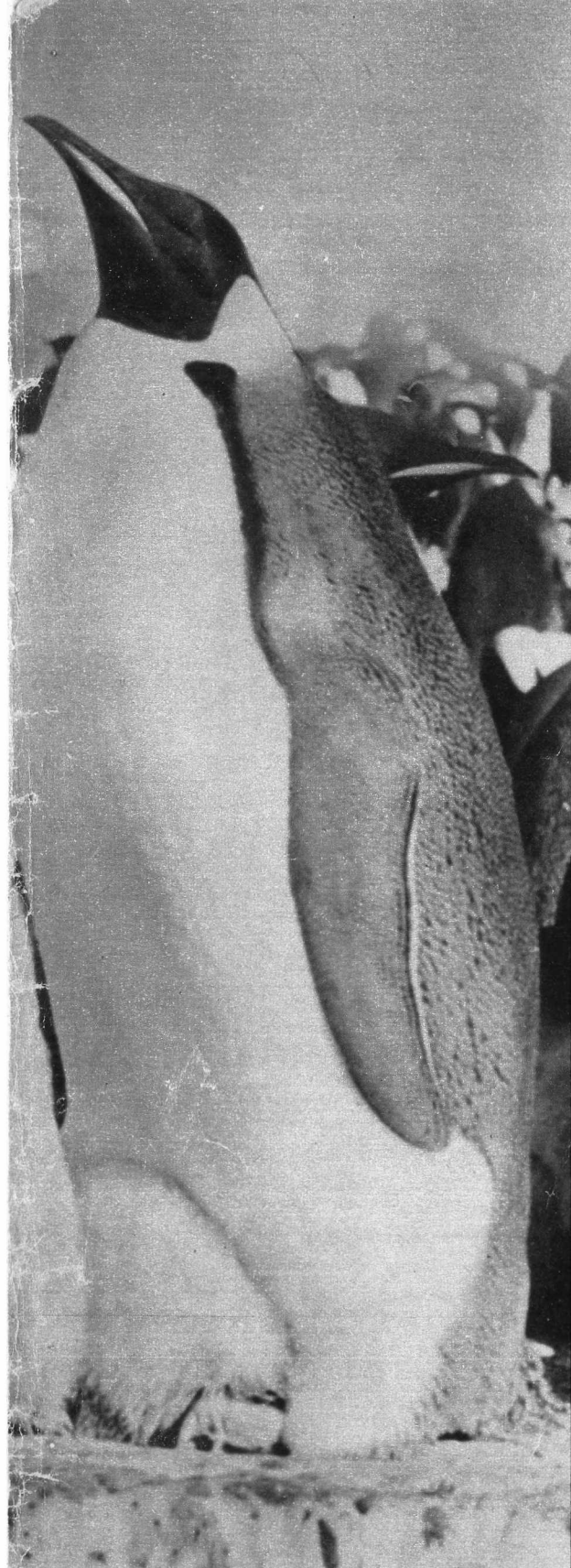
30 СЕКУНД И 6 СУТОК

1

2

1

Во льдах Антарктики. Папы императорских пингвинов обмениваются опытом по воспитанию детей.

2

«Мама, я хочу есть!» Новорожденный гренландский тюлень-белек.

3

Ей не нравится кинооператор. В Африке на съемках фильма «Зачарованные острова».

4

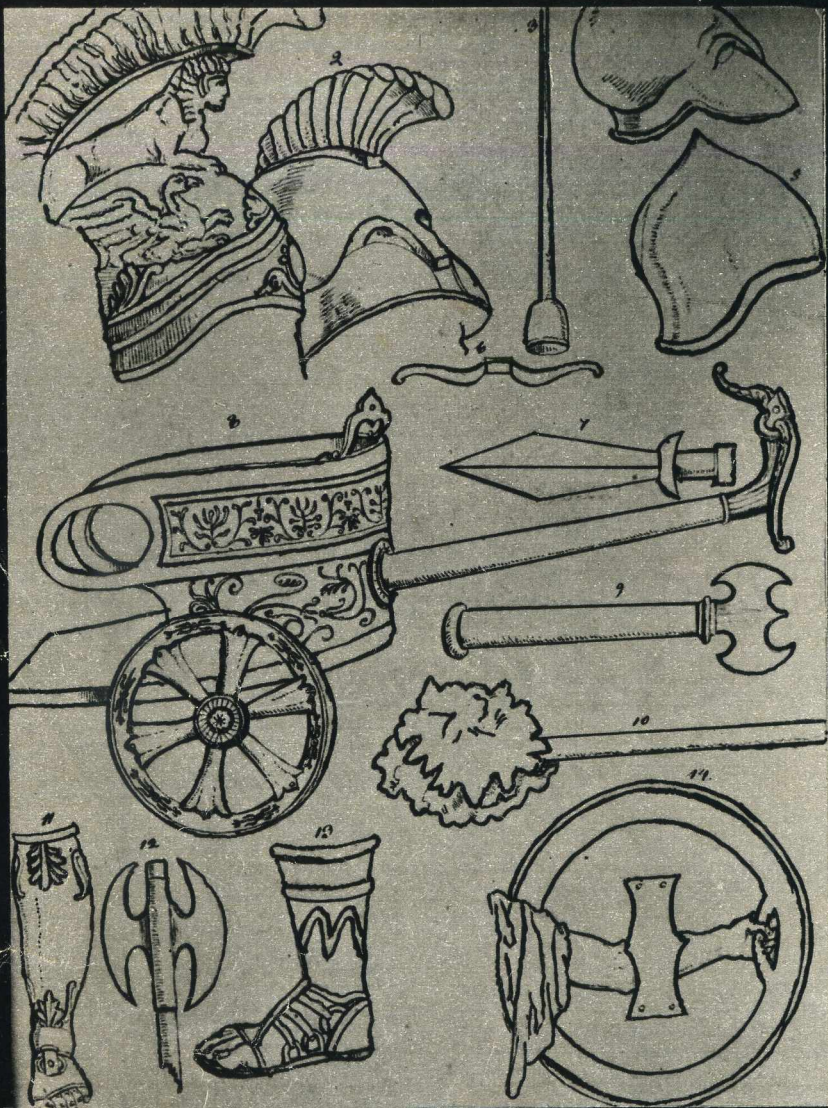
Поединок. Мангуст борется с ядовитой коброй.

5

«Зачем меня разбудили?» Обитатель о. Шри Ланка тонкий лори днем обычно спит, активен ночью.

5

[illegible][illegible]